

А. В. КОСЯН

**ЛУВИЙСКИЕ ЦАРСТВА МАЛОЙ АЗИИ
И ПРИЛЕГАЮЩИХ ОБЛАСТЕЙ
В XII—VIII вв. до н. э.**

(ПО ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМ ЛУВИЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

ЕРЕВАН

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԳԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ա. Վ. ՔՈՍՅԱՆ

ԼՈՒՎԻԱԿԱՆ ԹԱԳԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ՓՈԹՐ ԱՍԻԱՅՈՒՄ ԵՎ ՀԱՐԱԿԻՅ ՇՐՋԱՆՆԵՐՈՒՄ
մ. թ. ա. XII—VIII դդ.
(ԸՍՏ ՀԻԵՐՈԳԼԻՖԱՅԻՆ
ԼՈՒՎԻԵՐԵՆ ԱՂԲՅՈՒՐՆԵՐԻ)

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

89

СЕРЬОЗНОСТЬ

А. В. КОСЯН

ЛУВИЙСКИЕ ЦАРСТВА МАЛОЙ АЗИИ
И ПРИЛЕГАЮЩИХ ОБЛАСТЕЙ

В XII—VIII вв. до н. э.

(ПО ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМ
ЛУВИЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

Р II
638927

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГИТУТЮН» НАН РА
ЕРЕВАН 1994

Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения НАН РА

Ответственный редактор: доктор истор. наук *И. М. Дьяконов*

Книгу рекомендовали к печати рецензенты: канд. филол. наук
М. Л. Хачикян, канд. истор. наук *Г. М. Аветисян*

Косян А. В.

Лувийские царства Малой Азии и прилегающих областей в XII—VIII вв. до н. э. (по неоглифическим лувийским источникам). /Отв. ред. И. М. Дьяконов. НАН РА. Ин-т востоковедения. Ер., Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1994.

Монография является первым в научной литературе систематическим исследованием неоглифических лувийских надписей—важнейших первоисточников по истории лувийских царств древней Малой Азии, Северной Сирии и долины Верхнего Евфрата. В монографии исследуется целый ряд неизученных вопросов военно-политической истории, хронологии, топонимики и ономастики этих политических образований.

Предназначена для специалистов по истории Древнего Востока и армянского народа.

К 0503020200 Без объявл.
703 (02)—94

ISBN 5—8080—0136—6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конец XIII—начало XII вв. до н. э. ознаменовался коренными переменами в истории древней Малой Азии и прилегающих областей, связанными с крушением одной из крупнейших держав Ближнего Востока—Хеттского государства¹, которое привело к существенным изменениям в политической и этнической карте бывших владений хеттов. Уже в конце II—начале I тыс. до н. э. на востоке и юго-востоке Малой Азии, в верхнеевфратской долине и Северной Сирии ассирийскими, а позже и урартскими клинописными источниками упоминается ряд новых, ранее неизвестных политических единиц и племен. Их появление в специальной литературе принято связывать с этническими передвижениями, имевшими место в период гибели Хеттского государства².

С разрушением хеттской государственности обрываются и хеттские клинописные тексты, являющиеся основным письменным источником для изучения истории и культуры древней Малой Азии и прилегающих областей II тыс. до н. э. Лишь после почти векового перерыва в ассирийских источниках появляются сведения о государственных образованиях на востоке Малой Азии и в Северной Сирии. Со временем ассирийские и урартские источники все чаще и подробнее сообщают о мелких царствах «страны Хатти /Хате/ Хатинили»³, которые представляли собой серьезное препятствие для распространения влияния этих двух крупнейших держав древней Передней Азии на восточное Средиземноморье. Многовековая борьба т. н. «позднихеттских» (или «новохеттских»)⁴ царств с Ассирией и Урарту, которые стремились к установлению своего контроля над важнейшими источниками сырья (в первую очередь металлов), а также над ближневосточной транзитной торговлей металлами, в основном завершается в конце VIII в. до н. э. тем, что большинство из них, и в

первую очередь все северосирийские царства, превратились в ассирийские провинции. Часть малоазийских царств, хотя и сохранила относительную независимость, однако вскоре они также были поглощены своими могущественными соседями—сначала Фригией, а затем и Лидийским царством.

Сведения ассирийских и урартских клинописных источников, исключительно на основе которых до недавнего времени изучалась история лувийских царств, страдают односторонностью и большей частью тенденциозны, так как они упоминают эти царства только в кризисные периоды их истории (в связи с походами ассирийских и урартских царей, взиманием дани и т. д.). К тому же эти сведения появляются нерегулярно, потому что ассирийцы и урарты обычно не сталкивались сразу со всеми лувийскими царствами, а о некоторых из них в указанных источниках сохранились довольно смутные сведения.

Начиная с середины XIX в. в Малой Азии и Северной Сирии были обнаружены ранее неизвестные иероглифические надписи, которые долгое время являлись камнем преткновения для исследователей. Ученые испробовали лингвистический материал десятков языков для их дешифровки, пока сумели определить, что иероглифические надписи скрывают под собой язык весьма близкий к известному из богазкёйского архива клинописному лувийскому языку. Чтобы отличить новообнаруженный язык от клинописного лувийского, за первым в научной литературе в последние годы закрепилось название «иероглифический лувийский» (вместо старого «иероглифический хеттский»). Дешифровка иероглифического письма в основном была завершена после обнаружения известной двуязычной надписи из Каратепе (в равнинной Киликии)⁵. Дальше дело быстро продвинулось вперед благодаря исследованиям ряда ведущих хеттологов—Э. Лароша⁶, П. Мериджи⁷, Х. Т. Боссерта⁸, Х. Миттельбергера⁹, Д. Хокинса¹⁰ и др.

Однако, несмотря на очевидные успехи в области дешифровки иероглифических лувийских надписей (ИЛ), текстовый материал лувийской эпиграфики вводился в широкий научный оборот очень медленно, чему в известной степени препятствовало небольшое количество обнаруженных надписей (в настоящее время их число достигает около 300 единиц), к тому же многие из них представ-

ляют собой небольшие фрагменты. Поэтому ученые оперировали иероглифическим материалом лишь в тех редких случаях, когда становилось возможным сопоставление данных иероглифических надписей с современными им ассирийскими и урартскими клинописными источниками. Причем, почти всегда предпочтение отдавалось более надежному в плане установленной хронологии клинописному материалу, вследствие чего частично реконструированная история лувийских царств состояла сплошь и рядом из походов ассирийских и урартских царей в изучаемый регион¹¹; «мирная» история совершенно отсутствовала.

Тем не менее, в 70—80-х годах в области изучения исторического материала ИЛ надписей были достигнуты определенные успехи как за рубежом¹², так и в нашей стране¹³. Английский хеттолог Д. Хокинс в своих многочисленных статьях изучил ряд весьма важных аспектов истории лувийских царств. Благодаря ему, сейчас уже прояснились основные контуры истории исследуемого региона.

Настоящая книга целиком посвящена изучению ИЛ надписей. Исследование ведется по двум основным направлениям. Первая глава посвящена изучению внешних характеристик надписей. Во второй и третьей главах изучается исторический материал, содержащийся в надписях многочисленных лувийских царств. В четвертой главе исследуются вопросы топонимики и ономастики ИЛ надписей.

Работа является первым опытом всестороннего изучения истории лувийских царств почти исключительно с помощью ИЛ надписей, с целью выявить все то новое, что содержится в указанных источниках, не сковывая результаты исследования хорошо известными сведениями клинописных текстов. В дальнейшем ее результаты могут быть использованы при составлении фундаментальных трудов по истории региона.

Автор выражает свою благодарность проф. Вяч. Вс. Иванову, проф. И. М. Дьяконову и проф. Н. В. Арутюняну за их постоянную помощь и содействие при подготовке настоящей книги, а также всем сотрудникам отдела Древнего Востока Института востоковедения НАН Армении за ценные замечания, сделанные ими при обсуждении работы.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ ЛУВИЙСКИЕ НАДПИСИ

ХАРАКТЕР ПИСЬМА

Малоазийская иероглифика представляет собой идеографическо-фонографическую письменность¹, развившуюся под существенным влиянием клинописи, независимо от того, когда и как она была создана². В глоссарий иероглифического письма входят около 450 знаков³, большинство из которых идеограммы. Число же силлабических знаков достигает 70⁴. Развитие как числа, так и внутреннего содержания знаков в послехеттскую эпоху очевидно. Немногочисленные архаичные знаки, употреблявшиеся большей частью идеографически, в начале I тыс. до н. э. сменяются довольно объемистой, отточенной системой письма с быстро прогрессирующей тенденцией к силлабизации. Этот процесс усиливается примерно к концу XI—началу X вв. до н. э., что отчетливо прослеживается на каргамисском материале; некоторые знаки, употребленные в надписях X в. до н. э. идеографически, в VIII в. до н. э. сменяются другими или вовсе исчезают⁵.

Иероглифическая эпиграфика различает три категории знаков: а) идеограммы/детерминативы, б) чисто слоговые знаки, в) вспомогательные знаки. Это разграничение ясно прослеживается в лувийский период, но плохо изучено для конца II тыс. до н. э., где первые две категории не слишком различаются, а третья почти отсутствует.

Идеографически обозначаются отдельные слова или словосочетания, обычно наиболее употребительные как в живой речи, так и в канцелярском лексиконе. Идеограммы могут скрывать под

собой все слово или его часть. Чаще всего идеографически передается только начальный слог слова, остальная же часть пишется слоговыми знаками («фонетический комплемент» в клинописи). Нередки примеры, когда очень трудно судить о том, каким образом следует интерпретировать данный знак—фонетически или идеографически, так как его фонетическое чтение вполне соответствует начальному слогу написанного слова⁶. Идеограммы применяются и как своеобразные детерминативы («ограниченный детерминатив» по П. Мериджи). В принципе нероглифические детерминативы—это те же идеограммы, так как они обычно ставятся только перед одним или несколькими словами, но не перед определенной категорией слов, как в клинописи; в нероглифике отсутствуют такие клинописные детерминативы как «дерево» (GIŠ), «камень» (NA₄), и т. д. Подобные детерминативы почти всегда ставятся перед определяемым словом, и только четыре из них—«бог», «человек», «город» и «страна» (они транскрибируются соответственно как (D)INGIR, I/m, URU, KUR) имеют постпозитивное применение. Несмотря на свое нерегулярное употребление в качестве детерминативов, даже в конце послехеттского периода они временами выступают как идеограммы⁷.

Часто встречаются сложные идеограммы/детерминативы, и в большинстве случаев их интерпретация не представляется возможной ввиду ограниченного или даже единичного употребления⁸.

Внутренняя конструкция силлабических знаков в корне отличается от клинописных знаков тем, что здесь налицо лишь открытые слоги типа согласный+гласный (СГ)⁹, причем различаются только гласные а, і, u. Графически не различаются также звонкие и глухие согласные. Правда, есть несколько знаков, имеющих конструкцию согласный+гласный+согласный (+гласный) (СГС[Г]) или гласный+согласный+гласный (ГСГ), но все это поздние явления, образованные с помощью слияния двух знаков—знака для слога СГ+«шип»¹⁰, и их существование не влияет на общую структуру нероглифического письма.

В отличие от клинописи, нероглифическое письмо не знает полифонии. Здесь каждый силлабический знак имеет одно твердо установленное слоговое чтение. Из общего числа последних в

конце послехеттского периода только половина знаков окончательно утратила идеографические функции.

По мере развития письма в сторону силлабизации знаков писцами были созданы дополнительные знаки для упрощения составления и чтения надписей («идеографические приметы» по П. Мериджи)¹¹. Эти знаки употребляются нерегулярно, а в ряде случаев вообще отсутствуют. Наиболее частое применение «идеографических примет» наблюдается в некоторых надписях из Табала и Каргамиса.

ИЛ эпиграфика палеографически неоднородна: различаются два основных стиля выполнения знаков—монументальный (выпуклые, рельефные знаки, имеющие заметное сходство с первоначальными пиктограммами) и упрощенный (линейные знаки, проявляющие тенденцию к утрате сходства с пиктограммами)¹². Следует отметить, что оба стиля представлены почти во всех царствах изучаемого ареала. Судя по надписям, где фигурирует только монументальный стиль, можно предположить, что именно этот стиль является древним, а второй появился гораздо позже, примерно в X—IX вв. до н. э. Развитие упрощенного стиля относится к концу лувийской эпохи. Даже самый поверхностный палеографический анализ позволяет определить, что монументальный стиль, за редкими исключениями, применялся при составлении царских надписей, а упрощенным пользовались в основном зависимые правители и частные лица¹³. Палеографически изучаемый регион расчленяется на два ареала—восточную Малую Азию (упрощенный), Северную Сирию и верхнеевфратскую долину (монументальный)¹⁴.

Одним из самых проблематичных вопросов изучения неероглифического письма в настоящее время является научная транслитерация текстов надписей, не нашедшая должного решения. В основе всех трудностей лежит принципиальное различие неероглифики и клинописи по части применения идеограмм и детерминативов, что заметно препятствует использованию отточенной ассириологической традиции. В настоящее время мы пользуемся способом транслитерации, предложенной П. Мериджи и поддержанной рядом ученых, несмотря на веские аргументы, выдвигаемые против этой системы¹⁵.

Дальнейшее изучение иероглифического письма и языка могут внести существенные изменения в вышеизложенную схему, но даже в настоящее время она позволяет в той или иной степени интерпретировать материал, содержащийся в надписях¹⁶.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЛУВИЙСКИХ НАДПИСЕЙ

Ареал распространения ИЛ надписей включает в себя восточную часть полуострова Малая Азия и Северную Сирию¹⁷, а также верхнеевфратскую долину. Отдельные надписи обнаружены в других районах Малой Азии. Следует отметить, что не все надписи принадлежат к изучаемой эпохе. Судя по архаическому пошибу и неоднократно встречающимся именам хеттских царей, некоторые надписи выполнены в период существования Хеттского государства¹⁸.

Изучая историю Малой Азии и сопредельных стран в период после крушения Хеттского царства вплоть до конца VIII в. до н. э., важно установить по мере возможности принадлежность той или иной надписи к определенному царству. При этом существует несколько критериев: а) возможность включения данного района в состав определенного царства в тот или иной период на основании клинописных источников, б) установление личности составителя надписи (упоминание известных стран, городов или лиц), в) палеографический анализ надписи, дающий в той или иной степени возможность установить «примерный пошиб» и степень развития письма, характеризующие определенные области после-хеттского ареала.

Следует отметить, что ни один из этих критериев не может быть абсолютным. Границы лувийских царств, определяемые и по сей день почти исключительно с помощью клинописных источников, вне всякого сомнения, могли изменяться в промежутках—порой долгих—между походами царей Ассирии и Урарту в изучаемые области. Поэтому при идентификации надписей мы в основном опираемся на остальных двух критериях.

Но и здесь имеются значительные трудности. Во-первых, составители надписей не всегда упоминают своих сюзеренов, или

не приводят свои генеалогии. Нередки случаи, когда отсутствуют названия городов или областей, принадлежавших составителю надписи. Во-вторых, начало многих надписей, где обычно приводятся генеалогия и название подвластной области, повреждено.

Некоторую, хотя и не всегда надежную помощь оказывает палеографический анализ надписей¹⁹. Трудность подобного анализа заключается в том, что одни и те же формы знаков встречаются в совершенно разных областях лувийского региона. Весьма трудно определить существование местных «школ», применявших тот или иной пошиб. Само существование множества царств, часть которых, несомненно, представляла собой союз временно объединенных городов, может косвенно свидетельствовать в пользу многообразия пошиба. Все же довольно четко выступают три ареала, объединенных общностью пошиба: а) линейная форма знаков (восточная Малая Азия—Табал), б) монументальный стиль—рельефные знаки (Северная Сирия—Каргамис, Унки/Паттин, Хамат, Куммух, «Тиль-Барсип» и Гургум), в) архаичный монументальный стиль (долина верхнего Евфрата—Мелид). Более конкретное разграничение пошиба на данном этапе изучения палеографии неоглифического письма пока не представляется возможным.

Характерно то, что не все царства представлены эпиграфическим материалом в одинаковой степени. В этом отношении выгодно выделяется Каргамис, где систематические раскопки открыли более тридцати надписей и множество фрагментов, а также несколько надписей из близлежащих районов, составленных каргамисскими царями и их подданными. Надписи из остальных северосирийских царств немногочисленны и освещают лишь определенные периоды существования этих царств. Относительно хорошо представлено верхнеевфратское царство Мелид, где пока обнаружено около двух десятков надписей.

Намного труднее обстоит дело с надписями Табала. Разбросанные к северу и югу от изгиба совр. реки Кызыл-Ирмак, эти надписи не всегда можно отнести к известным нам царствам Табала, так как в большинстве случаев их составители не упоминают принадлежавшие им города или районы. Некоторые из них повреждены именно в начале, что весьма затрудняет изучение.

Обобщая вышесказанное о распределении иероглифических надписей, следует отметить, что трудности, связанные с привлечением указанных критериев, все же существенным образом не препятствуют группированию надписей как по выделенным трем ареалам, так и по отдельным царствам.

ХРОНОЛОГИЯ НАДПИСЕЙ

ИЛ надписи послехеттского периода охватывают довольно значительный исторический отрезок времени (XII—VIII вв. до н. э.)²⁰, хотя в настоящее время из-за отсутствия упоминаний лувийских царств в XII—XI вв. до н. э. (кроме Мелида и Каргамиса) как в клинописных, так и в иероглифических источниках, трудно датировать ту или иную надпись этим временем. Абсолютное большинство иероглифических надписей относится к X—VIII вв. до н. э., т. е. к периоду существования всех известных нам царств Малой Азии и сопредельных районов.

Самые ранние, датированные более или менее точно, царские надписи обнаружены в Мелиде и Каргамисе²¹. Несмотря на наличие порой значительных отрезков времени, не освещенных эпиграфическим материалом, контуры развития этих царств прослеживаются почти с начала их возникновения до конца послехеттского периода.

В гораздо худшем состоянии находятся другие царства, где надписей обнаружено намного меньше, в связи с чем возникают большие трудности при их датировке. Надписи этих царств принадлежат двум-трем, а иногда и одному из известных по другим источникам царей, вследствие чего изучение истории этих царств носит весьма отрывочный характер. К числу таких царств относятся мелкие царства Табала, Хамат, Куммух и Куэ.

Все надписи Табала, без исключения, относятся к VIII в. до н. э. или к концу IX в. до н. э., т. е. составлены в конце послехеттского периода, тогда как из всех других районов лувийского ареала известны более ранние надписи²². Немногочисленные надписи Хамата охватывают правление двух царей (середина IX вв. до н. э.), а из Куэ известна только одна надпись, составленная в конце VIII—начале VII вв. до н. э. Надписи из Куммуха

обнаружены в весьма плохом состоянии, к тому же трудно определить, какие из них царские, а какие принадлежали локальным правителям. Из числа эпиграфически малоосвещенных царств несколько выделяется Гургум, где обнаруженные в малом количестве надписи датируются более или менее точно, благодаря сохранившимся в них спискам царей, которые дают возможность проследить непрерывность лувийской династии в этом царстве в X—VIII вв. до н. э.

В настоящее время невозможна идентификация надписей одного из лувийских царств—Унки/Паттина (в верхней долине реки Оронт), хотя там обнаружено относительно много надписей. Судя по пошибу, эти надписи охватывают довольно значительный отрезок времени.

Исходя из вышеупомянутых трудностей при датировке иероглифических надписей, в работе дается краткий обзор их полезного содержания, с надеждой на возможное определение хронологии в будущем.

ТИПЫ И СТРУКТУРА НАДПИСЕЙ

ИЛ надписи не отличаются большим разнообразием. Почти все надписи представляют собой посвящения разным богам. Лишь некоторые из них являются своего рода заупокойными стелами, посвященными умершим предкам²³. В принципе не существует четкого разграничения между посвятельными и строительными надписями²⁴, так как и те, и другие почти идентичны по своей структуре, и только в некоторых случаях можно провести линию раздела. Чисто строительных надписей мало, и все они отличаются весьма кратким содержанием²⁵. Аппалов, известных по клинописным источникам, не существует²⁶. Все сведения исторического характера содержатся в строительно-посвятельных надписях. Отсутствуют также ритуальные надписи.

Весьма однообразна и структура надписей. Большинство из них построено в основном по следующей схеме: а) введение (имя составителя, его генеалогия и титулатура), б) основное содержание (изложение деятельности составителя), в) формула проклятия. Отклонения от этой схемы немногочисленны и несущественны.

Первая составная часть надписей—введение, несмотря на наличие некоторых местных вариантов, по своей структуре однотипна: «Имя, царь/правитель/господин страны (или города) X, титулатура, генеалогия»²⁷. Обычно в генеалогии предки царя имеют один, максимум два титула. Цари, как правило, ограничиваются упоминанием отца и деда, не доходя к корням своих династий²⁸.

Основное содержание надписей не отличается строгостью построения. Здесь события внешней и внутренней политики царей очень часто излагаются хаотично, вперемежку друг с другом. Поэтому не всегда ясно после какого события произошло другое, какое количество храмов и других сооружений было возведено, так как сходные сведения фигурируют в разных частях надписей. Не наблюдается и особой тенденции к связному изложению деяний царей. Очень редки случаи, когда в надписях сохраняется последовательность в изложении событий. Обычно никогда не отмечается в какой именно период правления того или иного царя произошли упоминаемые события²⁹.

Формула проклятия занимает особое место в иероглифической эпиграфике именно в силу характера самих надписей. Абсолютное большинство этих надписей, как отмечалось выше, строительно-посвятительные и прямым образом связаны с разными сооружениями, а эти последние, с точки зрения составителей надписей, нуждались в своего рода «письменной защите» с предупреждением злым людям о божьей каре за разрушение или осквернение сооружений³⁰. Такие формулы присутствуют почти во всех надписях. Они являются одной из важных характерных черт лувийской иероглифической эпиграфики.

МАЛАЯ АЗИЯ

В числе малоазийских лувийских царств в работе изучаются Мелид, мелкие царства Табала, Гургум и Куэ, хотя нельзя географический термин «Малая Азия» применять ко всем областям этих царств. Так, восточная часть Мелида с ее столицей находилась за пределами полуострова, к западу от верхнего течения Евфрата, т. е. в верхнеевфратской долине; юг Гургума также лежит вне Малой Азии.

Кроме изучаемых царств, в районе Киликийского Тавра, к западу от Куэ, из ассирийских источников I тыс. до н. э. известна по крайней мере еще одна область—Хилакку, но в настоящее время на ее предполагаемой территории не обнаружены иероглифические надписи, поэтому ее включение в круг данного исследования не имеет смысла.

Ввиду отсутствия на его территории иероглифических надписей не включено в работу и другое известное царство на крайнем юго-востоке полуострова—Сам'аль (с центром на месте совр. Зенджирли, в 9 км к северо-востоку от совр. города Исляхне); судя по именам царей, Сам'аль представлял собой смешанное арамейско-лувийское царство¹.

Следует отметить, что все малоазийские царства располагались в восточной части полуострова, включая обширный район между озером Туз (на западе) и верхним течением Евфрата (на востоке), равнинную Киликию и южные отроги системы Тавра (по течению совр. реки Аксу).

Р II
138927

Территория лувийского царства Мелид², расположенной в восточной части Малой Азии и верхнеевфратской долине, во второй половине II тыс. до н. э. являлась границей Хеттского государства. Большая часть территории Мелида входила в состав страны Та/егарама (в долине р. Тохмасу и сопредельных районах)³, которая в основном находилась под опекой хеттов. На востоке она граничила с известной во II тыс. до н. э. страной Исува, в левобережной полосе Евфрата (в районе слияния с ней Арацани-Мурадсу), весьма богатой медными рудниками. Расположение двух важнейших культурно-религиозных центров хеттов—городов Ла(ху)вацантия⁴ и Самуха⁵ в интересующем нас регионе, говорит о том, что эта была одна из значительных областей расселения хетто-лувийского этноса⁶.

Первое упоминание города Мелид после падения Хеттского государства относится к правлению Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.), когда при возвращении из похода на «страны Наири» этот царь принял дань от царя Мелида Аллумари в 1114 г. до н. э.⁷; здесь Мелид назван городом «Великой страны Хатти»⁸. И впоследствии, сообщая о походах в район правобережья верхнего Евфрата, ассирийские и урартские цари упоминают «страну Хатти /Хате/Хатинили, которая в большинстве случаев соответствует территории царства Мелид.

Названия населенных пунктов, упоминаемых в этих источниках, за исключением самого Мелида и «страны» Камана/Камману, не имеют параллелей в собственно мелидских надписях⁹, что весьма затрудняет решение проблем топонимики, и в первую очередь, границ этого царства.

Надписи Мелида¹⁰ отличаются от надписей других лувийских царств, в первую очередь, архаичностью письма, хотя в хронологическом плане большинство из них совпадают с ними. Консервативность в развитии письма наблюдается и при сравнении самих надписей друг с другом. К примеру, надпись из Изгинна, принадлежащая царю Тарасу, мало чем отличается от надписи его далекого потомка—царя Арнувантаса II (*Darende*), правившего, по крайней мере, лет через 150 после него. Письм мелидских надпи-

сей сближается с пошибом конца II тыс. до н. э., хотя большинство надписей, вне всякого сомнения, выполнено в период между X и VIII вв. до н. э. Обильное упогребление идеограмм и нечеткое выполнение многих знаков—основная характерная черта этих надписей. Здесь не наблюдается и особой тенденции к расширению употребления слоговых знаков при написании слов¹¹.

Другой важной характерной чертой эниграфического материала Мелида является то, что царские надписи обнаружены не в одном месте, а разбросаны по всей предполагаемой территории царства, что является серьезным аргументом при решении вопросов внутривосточной структуры; вероятно, Мелид представлял собой не союз относительно независимых городов-государств, соединенных общностью политических и социально-экономических интересов, а довольно прочный военно-политический организм, управляемый сильной центральной властью¹².

Надписи Мелида, за исключением *Izgin-a* и *Karahöyük-a* (последняя весьма архаична и трудно поддается чтению)—небольшие по размерам и краткие по содержанию. Значительные повреждения еще больше затрудняют их использование для изучения истории этого царства.

Тексты надписей в основном построены по той же схеме, что и надписи из других царств, т. е. в них можно выделить три основные части: а) вступление, б) основное содержание и в) формула проклятия.

Особого внимания требует к себе титулатура мелидских царей, в конструкции которой наблюдается существенное различие от других надписей. Лишь в двух случаях цари приводят свои полные титулатуры. Так, в надписи из Изгина царь Тарас называет себя «героем» и «владыкой страны (города) Мелида»; в надписи из Ширзи царь X-ti-Runtiyas имеет те же титулы. Трижды цари довольствуются лишь титулом «владыка страны (города) Мелида», хотя они приводят все титулы своих предков¹³, причем в таком порядке: дед—отец¹⁴. Еще трое—Халпасулупис (*Malatya IV*), Сулумили II (*Malatya V, VII—XI, XIV*) и Манратис (*Malatya III*) в своих надписях называются просто царями, не имея при именах никаких титулов. Составляет исключение лишь Тарас, ги-

тулатура которого почти соответствует титулатуре в его собственной надписи и надписи его внука (*Malatya I*).

Несмотря на отсутствие обозначения статуса и титулатуры (как и эпитетов) у нескольких царей Мелида, они, несомненно, имели и то и другое. Может быть причина этого явления кроется в том, что царствующие особы не нуждались в письменном утверждении своих достоинств. Уже тот факт, что они являлись прямыми потомками царей (обладателей титулов), которое регулярно отмечалось ими, делало лишним обозначение собственного статуса и титулов. Это как будто подтверждается наличием в нескольких случаях имени Сулумили без какого-либо обозначения его статуса (*Malatya VII, IXb, Xb, XII a-b*), хотя этот царь неоднократно выступает как «царь» и «владыка страны (города) Мелида» (*Malatya V, VIIIb, Xbb, XI, XIV*).

В чем бы ни заключалась причина указанного явления, тем не менее нельзя игнорировать одно, на наш взгляд, серьезное обстоятельство: группу надписей из самой Малатыи (*Malatya I—XIV*), где наблюдается эта аномалия, скорее всего следует считать неполноценной, так как это весьма короткие приписки к рельефам, и здесь вряд ли можно было ожидать появления полной титулатуры царей.

Особо следует подчеркнуть несколько необычный титул или эпитет «герой Каргамиса» у царя Рунтияса в надписи *Öürün, 5*, расположенный между именами деда и отца этого царя. По логике подобный титул могло присвоить себе только лицо, имеющее какое-то отношение к Каргамису. Состоял ли Рунтияс в родстве с правящей династией Каргамиса, или он одержал победу над этим царством в определенный период своего правления, неизвестно. Малоизученная хронология надписей Мелида, а также полное отсутствие данных о взаимоотношениях Каргамиса и Мелида в надписях из обоих царств, заставляет пока воздерживаться от каких-либо предположений.

Относительно второй составной части мелидских надписей следует отметить значительные повреждения, которые часто делают невозможным чтение целых предложений и без того коротких надписей. Именно поэтому многие отрывки таких надписей

переводятся нами лишь приблизительно, без претензии на абсолютную точность.

Формула проклятия в надписях занимает незначительное место, нежели в надписях других царств. Лишь в пяти надписях сохранились эти формулы, правда, с дефектами, поэтому их сравнение с другими связано со значительными трудностями. Несмотря на это, все же можно выделить некоторые общие с другими нероглифическими надписями фразы типа «на него/того боги (перечень богов) пусть разгневаются» (*Gürün*, 12), «его/того бог (ipa ^dRuntis) пусть растопчет с (помощью) *hatama*¹⁵ (*Şirzi*, 6), «это кто соскребет» (*Izgin*, 33). Интересно, что в надписи *Kötükale* царь Рунтияс предупреждает: «Имя Рунтияса кто отберет (т. е. „уничтожит“)». Как правило, составители надписей в аналогичных случаях пишут «мое имя...».

Надписи Мелида, исходя из вышензложенных трудностей, не позволяют изложить связную историю этого царства. К тому же до сих пор не удается идентифицировать царей Мелида, упомянутых в ассирийских и урартских источниках, и в ИЛ надписях Мелида. Приводимый ниже список мелидских царей наглядно свидетельствует, что все еще существует немало проблем на пути к созданию единой хронологии этого царства¹⁶. Следует отметить, что все даты приблизительны и нуждаются в уточнении. Во втором списке один лишь Ярра/итархунтас стоит особняком, так как больше нигде, кроме этой надписи, он не упоминается. В том же списке пунктирами разделены цари, родственные отношения которых невозможно определить по надписям. Это не означает, что между ними обязательно правили другие, не известные нам цари. Есть некоторые сомнения по поводу того, идентичен ли Арнувантис—составитель *İspekçür-a*, Арнувантасу, деду Арнувантаса—составителю *Darendē*¹⁷.

Вот список царей Мелида, составленный с помощью клинописных и ИЛ источников:

Ассирийские источники¹⁸

1. Аллумари (конец XII в. до н. э., Тиглатпаласар I)
2. Лалли (около 853—835 гг. до н. э., Салманасар III)

3. Саху (около 780 г. до н. э., Аргишти I)
4. Хиларуада (около 780—750 гг. до н. э., Аргишти I)
5. Сулумал (около 745—732 гг. до н. э., Тиглатпаласар III)
6. Тунзиннани (?—713 гг. до н. э., Саргон II)
7. Тархунази (713—712 гг. до н. э., Саргон II)

Надписи Мелида

1. Ярра/итархунтас (конец XII в. до н. э.)¹⁹
2. Тарас²⁰
3. Валарунтияс
4. Халпасулупис
-
5. Суванрмис²¹
6. Манратис
-
7. X-zi-Targhuntas
8. Сулумили I²²
9. Рунтияс²³
10. Ариувантис I
11. Сулумили II
12. Ариувантас II²⁴
-
13. Сахуис
14. X-ti-Runtliyas²⁵

Имена царей двух групп частично совпадают лишь в двух случаях (Саху-Сахуис, Сулумал-Сулумили), да и то трудно сказать, идентичны ли они или просто мы имеем дело с совпадением имен царей, правивших в разное время²⁶.

От первого царя Мелида—Ярра/итархунтаса, до нас дошла лишь одна надпись—*Karahöyük*²⁷, которая трудно поддается интерпретации, так как в ней имеются много непонятных знаков и слов. По мнению ученых ее следует датировать примерно 1100 г. до н. э., т. е. по времени она соотносится с правлением ассирийского царя Тиглатпаласара I²⁸.

Надпись составлена не самим Ярра/итархунтасом, а неким лицом, имя которого передано идеографически—*ARM.ŠEŠ*²⁹. Но ее составитель, судя по труднодоступному вступлению, действует от имени царя, т. е. в надписи излагается деятельность именно Ярра/итархунтаса, а не составителя.

Во вступительной части можно с уверенностью прочесть лишь имя бога—«Тархунтас страны 346-ti-67» и имя царя с названием принадлежавшей ему страны—«Великий царь Ярра/итархунтас, великий царь страны 346-ti-67-67»³⁰.

Интересно, что в одной из более поздних надписей дважды упоминается «бог Тархунтас города 346-(tā)» *Malatya IX, a, aa*). И если страна Ярра/итархунтаса и этот город в самом деле идентичны, что более чем вероятно то название страны в нашей надписи, бесспорно, восходит к названию какого-то города. В связи с этим возникает вопрос о возможности отнесения нашей надписи к периоду до вышеупомянутого похода Тиглатпаласара I на «страны Нанри».

Как известно, ассирийский царь упоминает «город Милидия Великой страны Хатти» и его царя Аллумари. Но ведь в клинописных источниках и иероглифических надписях все цари, начиная с Аллумари и Тараса, упоминаются в связи с городом Мелид. Опираясь на это, можно предположить, что Ярра/итархунтас мог править в период, предшествовавший Тиглатпаласару I, т. е. когда столицей царства, возможно, был не Мелид, а город 346-ti-67 (-67)³¹. Правда, на этом основании еще нельзя решить, в какой мере совпадала территория царства Ярра/итархунтаса с территорией более позднего Мелида. Не исключено, что Ярра/итархунтас являлся царем не Мелида, а какого-то другого политического объединения чуть западнее последнего, хотя материал надписи как будто говорит о противном.

Вслед за вступлением царь повествует о добром расположении к нему бога Тархунтаса. Он, в частности, говорит, что ему «Тархунтас (страны) 346-ti-67 земли [...]» (8), и мон страны и города Тархунтас (страны) 346-ti-67 (...) поставил» (9). Возможно, здесь речь идет о помощи этого бога при завоевании новых земель, так как далее он сообщает: «Стране 346-ti-67 он (т. е. Тархунтас.—А. К.) три города—Ла/нкарама, 26-282-пи и

286-tala для владения (?) отдал (10), 234(-) 263-tapas³² я домами сделал (11), (.....) и стелу (?) я поставил» (13).

Для определения маршрута завоеваний Ярра/итархунтаса особо следует обратить внимание на упоминание города Ла/ика-рама, так как два других города переданы полундеографически и невозможно установить их полные чтения. Если считать отождествление этого города с Та/егарамой хеттских источников³³, то, вероятно, и остальные города следует искать к северу или к северо-востоку от совр. селения Карахёюк (примерно в 60 км южнее Гюрюна).

Резюмируя сказанное о территории Мелида периода Ярра/итархунтаса, следует отметить, что, вероятно, не все области позднего Мелида тогда входили в его состав. Скорее всего это был период объединения бывших хеттских городов и областей в долине реки Тохмасу вокруг города 346-li-67 (-57), которые уже во время Тиглатпаласара I, вероятно, представляли собой единое царство во главе с городом Мелид. Вопрос о перемещении центра этого царства с юго-запада (Карахёюк) на северо-восток (Мелид), если это действительно было так, из-за отсутствия материала остается открытым.

Следующая надпись—Izgin³⁴, которая несмотря на значительные повреждения, передает очень интересную информацию о правлении царя Тараса.

В начале надписи повествуется о присоединении каких-то земель: «И мои долины для/из долины, границы для/из границ я сделал (4), и долины для/из долины я сделал» (5).

Тарас основывает несколько городов, вероятно на завоеванных землях: «Я построил город 428-tawa/i (6), и город [.....]³⁵ я посадил (7), над городом(ами) я x-liyanis-a посадил (8), город 343-120 ради моей мощи/власти я [.....]» (9).

Несомненно, x-liyanis представляет собой обозначение какой-то должности³⁶. Возможно, имя этого должностного лица приводит Тарас несколько позже, где после большой лакуны упоминается некий Арнувантис, для которого царь что-то сделал. Здесь Тарас, вероятно, сообщает о деятельности этого Арнувантиса, так как речь идет о другом лице.

Тарас, в частности, говорит, что «Он расширил границы (22), границей город X-wani(n)zi и город Sali-[...]-zi³⁷ он сделал» (23—24). Далее в поврежденном контексте упоминаются города 343-120(-) [.....] и [.....]-па.

Как и при изучении предыдущей надписи, здесь мы имеем дело с нерасшифрованными знаками в названиях городов. Тем не менее один из них, как нам кажется, можно сопоставить с городом 428-tà-ia-x одной из каргамисских надписей (А 24), составленной царем Яририсом (начало VIII в. до н. э.), локализация которого, к сожалению, неизвестна. Если это не случайное совпадение названий, то наш мелидский город мог находиться где-то на границе двух царств. В таком случае и другие города, упомянутые в нашей надписи, быть может, следует искать недалеко от 428-tawa/i, на что, вероятно, указывает назначение x-liyanis-a (наместника?), в связи с деятельностью которого упомянуты эти города в качестве границ его владений, а также город 343—120, завоеванный или основанный Тарасом. Предполагаемая локализация упомянутых городов в сопредельных районах Мелида и Каргамиса³⁸ подкрепляется тем, что наместник мог править лишь в одной, но не в нескольких областях сразу.

Как явствует из изложенного, царь Тарас имел определенные успехи во внешней политике. Тарас—первый мелидский царь, носящий титул «владыка страны (города) Мелида».

От следующего царя Мелида—Рунтияса, правившего примерно лет через 70—80 после Тараса, остались две надписи—*Kötlükale* и *Gürün*³⁹. Обе они исторического характера, но полезной информацией уступают двум предыдущим.

Изучение *Gürün*-а показывает, что Рунтияс также активно занимался внешней политикой. В надписи дважды упоминается город 428-tà (см. выше) в поврежденных контекстах. Во втором случае после этого города упоминаются две горы—Хархар и Муци, которые Рунтияс «arha lis(a)-»⁴⁰ (70). К сожалению, здесь имеется повреждение, хотя смысл все же кажется ясным: царь основал город (в том же районе?), и его за это «эти боги возвеличили» (9).

Примечательно, что в трех надписях из района города Кайсери, на северных склонах совр. вулкана Эрджияс (*Hisarcik I, II*

и *Tekirderbent I*) выступает гора Хархар. В последней из этих надписей упомянуто «божество горы Хархар», что указывает на священный характер этой горы. отождествление Хархара с античным Аргеосом⁴¹ может помочь при локализации города 428-та на западе или юго-западе Мелида. Что касается второй горы, то с ее локализацией дело обстоит намного сложнее. В качестве возможной параллели для горы Муци мы склонны предложить гору Мути из табальской надписи *Bolkarmaden*, вероятно, расположенной в горах Киликийского Тавра (к северу от Киликийских Ворот).

Насколько правдоподобно это отождествление, судить трудно. Во всяком случае, отсутствие иероглифических и других надписей на территории Табала до VIII в. до н. э. может косвенно свидетельствовать о том, что здесь в определенный период правили не автохтонные правители, т. е. эта область принадлежала какой-то сопредельной стране. Упоминание вышеназванных гор, кажется, указывает на Мелид—самое сильное политическое объединение на востоке Малой Азии, в качестве возможного сюзерена упомянутых районов⁴².

Вторая надпись Рунтияса содержит лишь сообщение о проложении царем «большой дороги» (3).

Если на основании вышеизложенных соображений район горы Эрджияс можно включить в состав Мелида, то следует отметить, что в эпоху Рунтияса это царство могло иметь довольно значительную территорию, протяженностью около 250—300 км с востока на запад (от верхнего течения Евфрата до района Кайсери или даже несколько западнее)⁴³. По сравнению с другими лувийскими царствами Мелид можно считать мощным государством.

После Рунтияса царем Мелида становится его брат—Арнувантис I. Ему принадлежит одна сильно поврежденная надпись—*Aspekür*⁴⁴, где с уверенностью можно прочесть лишь только генеалогию царя: «Арнувантис, царь, внук X-zi-Tarhuntas-а, героя, сын Сулумили, владыка страны (города) Мелида» (1).

Следующая надпись из Мелида—*Darendé*⁴⁵, по характеру строительно-посвятительная и составлена царем Арнувантасом II. Ее отделяет от времени Арнувантиса I одно поколение.

Darende—одна из немногих надписей, сохранившейся целиком. Она состоит из трех предложений. В надписи содержится небольшое, но весьма важное сообщение: «Я посадил его в 485-й⁴⁶ городе 57-м⁴⁷ (2), и эту стелу богу поставил» (3).

Интерпретация названия города в надписи как Камани основана на акрофоническом чтении знака № 57 как ka⁴⁷. В связи с локализацией города Камани⁴⁸ определенные сведения содержат клинописные источники.

«Страна» Камана упоминается в Хорхорской летописи урартского царя Аргишти I (под четвертым годом)⁴⁹. Сведения похода Аргишти на запад говорят о локализации этой «страны» к западу от Мелида⁵⁰. Позже Саргон II упоминает «страну» Камману и ее «царский город» Мелид⁵¹.

Что царство Мелид урарты и ассирийцы называли Камана/Камману, само по себе неудивительно⁵², но можно ли на этом основании отождествлять город Камани с клинописной «страной»? Ведь если Камана/Камману является одновременно и городом, по названию которого соседи обозначали это царство, то как быть с городом Мелид, который в клинописных источниках назван столицей Камману⁵³, и к тому же все цари Мелида носят титул «владыка страны (города) Мелида» (см. выше).

В случае, если иерогл. Камани и клин. Камана/Камману идентичны, то придется допустить мысль о большой политической и культурно-религиозной роли этого города, который уже в VIII в. до н. э. мог вытеснить город Мелид на второй план⁵⁴. За неимением достаточно веских аргументов эта проблема остается нерешенной.

Следующая надпись из Мелида относится к периоду царствования последнего из засвидетельствованных иероглифическими источниками царя Мелида. чтение имени которого вызывает определенные трудности—X-ti-Runtiyas (см. прим. 25). Это-строительно-посвятительная надпись *Širzi*⁵⁵, сохранившаяся более или менее полно. Царь повествует о строительстве какого-то сооружения (видимо, храма) для своего «господина іра Runtiyas-а»⁵⁶ (I, е3). Надпись завершается довольно пространной формулой проклятия.

Среди надписей Мелида определенный интерес представляют также четырнадцать коротких текстов на скульптурах и рельефах⁵⁷, каждый из которых содержит несколько знаков и полезен лишь для изучения генеалогий и титулатуры мелидских царей.

Две надписи передают имена царей с их генеалогиями (*Malatya I, III*), в других яналицо только имена царей и их титулы (*Malatya IV, XI, XII*—без титулов); *Malatya IV* состоит всего из трех знаков, передающих имя какой-то царицы: «X-wali, царица».

Другая группа надписей передает имена богов, изображенных на рельефах, и имя царя—составителя надписи, но без генеалогий. Так, в *Malatya V* упомянуты «бог ^dx-RUWA» и «царь Сулумили», в *Malatya VII*—«бог Сармас—царь Горы» и «царь Сулумили», в *Malatya IX*—«бог Тархунтас города Мелид» и «царь Сулумили».

Последняя надпись из территории Мелида—*Palanga*⁵⁸, почти ничего не дает нового для изучения истории Мелида, так как она сильно повреждена, к тому же составлена неизвестным лицом—Улиписасом, чья генеалогия и титулы, если они имелись, отсутствуют. Несомненно, *Palanga*—посвятительная надпись. Здесь упоминаются боги Тархунтас, Тиват и Рунтияс, а в конце текста речь идет о ежегодных возлияниях и жертвоприношениях (?) в честь упомянутых богов.

На основании текстового материала, содержащегося в ИЛ надписях Мелида, если отвлечься от свидетельств клинописных источников, можно сделать некоторые выводы относительно границ этого царства.

Судя по местам находок надписей, центром государства являлся бассейн реки Тохмасу или, точнее, треугольник, стороны которого охватывали территорию от совр. Малатьи до Гюрюна на запад, Эльбистана на юг, а от последнего до Малатьи. На востоке и на юге естественными границами Мелида, вероятно, являлись соответственно река Евфрат и горы Армянского Тавра (совр. хребты Энгизек и Малатья). Трудно сказать, могли ли принадлежать Мелиду какие-то земли на восточном берегу Евфрата. Не исключено, что в пору своего расцвета Мелид мог иметь какие-то территории и на другом берегу этой реки⁵⁹. На юге Мелид, вне

всякого сомнения, граничил с другими лувийскими царствами—с Куммухом, Гургумом и Каргамисом (?).

На западе пределы Мелида, вероятно, соответствовали центральной части поздних царств Табала, т. е. простирались до района изгиба реки Кызыл-Ирмак на севере и Киликийских Ворот на юге.

Вышеприведенные данные о возможных завоеваниях царей Мелида в районе Кайсери и Киликийского Тавра как будто подкрепляют предположение о принадлежности значительных территорий на востоке Малой Азии Мелиду. Присоединение территории Табала к Мелиду можно датировать весьма и весьма приблизительно (примерно в XI—X вв. до н. э.). Намного труднее обстоит дело с определением времени потери Мелидом этих территорий. Во всяком случае, сейчас можно определенно говорить лишь о том, что уже во второй половине IX в. до н. э., т. е. в период ассирийской и урартской экспансии в Малую Азию, западные области Мелида отделились от него.

Судить о северных границах Мелида только на основании находок надписей (деревня Ширзи, примерно в 40 км северо-восточнее Гюрюна) очень трудно, так как в клинописных и пероглифических источниках нет определенных данных о территории северного соседа Мелида—Каску.

К сожалению, хронологически пероглифические надписи Мелида обрываются где-то в середине VIII в. до н. э. хотя царя с хетто-лувийскими именами (Гунзинани, Тархунази) засвидетельствованы здесь в ассирийских источниках вплоть до конца столетия и даже позже.

После Тиглатпаласара I Мелид не упоминается в ассирийских источниках почти два с половиной века, и только начиная с 30-х годов IX в. до н. э. он вновь появляется в текстах ассирийских, а чуть позже и урартских царей.

Так, в период Салманасара III (859—824 гг. до н. э.), судя по текстам этого царя, Мелид становится данником Ассирии; Салманасар III упоминает царя Мелида Лалли⁶⁰.

В конце IX в. до н. э. урартский царь Менуа сообщает о взимании дани с царя Мелида Хиларуады³¹. По-видимому, урарты

добились этого без столкновения с Мелидом⁶². После похода Аргишти I (786—764 гг. до н. э.) в четвертом году его правления (783 г. до н. э.) на запад⁶³, очевидно, Мелид попадает под влияние Урарту, так как чуть позже, уже при Сардури II (764—735 гг. до н. э.) Мелид выступает в ассирийских источниках в качестве союзника Урарту⁶⁴.

Победа Тиглатпаласара III (745—727 гг. до н. э.) над Урарту в 743 г. до н. э. привела Мелид в состояние зависимости от Ассирии⁶⁵. Спустя три десятилетия (в 713 г. до н. э.). Мелид был захвачен Саргоном II (722—705 гг. до н. э.), а его царь Гулзишани—смещен⁶⁶. Вскоре та же участь постигла и последнего царя Мелида Тархунази, который был насильно угнан в Ассирию в 712 г. до н. э., а его владения включены в состав Ассирии под управлением наместника⁶⁷.

О дальнейшей судьбе Мелида известно очень мало⁶⁸. Через некоторое время после смещения Тархунази, часть его территории со столицей Мелид была передана его южному соседу—Куммуху⁶⁹. Мелид упоминается также в текстах царя Ассирии Синаххериба (705—681 гг. до н. э.). Вероятно, после гибели Саргона II в войне с киммерийцами, Мелид сумел покончить с ассирийским владычеством, так как в 685 г. до н. э. Синаххериб сообщает о походе против восставшего в городе Тиль-Гаримму некоего Хиди (или Гурди). Поход Синаххериба заканчивается взятием города и зачислением его жителей в состав ассирийского войска⁷⁰.

В последний раз Мелид упоминается в клинописных источниках в середине VII в. до н. э., в связи с враждебной по отношению к Ассирии деятельностью местного правителя Мугаллу⁷¹. Было ли это лувийское царство Мелид, или же на руинах разрушенного ассирийцами царства образовалось другое политическое объединение, трудно сказать. Этот вопрос еще ждет своего исследователя.

ТАБАЛ

Изучение вопросов истории лувийских царств, расположенных к северу от Киликийского Тавра (т. е. в центральных районах бывшего Хеттского государства) и по сей день затрудняется

тем обстоятельством, что иероглифические надписи и большинство клинописных источников относятся к VIII в. до н. э., тем самым оставляя открытым значительный исторический период между гибелью Хеттского государства и второй половиной IX в. до н. э. Еще труднее определить территорию распространения этих царств, особенно в западном и северном направлениях. Вышеназванные источники свидетельствуют об отсутствии централизованной власти в Табале, что часто затрудняет решение вопроса, в какой мере соответствует упоминаемое в ассирийских источниках географическое название «Табал»⁷², охватываемой иероглифическими надписями территории к западу от Мелида и к северу и северо-западу от Киликийского Тавра⁷³.

Первое упоминание Табала в клинописных источниках относится ко времени Салмансара III, когда в 837 г. до н. э. этот царь собрал дань с 24 царей Табала⁷⁴. Через девять лет Салмансар III сообщает о захвате «24 городов страны Табал»⁷⁵. Возможно, эти два сообщения относятся к одному и тому же событию, происшедшему в 837 г. до н. э. В 40-х годах VIII в. до н. э. Табал снова появляется в ассирийских источниках в период походов Тиглатпаласара III. После победы над Урарту и его союзниками в 743 г. до н. э. этот царь упоминает царя Табала Вассурме и нескольких малоазийских царей в качестве своих данников⁷⁶.

Именно к VIII в. до н. э. относятся иероглифические надписи Табала, которых в настоящее время обнаружено больше сорока⁷⁷. Палеографически эти надписи расчленяются на три вида⁷⁸: а) упрощенный (регулярное применение силлабических знаков—*Çiftlik, Sultanhan, Kululu I* и др.), б) сложный (рельефные знаки—*Kayseri*), в) эксцентричный (необычные формы знаков—*Topada*).

Текстовый материал надписей Табала слишком скуден, к тому же большинство надписей относится к определенному периоду (вторая половина VIII в. до н. э.), поэтому реконструкция более или менее полной истории развития царств Табала пока еще невозможна. Но, с другой стороны, характер некоторых надписей позволяет довольно четко проследить определенные тенденции во взаимоотношениях отдельных царств Табала в указанный период. В этом отношении иероглифический материал удачно дополняет данные ассирийских источников.

а) Бит-Буруташ

Одним из самых значительных царств Табала, согласно ассирийским источникам, являлось Бит-Буруташ. К сожалению, пероглифические надписи не сохранили собственное название этого царства. Из надписей, обнаруженных на территории Бит-Буруташа, известно имя его первого засидетельствованного кероглифическими источниками царя—Туватис⁷⁹, от правления которого до нас дошли две надписи— *Kululul* и *Çiftlik*⁸⁰, составленные двумя подвластными ему правителями. Они представляют интерес только в том отношении, что по месту их находок можно судить о территории царства⁸¹.

Правление Туватиса приходится на первую половину VIII в. до н. э., так как его сын Васусармас (ассир. Вассурме) уже известен из текстов Тиглатпаласара III⁸². Большинство надписей Бит-Буруташа относится ко времени правления сына Туватиса, хотя только одна надпись—*Topada*⁸³ составлена Васусармасом. Несмотря на необычные формы знаков и недостаточную интерпретацию текста, все же из него можно вычерпать интересные сведения о правлении Васусармаса.

У Васусармаса весьма пышная титулатура, по своей структуре более характерная для надписей II тыс. до н. э. Она состоит из двух частей: а) *tarawa(a)las* Васусармас, великий царь» (1) и б) «Великий царь Васусармас, великий царь, герой Туватиса, великого царя, героя сын» (2).

Что касается титула *tarawa(a)las*, то, видимо, был прав П. Мериджи, считая его титулом, но при этом он не пытался интерпретировать⁸⁴ его. Слово очень напоминает титул хеттских царей—*t/labagna*, с которым мы склонны сравнивать титул Васусармаса. Такое сравнение нельзя исключать, если предполагать существование чередования *n:l*⁸⁵ также в ИЛ. Склонность Васусармаса к использованию арханческих форм знаков и арханчной конструкции своей титулатуры косвенно свидетельствует о возможности применения древнего титула. Тип титулатуры «(великий) царь+имя+(великий) царь» в данном случае является явным арханзмом, так как в IX—VIII вв. до н. э. он нигде

больше не встречается. Важно отметить, что титулатуру этого типа носят также Ярра/итархунтас (Мелид) и Уратархунтас (Каргамис).

Далее Васусармас повествует о войне с какой-то страной, название которой не прочтено достоверно: «Против меня в (городе) Парцу(н)та⁸⁶ были семь царей задних и передних:» (4). Затем Васусармас перечисляет своих союзников в этой войне: «Три царя (были) благосклонны ко мне—Варпалавас, Киякияс и Рувантас»⁸⁷ (5).

Царь высылает конницу против врагов и сооружает крепость на границе (6—7). Враг также высылает войска: «Меня/на меня Парцу(н)тский (муж) 288(-) x-la⁸⁸ (8), он со всеми своими конями (т. е. конницей.-А. К.) пошел и zartaira/i- свою границу/к своей границе (9), и он расположился лагерем (?)» (10).

К сожалению, из-за наличия многочисленных неясных знаков и слов следует отказаться от использования всей средней части текста, где излагаются подробности войны (предл. 11—25). И все же, судя по доступным фразам и отрывкам, война была долгой и кровопролитной. Несомненно, она закончилась победой Васусармаса, о чем говорится в не совсем понятном предложении 26: «(город) Парцу(н)та (и) (город) A'S U [...] -219-ha, все azusa я пошел», после чего в надписи помещена обычная тирада о помощи богов Васусармасу во время войны: «У него (т. е. у врага—А. К.) Тархунтас отобрал ум/разум/мудрость⁸⁹ (27), и он (т. е. Тархунтас.-А. К.) не сделал ему силу (т. е. не дал силу.-А. К.) (2), но мне Тархунтас, Сармас, ^d193-s и ^d106-203-TURPI-s⁹⁰ дали силу» (29).

Для определения страны, воевавшей с Васусармасом, представляет большой интерес упоминание союзников этого царя. Имена двух первых царей встречаются как в ИЛ, так и в клинописных источниках; это—Варпалавас, царь Туваны (ассир. Ёрбалла), и Киякияс, царь Шинухту (ассир. Киякки). Оба царства были расположены к югу и западу от Бит-Буруташа. Третий союзник—Рувантас, пока еще не идентифицирован. Отметим, что похожее имя—Рувас, носит один из зависимых от отца Васусармаса Туватиса правителей (*Kutulu I*). Идентификация враже-

ской страны затрудняется тем обстоятельством, что ни одно из царств Табала, известных из ассирийских источников, нельзя принять в качестве эквивалента нерогл. Парцу(н)та; это—Тухана (нерогл. Тувана), (А)туна, Ишту(а)нда, Хупишна и Шинухту⁹¹. Упоминание семи царей Парцу(н)та свидетельствует о том, что вражеская страна представляла собой, вероятно, союз нескольких городов. Появление Туваны и Шинухту в числе союзников Бит-Буруташа свидетельствует о том, что Парцу(н)та могла находиться в непосредственной близости от этих трех царств. По этой причине кажется вполне обоснованной отождествление Парцу(н)та с городом хеттских текстов Пар(а)суханда (каппад. Пурусханда), локализуемой вблизи совр. города Невшехир, на месте античной Соанды⁹².

От эпохи Васусармаса дошли еще три надписи, принадлежавшие его подданным—*Kayseri*, *Sultanhan* и *Suvasa*⁹³. Первые две—строительно-посвятительные надписи, третья как и *Topada*, составлена архаическим пошибом, и в связи со значительными трудностями, ее изучение пока невозможно⁹⁴:

В *Kayseri*⁹⁵ говорится о постройке какого-то сооружения—
JE. K1 (*tatalasi*⁹⁶, посвященного богу, имя которого повреждено. В конце надписи, в частично сохранившемся контексте упоминается имя некоего Туватиса: «Туватис [.....] пошел» (14); если это отец Васусармаса, то, очевидно, речь идет о прошлых событиях, когда правил еще Туватис.

Вторая надпись—*Sultanhan*⁹⁷, представляет собой очень пространное посвящение богу Тархунтасу, наделенному эпитетом *tuwarsasi*⁹⁸. Имя подданного во вступлении стерто, но появляется несколько раз в тексте—Сарвативарас.

Изучение текста показывает, что, вероятно, статуя (?) *tuwarsasi* Тархунтаса была сооружена по велению царя Васусармаса, так как Сарвативарас несколько раз сообщает о деятельности своего сюзерена при жертвоприношениях и учреждении ежегодных подношений богу Тархунтасу⁹⁹.

Следует отметить еще одну группу надписей, вероятно, составленной в самом конце относительной независимости Бит-Буруташа. Из уже известной местности Кулулу (в районе совр.

города Кайсерн) в последние годы были обнаружены две посвященные надписи *Kululu XII* и *Kululu XIII*¹⁰⁰. Во вводной части первой из них передано следующее: «Эту стелу Хулис поставил, сын брата Руваса...». Идентификация упомянутого Хулиса не связана с особыми трудностями. Во-первых, в одной из надписей Кулулу (*Kululu I*) составителем выступает некий Рувас, не носящий никаких титулов¹⁰¹. То, что обе надписи происходят из Кулулу, вероятно, свидетельствует в пользу идентичности упомянутых лиц. И если этот Рувас правил в районе Кулулу где-то в середине VII в. до н. э.¹⁰², то его племянник Хулис мог жить во второй половине столетия. И конечно же, прав М. Калач, считая, что Хулис надписей *Kululu XI*, *XII* и Хулли, посаженный Тиглатпаласаром III на престол Бит-Буруташа вместо смещенного Васусармаса примерно в 728 г. до н. э.¹⁰³, но позже лишенный трона Саргоном II в конце 20-х годов VIII в. до н. э.¹⁰⁴—одно и то же лицо¹⁰⁵. Остается добавить, что в *Kululu XI* Хулис носит обычный титул лувийских правителей—*tarwanis*.

В связи с идентификацией Хулиса встает довольно важный вопрос о переменах во внутриполитической жизни Бит-Буруташа во второй половине VIII в. до н. э. Дело в том, что среди известных надписей из Кулулу нет хотя бы одной, принадлежавшей Туватису или его сыну Васусармасу. От первого вообще не известны надписи, а от второго сохранилась лишь одна надпись—*Topada*, обнаруженная далеко от Кулулу. Относительно недавно высказана мысль о том, что столица Табала (т. е. Бит-Буруташа) находилась именно в Кулулу¹⁰⁶. Однако, на наш взгляд, к этому вопросу следует подойти со всей осторожностью, считаясь с двумя важными аргументами, которые противоречат мнению Д. Хоккинса: а) отсутствие надписей Туватиса и Васусармаса в Кулулу, в то время как здесь обнаружена надпись подвластного Туватису лица (*Kululu I*—Рувас); вряд ли целесообразно помещать царя и подвластного ему правителя в пределах одного города; б) местонахождение надписи *Topada* далеко от Кулулу. Однако английский исследователь прав в одном, а именно, что Кулулу в течение какого-то периода являлся столицей царства. Исходя из вышесказанного, мы предлагаем следующую трактовку вопроса.

Первоначально Кулулу (т. е. в период Туватиса и Васусармаса) не являлся центром Бит-Буруташа, так как здесь правила династия, представителем которой был Рувас. Но после того, как восстание царя Бит-Буруташа было подавлено и он лишился трона, ассирийцами царем страны был назначен Хулли (он же Хулис ИЛ источников), племянник Руваса. С этого момента центром Бит-Буруташа мог стать город на месте совр. Кулулу.

Что же касается времени составления надписи Хулиса-Хул-ли, то, на наш взгляд, одно обстоятельство указывает на то, что она появилась после смерти царя Бит-Буруташа. Так, во второй части текста сообщается: «Мне мои сыновья эту стелу воздвигли» (*B 1+B 2*). Еще раньше в поврежденном контексте упоминаются сыновья Хулиса, сделавшие что-то для своего отца (*A 3+A 4*). Как можно трактовать текстовые данные надписи? В такой короткой надписи (всего около восьми предложений) сообщать о деятельности сыновей почти с самого начала, не логично с точки зрения существующих правил составления посвяtitельных надписей со стороны здравствующего правителя. Наоборот, правители, как правило, стараются всячески преподнести свою личность в лучших тонах, перечисляя свои деяния, обязательно указывая на доброе расположение к ним богов (или одного бога—покровителя царя). Это заставляет нас предположить, что *Kululu XI* представляет собой особый тип ИЛ надписей, т. е. «заупокойных» (или «надгробных»), где, хотя новествование идет от первого лица, но составлены они ближайшими потомками упомянутого правителя¹⁰⁷.

Исходя из сказанного, мы считаем, что *Kululu XI* была составлена в годы правления сына Хулиса-Хул-ли—Амбариса, т. е. до 713 г. до н. э.

Третья надпись из Кулулу—*Kululu XIII*, является неплохо сохранившейся посвяtitельной надписью, составленной неким Хуласая, носящем негромкий титул «Солнцем освещенный (?) муж». Из-за отсутствия генеалогии или других сведений идентификация Хуласая и датировка надписи пока невозможны. Единственное, чем *Kululu XIII* может способствовать изучению вопросов топонимики региона, это—упоминание города Хармана в списке богов (*Ha+ga/i-ma-na^{URU}*). Перед названием города в надписи

имеется повреждение, что затрудняет выяснить—является ли он территориальным титулом какого-то бога¹⁰⁸ или употреблен в другой связи. Важно отметить упоминание в одной каргамисской надписи периода Яририса (*A 15b,2*— с этническим суффиксом, ^dHarmanawanas URU) города Хармана; каргамисский город упоминают в связи с сооружением здесь храма бога Тархунтаса¹⁰⁹.

б) Тувана-Тухана

Тувана (ассир. Тухана) являлась одним из важнейших царств Табала; она была расположена южнее Бит-Буруташа. Тувана упоминается Тиглатпаласаром III в 738 г. до н. э. как одно из захваченных им царств Табала, где правил Урбалла (перогл. Варпалавас)¹¹⁰; вероятно, Варпалавас был жив еще в 710 г. до н. э.¹¹¹.

В надписях Туваны представлена одна династия из трех царей¹¹². Почти все царские надписи, за исключением *Bor-a*, весьма коротки и содержат очень скудную информацию по истории царства.

*Andaval*¹¹³—короткая надпись, где составитель сообщает некоторые сведения о своих деяниях: «Я, Саруванис, tarwanis, владыка города Нахита (1), мне мудрость боги дали¹¹⁴ (2), и я в области, иду (3), и этих лошадей я пасу» (4).

*Nigde*¹¹⁵ представляет собой короткую надпись на основании колонны разрушенного сооружения. Сравнение перогл. Нахиты с совр. городом Нигде позволяет определить столицу Туваны¹¹⁶.

Царь Варпалавас представлен четырьмя надписями—*Bor*, *Iuriz I A—B*, *I C*, *II*¹¹⁷; три последние надписи являются короткими приписками к какому-то сооружению, и не содержат никаких полезных сведений о правлении этого царя. В *Bor-e* имеются только сведения о деятельности Варпалаваса по части сельского хозяйства: «И эти виноградники я поставил»¹¹⁸ (3).

Еще одна надпись—*Bolkarmaden*¹¹⁹, составлена подданным Варпалаваса; это самая пространная надпись из Туваны.

Вступление надписи гласит: «Я, Тархунацас¹²⁰, tarwanis, сын Тархувараса¹²¹, слуга царя Варпалаваса, а-[.....]-tis-a¹²², tarwanis-a» (1).

Тархунацас сообщает о получении земель от Варпалаваса: «Мне он (священную) гору Муту отдал» (3), а также: «Мне он этих упряжных ослов/лошаков отдал» (9). Далее Тархунацас учреждает ежегодные жертвоприношения богам горы Муту.

Появление горы Муту в надписи, происходящей из района Киликийских Ворот, имеет важное значение для изучения вопросов военно-политической истории восточной Малой Азии. По мнению П. Хюльина, гора Муту идентична с Muli/Mulî, встречающейся в текстах Салманасара III¹²³. В связи с локализацией этой горы, видимо, следует обратить внимание на упоминание в одной надписи из Мелида царя Рунтияса горы Муци (с возможным чередованием z:l), где она фигурирует с горой Хархар, отождествляемой учеными с совр. вулканом Эрджияс, южнее Кайсери. Локализация Муту/Муци может существенным образом повлиять на решение вопроса о западных границах Мелида в эпоху ранних царей этого царства, а также на установление характера взаимоотношений Мелида и царств Табала (см. раздел «Мелид»).

Следует отметить несколько напыщенный стиль изложения текста надписи, характеризующий Тархунацаса как довольно значительного подданного.

Еще одна надпись—*Porsuk*¹²⁴, обнаружена чуть севернее Киликийских Ворот, т. е. на предполагаемой территории Туваны. Составленная, вероятно, во второй половине VIII в. до н. э., она во многом отличается от других надписей Табала тем, что ее составитель проявляет определенное стремление к независимости. Здесь, в частности, говорится: «Я, Парахвара, сын Атиса, внук Нунаса (1), ко мне мой господин (бог) Сармас хорошо относится (2), ко мне цари хорошо относятся (3), ко мне царь Масаурхисас хорошо относится (4), я был/есть начальник(ом) (в тексте— «великий».— А. К.) моего войска» (5)¹²⁵.

Хотя Парахвара не желает упомянуть своего сюзерена во вступлении, как это делается в других надписях, составленных зависимыми правителями, все же в середине текста говорится о том, что таковым являлся царь Масаурхисас. К сожалению, ни Масаурхисас, ни предки Парахвары не известны из других источ-

ников, поэтому трудно сказать, когда была составлена надпись, до или после Варпалаваса.

По местам находок туванских надписей можно начертить приблизительные границы царства, по крайней мере центральную область: это—от совр. города Эрегли (на западе) до северных предгорий Киликийского Тавра (до Киликийских Ворот), охватывая на севере район совр. города Нигде. Сказанное свидетельствует о весьма важном стратегическом значении Туваны, которая контролировала единственный горный проход, соединяющий центральную Анатолию с равнинной Киликией, где находилось другое лувийское царство—Куэ.

в) (А)туна

Из других царств Табала, оставивших письменные свидетельства и упоминающихся ассирийскими источниками, являются (А)-туна и Шинухту. От обоих царств сохранилось по одной надпись.

Долгое время считалось, что (А)туна находилась в районе Киликийских Ворот, и что надпись *Bolkarmaden* принадлежит этому царству¹²⁶. Недавно была предложена новая локализация (А)туны севернее Туваны (западнее города Кайсери)¹²⁷.

Впервые (А)туна упоминается Тиглатпаласаром III в качестве подвластного ему царства в 30-х годах VIII в. до н. э.¹²⁸. (А)туна фигурирует и в период Саргона II, когда после разгрома Шинухту, Саргон передал территорию этого царства царю (А)-туны Курти¹²⁹.

Посвятительная надпись *Bogça*¹³⁰, составленная царем (А)-туны Куртисом (ассир. Курти), по стилю изложения очень напоминает каргамисские надписи, особенно эпохи Яририса. Вступление надписи гласит: «Я, Куртис, сын Аскуниса, героя, известный на западе и на востоке царь»¹³¹ (1).

Дальше Куртис говорит об особом расположении богов к нему: «Он (т. е. бог Тархунтас.—А. К.) дал завладеть землей (3), те, кто были моими отцами и дедами (6), Тархунтас не помогал им (7), но он помогал мне» (8).

К сожалению, надпись не содержит никаких конкретных сведений о деяниях Куртиса.

Еще в двух надписях—*Hisarcik I, II*¹³², обнаруженных на северных склонах горы Эрджияс (южнее Кайсери), выступает имя Куртис, хотя, видимо, ее носитель не является составителем. В первой из них сохранились три знака, передающих имя составителя—*Ha-ri-[...?]-ra-[...]*; во второй надписи, насколько можно судить по контурам полустертых знаков, составитель то же лицо, что и в первой надписи. В обоих случаях имя Куртис фигурирует не в начале, а в середине и в конце текста и это скорее говорит о том, что Куртис (если это известный нам царь (А)туны) мог являться сюзереном составителя или составителей обеих надписей. Надписи содержат сведения о жертвоприношениях, связанных с горой Хархар.

Отнесение упомянутых надписей из района горы Эрджияс к царству (А)туны может иметь решающее значение при изучении политических событий в Табале во второй половине VIII в. до н. э. Выше было отмечено, что царство Бит-Буруташ в эпоху царя Туватиса (отца Васусармаса) охватывало район города Кайсери. Появление имени Куртиса, если это действительно царь (А)туны, может свидетельствовать о том, что в определенный период, скорее всего после поражения Васусармаса в войне с Ассирией, восточные районы Бит-Буруташа перешли к (А)туне, вероятно, не без помощи ассирийцев; ср. аналогичную политику Ассирии по отношению к другому царству Табала—Шинухту (см. выше). Это может свидетельствовать о значительной политической роли (А)туны в Табале в последней четверти VIII в. до н. э., о чем недвусмысленно говорит и титулатура Куртиса, никак не вяжущаяся со статусом мелкого царька.

г) Шинухту

Недавно была обнаружена иероглифическая надпись *Ak-saray*¹³³, составленная царем Шинухту. Начало надписи сильно повреждено, где более или менее уверенно можно прочесть названия двух городов: [...]на-па ^{URU} (внн. п. ед. числа) и) X-265(-
^{URU}
ha

Надпись посвятельная, где составитель—царь Киякняс, сообщает о ежегодных приношениях для священного сооружения, название которого не сохранилось. Трудно сказать, что имеет в

виду Княкияс, когда сообщает: «Все великие цари (и) цари восхищались (?) этим городом»¹³⁴ (8). Вероятно, речь идет о постройке вышеупомянутого сооружения в каком-то городе или об основании нового города.

Судя по ассирийским источникам, в 20-х годах VIII в. до н. э. Шинухту состояло в антиассирийской коалиции с Бит-Буруташем, после поражения которого его территория была отдана (А)туне¹³⁵.

д) Другие области

В числе царских надписей Табала остается лишь *Karaburun*¹³⁶, которую пока не удается идентифицировать. Она обнаружена на правом берегу р. Кызыл-Ирмак западнее *Boğça*. На основании палеографического анализа *Karaburun* датируется второй половиной VIII в. до н. э.¹³⁷ Надпись представляет собой договор между двумя лицами, имена которых сохранились целиком: царем Сиписом (старое чтение—Сипис) и другим лицом, «сыном Нияса», также носящем имя Сипис. Хотя в тексте не говорится о том, кто из этих двух составил надпись, по начало как будто свидетельствует в пользу первого Сиписа: «Эту крепость (мои) отцы и деды вырезали (т. е. построили.—А. К.)»¹³⁸ (2), и Сипис царствовал» (3). Дальше следует не совсем ясный пассаж о договоре: «Сипис, сын Нияса правил (и) крепость он *tama*»¹³⁹ (4), он этот договор сделал (5), *311-wa/i* он *wamī-LITUUS*»¹⁴⁰ (6). После этого обе стороны закрепляют свои обязательства проклятием: «Если царь Сипис замыслит зло Сипису, сыну Нияса, (его) сыну, (его) внуку (7), царя Сиписа пусть Харранский (т. е. бог Армас города Харран—бог Луны.—А. К.) вместе с Кубабой сожрут его глаза и ноги» (8). Аналогичным образом предостерегается и Сипис, сын Нияса.

Изучение этой надписи связано с большими трудностями. Во-первых, не известны страна или город, где правили оба Сиписа, к тому же не упомянута крепость, в связи с которой был составлен договор. Во-вторых, трудно установить, что именно должны были сделать обе стороны по отношению к крепости. Судя по месту находки надписи, это царство входило в арсенал табальских территорий¹⁴¹.

При изучении надписей Табала следует отметить относительное обилие неидентифицированных надписей, среди которых есть некоторые, составленные мелкими правителями или частными лицами. В большинстве своем они являются посвятельными.

Из надписей, сохранивших имена своих составителей или хотя бы часть генеалогии, следует отметить *Eğrek*¹⁴² (в 40 км восточнее города Кайсери). Имя составителя надписи идентично с именем отца составителя *Bolkarmaden*-а (Тувана): «Я, Тархуварис, любимый сын Тархуцармаса» (I) (см. выше). *İsmay Vasa-cı*

В *Eğriköy*¹⁴³ сохранилось только начало сильно пострадавшей надписи, где составитель, имя которого стерто, называет себя «служой (бога) Тархунтаса», «любимый богами», «правнуком Аталаса»¹⁴⁴ и «служой *tarwanis*» (имя, носящего этот титул, не сохранилось). Дальше говорится о какой-то крепости, после чего текст обрывается.

Палеографически и географически (в 50 км северо-восточнее города Нигде) *Eğriköy* мог входить в состав Бит-Буруташа или (А)туны.

*Kululu II*¹⁴⁵—небольшая заупокойная стела¹⁴⁶, составленная сыновьями некоего Пануниса, носящего титул «Солицем освещенный(?) муж». Принадлежность этой надписи одному из известных царств Табала может быть определено наличием надписи *Kululu I*, составленной одним из подданных Туватиса, царя Бит-Буруташа (см. выше).

Из района села Кулулу обнаружена также группа фрагментов надписей, палеографически относящихся к VIII в. до н. э.¹⁴⁷ Но, к сожалению, они абсолютно непригодны для изучения истории интересующего нас региона. Так, в *Kululu IV* упомянут некий Тарху(н)тинани, а в *Kululu XI*—составитель явно какой-то местный правитель, носящий титул *tarwanis*.

Наличие относительно большого числа ИЛ надписей из Кулулу по сравнению с другими археологическими объектами восточной Малой Азии, вне всяких сомнений, свидетельствует о том, что город на месте совр. Кулулу являлся одним из самых важных центров региона. Поэтому неудивительно, что именно правитель из династии «Кулулу»—Хулли, был назначен царем Бит-Буруташа

(об этом см. выше в разделе «Бит-Буруташ»). К сожалению, пока еще не удастся установить название лувийского города на месте Кулулу.

Две коротких надписи—*Erkilet I*, II¹⁴⁸, составленные двумя частными лицами—Хухасармасом¹⁴⁹ и Асативасусом, обнаружены севернее города Кайсери.

Calapverdi I, III¹⁵⁰—две весьма пострадавшие надписи, палеографически очень близкие к надписям из района Кайсери. Это две самые северные надписи из Табала. Судя по уцелевшим отрывкам, они содержат определенную информацию исторического характера, но в настоящее время их интерпретация далеко не удовлетворительна. В обеих надписях упомянуты какие-то города, но плохая сохранность и спорная интерпретация знаков не позволяют прочесть их названия¹⁵¹.

В *Tekirderbent I*¹⁵², обнаруженной на склонах горы Эрджияс, упоминается «бог горы Хархар». Географическая близость к надписям *Hisarcik I*, II может свидетельствовать о принадлежности этих надписей к (А)туе.

Маленький фрагмент надписи—*Veliisa*¹⁵³, обнаруженный северо-западнее города Нигде, представляет собой часть сильно поврежденного посвящения.

Заканчивая этот краткий обзор надписей, можно сделать некоторые выводы о состоянии царств Табала во второй половине VIII в. до н. э., т. е. в период интенсивной ассирийской экспансии.

Одной из важнейших проблем, разрешение которой в состоянии пролить свет на многие вопросы истории как отдельных царств, так и всего региона в целом, является определение локализации этих царств, по крайней мере, в VIII в. до н. э. Сопоставление данных иероглифических надписей со сведениями, содержащимися в ассирийских источниках, в особенности эпохи Саргона II, дает возможность с большой долей вероятности определить границы распространения этих царств.

В этом отношении достаточно определенно можно говорить о территории Туваны. По-видимому, это царство охватывало район, заключенный внутри треугольника, углами которого

являются город Эрегли (на западе), город Нигде (на севере), Киликийские Ворота (на юге). Несколько труднее определить восточную границу Туваны, так как до сих пор здесь не обнаружено никаких надписей. Вероятно, в данном районе Тувана имела естественную границу—совр. горный массив Аладаглар.

Большие трудности возникают при определении границ другого важного царства—Бит-Буруташа. Судя по распространению надписей, в период первого засвидетельствованного правителя—Туватиса, это царство примерно охватывало район от деревни Кулулу (западнее Кайсери) до города Чифтлик (к северо-западу от Нигде). Следовало бы отметить имеющееся в специальной литературе мнение о том, что Бит-Буруташ граничил с Каску (на северо-востоке), Мушку (на западе и северо-западе) и Хилакку (на юге)¹⁵⁴. Подобное решение вопроса страдает неопределенностью и вносит путаницу. Ни для одной из вышеуказанных царств в настоящее время невозможно определить сферу влияния в примыкающих к Бит-Буруташу областях. К тому же каким образом мог граничить Бит-Буруташ с Хилакку на юге при наличии Туваны, в то время как Хилакку локализуется прямо южнее Туваны, в районе совр. хребтов Болкар даглары и Торос¹⁵⁵. Бит-Буруташ мог граничить с Хилакку только в том случае, если некоторые области Туваны при каких-то обстоятельствах были бы отняты у нее и отданы Бит-Буруташу, однако об этом пока не имеется никаких сведений.

Видимо, после Туватиса, при правлении Васусармаса произошли события, существенным образом повлиявшие на судьбы царств Табала. Скорее всего это было связано с поражением антиассирийской коалиции в 743 г. до н. э. и продвижением Ассирии в восточную и юго-восточную Малую Азию. Хотя ни одно из известных нам царств Табала не упоминается среди союзников во время битвы при Киштане и Халпи¹⁵⁶, но Табал (т. е. Бит-Буруташ), Тувана, (А)туна, Ишту(а)ида и Хупишна перечисляются Тиглатналасаром III в качестве ассирийских данников¹⁵⁷. Это свидетельствует о том, что упомянутые царства хотя и состояли в коалиции, однако не участвовали в битве,

поэтому вряд ли в конце 40-х годов могли иметь существенные изменения в расстановке сил в этом регионе.

В 728 г. до н. э. Тиглатпаласар III сообщает о нерасположении к нему Вассурме, царя Табала (т. е. Васусармаса, царя Бит-Буруташа), вследствие чего ассирийский царь сместил его и возвел на престол Хулли, не имевшего законных прав на царствование¹⁵⁸. Очевидно, в 30-х годах VIII в. до н. э. Васусармас предпринял попытку выйти из-под ассирийского контроля. В связи с этим событием интересный материал содержится в надписи Васусармаса (*Topada*), где говорится о войне против многочисленных врагов («7 царей «города» Парцу(н)та»), и где упомянуты союзники царя Бит-Буруташа—Тувана, Шинпхуту и страна царя Рувантаса.

Принимая во внимание то, что Варпалавас, царь Туваны, правил еще в конце VIII в. до н. э., тем самым вряд ли *Topada* могла быть составлена до 40-х годов, но и не позже 728 г. до н. э. Между 738 и 732 гг. до н. э. Васусармас дважды упоминается в числе данников Ассирии¹⁵⁹, поэтому, на наш взгляд, остаются два небольших отрезка времени, когда могли произойти события, описываемые в надписи: 743—738 и 732—728 гг. до н. э. Из них, видимо, следует отдать предпочтение последней дате.

Основываясь на вышесказанном, можно воссоздать последовательную линию политических событий в Табале во второй половине VIII в. до н. э.

После разгрома Ассирией в 743 г. до н. э. антиассирийской коалиции царства Табала становятся данниками Ассирии. Вряд ли до 728 г. до н. э. ассирийцы вторгались на территорию Табала, так как о походах в этот район нет никаких сведений. Подчинение Ассирии могло носить чисто номинальный характер, чтобы обеспечить себя от возможного вторжения ассирийской армии. До 732 г. до н. э., а может быть и дольше, они платили дань, после чего часть царей Табала восстала против Ассирии¹⁶⁰. Вероятно, некоторые царства не только не примкнули к восстанию, но и выступили на стороне Ассирии или приняли нейтральную позицию. Можно предположить, что среди союзников Ассирии в Табале важную роль играла (А)туна. Вероятно, именно об этих

событиях и сообщает *Topada*. Победа коалиции, возможно, вынудила Ассирию вмешаться, после чего Васусармас был смещен. Не исключено, что царь Туваны в какой-то момент примкнул к сторонникам Ассирии, так как по отношению к нему не были применены жесткие меры.

В правление Саргона II в Табале продолжается борьба между антиассирийской и проассирийской группировками. Превращение Куэ в ассирийскую провинцию¹⁶¹ дало Ассирии возможность следить за событиями в Табале с близкого расстояния. В этот период, вероятно, к антиассирийской коалиции примыкает «страна Мушку» (Фригия) во главе с царем Митой (Мидас), бывшего в союзе с Русой I, царем Урарту¹⁶². Хулли недолго оставался верным Ассирии, так как вскоре он был смещен и на престол был посажен его сын Амбарис, женившийся на дочери Саргона II. В качестве приданого своей дочери Саргон отдал область Хилакку¹⁶³. Похоже, что со смещением Хулли связано и восстание западного соседа Бит-Буруташа—Шинухту, возможно, в союзе с Бит-Буруташем, после поражения которого в 718 г. до н. э. его территория была присоединена к (А)туне¹⁶⁴. В 713 г. до н. э. после смещения Амбариса Бит-Буруташ превращается в ассирийскую провинцию¹⁶⁵. И хотя некоторые царства Табала еще сохраняют относительную независимость¹⁶⁶, все же в период Саргона II царствам Табала был нанесен чувствительный удар¹⁶⁷. К концу VIII в. до н. э. в результате ассирийской экспансии и внутренних войн из известных нам пяти царств Табала два потеряли самостоятельность—Бит-Буруташ и Шинухту. Из остальных царств в этот период самым сильным и активным, вероятно, являлось (А)туна.

К сожалению, пероглифических надписей, относящихся к концу VIII в. до н. э., которые помогли бы полнее осветить историю Табала в период после упомянутых событий, не имеется¹⁶⁸.

Завершая наше исследование по истории Табала, нельзя не отметить одно существенное обстоятельство; на территории Табала, как ни странно, до сих пор не обнаружены надписи, охватывающие XII—начало VIII вв. до н. э., хотя здесь зарегистрировано несколько надписей хеттской эпохи или с весьма сомнитель-

ной хронологией¹⁶⁹. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что население восточной Малой Азии не было знакомо с иероглификой, и только в VIII в. до н. э. или чуть раньше она была занесена сюда из соседних лувийских царств. Здесь возможны два объяснения данному явлению. Первое, эти районы лувийского ареала были утрачены автохтонным населением в период XII—IX вв. до н. э.; местные династии, если и продолжали существовать, своей ролью заметно уступали чужеродному элементу, вероятно, проникшему сюда после гибели Хеттского государства, и только в IX в. хетто-лувийцы отвоевали свои земли обратно. Суть второго объяснения заключается в том, что территория Табала в указанный период могла входить в состав какого-то государства, что исключало возможность составления собственно табальских царских надписей¹⁷⁰.

Немногочисленные, но весьма интересные факты, содержащиеся в надписях соседнего с Табалом царства Мелид, позволяют нам предположить верность второго объяснения. В вышеуказанный период территория Табала могла входить в состав Мелида, и лишь только в IX в. до н. э. или несколько раньше, т. е. перед известным походом Салманасара III в Малую Азию в 837 г. до н. э., мог произойти распад Мелида, в результате чего и образовались мелкие царства Табала¹⁷¹.

ГУРГУМ

Лувийское царство Гургум находилось на южных склонах Киликийского Тавра, в долине реки Джейхан, с центром на месте совр. Мараша (ассир. Маркасу). Гургум имел весьма удобное географическое положение, дающее возможность контролировать важнейший проход в системе Тавра, связывающий Малую Азию с Северной Сирией. Гургум был окружен кольцом других лувийских царств—Куэ на западе, Каргамисом и Сам'алем на юге, Куммухом на востоке и Мелидом на севере.

Впервые Гургум выступает в ассирийских источниках в период Салманасара III, когда царь этой страны Муталлу выплачивал дань ассирийскому царю в 858 г. до н. э.¹⁷² Через пять лет

Гургум вновь упоминается в связи с данью, собранной Салманасаром III с северосирийских царств¹⁷³. В период борьбы Ассирии и Урарту за Северную Сирию Гургум фигурирует в числе союзников Сардури II в битве при Киштане и Халпи в 743 г. до н. э.¹⁷⁴, после чего это царство подпало под опеку Ассирии. Гургум был захвачен и превращен в ассирийскую провинцию после того как в 711 г. до н. э. Саргон II нанес поражение последнему царю Гургума Муталлу, сыну Тархулары¹⁷⁵.

На предполагаемой территории Гургума до сих пор обнаружено чуть больше десятка иероглифических надписей, причем большинство из них—из города Мараша¹⁷⁶. К сожалению, все эти надписи посвятивительные и, кроме генеалогий, содержат только ограниченную информацию об этом царстве.

Отличительной чертой надписей Гургума является относительно четкая датировка, основанная как на сравнительном изучении археологического материала¹⁷⁷, так и на сопоставлении имен нескольких царей Гургума, встречающихся в иероглифических и клинописных источниках¹⁷⁸.

Насколько можно судить по генеалогическим спискам, сохранившимся в трех надписях из Мараша (*Maraş I, IV, VIII*), в период между началом X—концом VIII вв. до н. э. здесь правила одна династия. Наиболее полный список царей представлен в *Maraş I*¹⁷⁹:

1. La+x- mas I ¹⁸⁰	5. Халпарунтияс II (сын)
2. Муванцас (сын)	6. La+x- mas II (сын)
3. Халпарунтияс I (сын)	7. Халпарунтияс III (сын)
4. Муваталис (сын)	

*Maraş IV*¹⁸¹ содержит имена трех царей: а) Муванцас, б) Муваталис (внук), в) Халпарунтияс (сын).

Легко можно убедиться в том, что второй список почти соответствует группе Муванцас—Халпарунтияс II (2—5). Во втором списке после Муванцаса упоминается его внук Муваталис, хотя в первом списке после Муванцаса выступает Халпарунтияс I¹⁸².

В другой надписи—*Maraş VIII*¹⁸³, составленной несколько архаичным пошибом, сохранился третий список: а) Асту- [?.]-манцас, б) Муваталис (сын), в) La+x-mas.

Появление неизвестного из других списков Асту-[.?.]-манцаса¹⁸⁴, а также арханчность надписи, позволяют датировать *Maraş VIII* временем правления La+x-mas I (*Maraş I*)¹⁸⁵.

Полный список царей Гургума можно представить в таком виде¹⁸⁶:

1. Асту-[.?.]-манцас
2. Муваталис I
3. La+x-mas I
4. Муванцас
5. Халпарунтияс I
6. Муваталис II (Салманасар III, 853 г. до н. э.)
7. Халпарунтияс II (Салманасар III, 853 г. до н. э.)
8. La+x-mas II (Ададнирари III)
9. Халпарунтияс III (Ададнирари III, 805 г. до н. э.)

.....

10. Тархулара (Тиглатпаласар III, Саргон II, ок. 743—711 гг. до н. э.)
11. Муталлу (Саргон II, 711 г. до н. э.)

Судя по генеалогическим спискам надписей из Гургума, правление первых девяти царей охватывает довольно большой отрезок времени—от первой половины Хв. до н. э. примерно до начала VIII в. до н. э.¹⁸⁷, и только вся первая половина VIII в. до н. э. остается открытой. Причем, вряд ли между этими девятью царями могли править другие, так как вышеупомянутые три списка, вероятно, полные.

В надписи *Maraş IV* содержится довольно важное сообщение о походе, предпринятом царем Халпарунтиясом II. Он, в частности, передает: «И город Хир(и)ка в том году я покорил¹⁸⁸ (2), в том году upatitasi¹⁸⁹ Тархунтаса (статую бога.—А. К.) я посадил (3), и город Илав¹⁹⁰ я подчинил (4), город Хир(и)ка я разбил (6), и оба города я не пощадил (?) (7), ноги мужчинам (в тексте—«мужские ноги».—А. К.) я отрубил (13), чужое добро своим я сделал (14), и для меня мой образ там возвеличил (15), и оттуда я ушел» (16).

Упоминание города Алеппо, независимо от локализации Хир(и)ка, указывает на южное направление похода Халпарун-

тияся II (ок. 50—40-х годов IX в. до н. э.). К сожалению, нам ничего не известно о состоянии южного соседа Гургума—Каргамиса, самого сильного среди северосирийских царств, в указанный период. Конечно же, поход Халпарунтияся II мог иметь место после нападения Салманасара III на Бит-Адини и другие северосирийские царства в 858—855 гг. до н. э., т. е. в период, когда внимание ассирийцев было отвлечено войнами с центрально-сирийским союзом¹⁹¹, или несколько позже. Захват Алеппо Гургумом означал, что владения последнего в середине IX в. до н. э. доходили далеко на юг, тем самым вклиниваясь между территориями Каргамиса и Унки/Паттина соответственно на востоке и на западе, если только упомянутый поход царя Гургума не представлял собой обычный набег с целью захвата военной добычи. Кажется, что последнее мнение больше соответствует истине, особенно если учесть сообщение гургумского царя о том, что после захвата добычи и сооружения своего образа он «ушел оттуда» (предл. 16). Как бы ни было, материал нашей надписи может свидетельствовать о том, что в середине IX в. до н. э. южный сосед Гургума—Каргамис, переживал нелегкие времена, о чем недвусмысленно говорит также отсутствие иероглифических надписей из Каргамиса, составленных в течение большей части IX в. до н. э.; после царя Катуваса (конец X—начало IX вв. до н. э.) из ИЛ надписей Каргамиса не известен ни один царь, не считая, правда, Сангару, о котором упоминают только ассирийские источники. Нам кажется, что только ослаблением Каргамиса можно объяснить активность Гургума в интересующем регионе.

Вероятно, к надписям Гургума следует отнести и *Kürtül*¹⁹². Это весьма пострадавшая архаичная посвятельная надпись, составленная неким царем: «Я, Лас, царь, слуга (бога) Тархусиса»¹⁹³ (1). К сожалению, в надписи отсутствует название страны или города, принадлежавших этому царю.

КУЭ

Изучение истории лувийского царства Куэ, расположенного в равнинной Киликии и упоминаемого в ассирийских источниках начиная с эпохи Салманасара III, в настоящее время почти полностью основано на материалах последних, так как на его тер-

ритории обнаружена только одна нероглифическая надпись— *Karatepe*, относящаяся к периоду после падения Хеттского государства¹⁹⁴. Эта двуязычная надпись, обнаруженная в 1946 г. в древнем городище у берегов реки Джейхан, в 23 км юго-западнее совр. города Кадырлы, в округе Козан, во многом способствовала окончательной дешифровке ИЛ письма. Надпись представляет собой два параллельных, почти идентичных текста, записанных нероглифическими знаками, и финикийскую версию, хотя последняя не полностью совпадает с первыми двумя текстами¹⁹⁵. Изучение *Karatepe*, несмотря на хорошую сохранность и достаточно четкую интерпретацию, связано с большими трудностями, особенно по части датировки самой надписи. Предложенные разными учеными датировки надписи охватывают очень большой промежуток времени, о чем см. ниже. Скрупулезное изучение труднодоступных отрывков нероглифического текста¹⁹⁶ дает возможность в настоящее время оперировать очень надежным и цельным материалом, который в дальнейшем, после окончательной датировки надписи, способен пролить свет на определенную эпоху истории интересующего региона.

Надпись составлена неким Ацативатасом¹⁹⁷, который, судя по тексту, являлся правителем города Адана(ва) (совр. Адана): «Я, Ацативатас, Солнцем освещенный (?) муж, слуга (бога) Тархунтаса (1), кого Аварикус, царь Аданы, возвысил (2), Тархунтас сделал меня матерью и отцом для Аданы» (3).

Отсутствие традиционного для надписей обозначения статуса Ацативатаса во вступительной части, вероятно, говорит о том, что он не являлся наследным правителем, а возвысился благодаря покровительству прежнего царя Аданы—Аварикуса¹⁹⁸.

Весь текст надписи можно разделить на пять основных частей¹⁹⁹: а) краткое перечисление всех деяний Ацативатаса (т. н. заглавная декларация), б) отношение Ацативатаса к «дому своего господина», в) внешняя политика, г) город Ацативата и д) формула проклятия.

Вслед за вступлением Ацативатас сообщает о том, что при его правлении земля Аданы расширилась и процветала: «И я расширил землю Аданы на западе (и) на востоке (5), и в мои

дни в Адане были все блага, изобилие и роскошь (?), (6) и я наполнил склады (?) (города) Пахар²⁰⁰ (7) и злых (людей.—А. К.), что были в стране/земле (12), я удалил из страны/земли» (13).

После этого следует сообщение об отношении Ацативатаса к потомкам «своего господина», из чего становится ясным действительный статус этого правителя: «И я построил с добротой дом моего господина (14), и я сделал все лучшие вещи для семьи моего господина (15), и я посадил его/их на трон его/их отца» (16).

Господин Ацативатаса, конечно же, царь Аданы Аварикус, упомянутый в начале текста. То, что Ацативатас сам посадил на трон потомка(ов) Аварикуса, говорит о том, что после смерти последнего «город Адана» нуждался в правителе до совершеннолетия отпрысков царя²⁶¹.

Дальше Ацативатас повествует о своих успехах во внешней политике. Вероятно, прежде чем начать активную борьбу с врагами, Ацативатас заручается поддержкой некоторых соседних царей и правителей, на что указывает следующее сообщение: «И каждый царь сделал меня отцом себе из-за моего правосудия и моей мудрости и моей доброты» (18); в финикийской версии говорится несколько больше: «И я установил мир с каждым царем» (17).

Сначала Ацативатас занимается укреплением обороноспособности своей страны: «И я построил сильные [...] на границах» (19), а затем расправляется с внутренними врагами: «Где были плохие люди, грабители (?) (20), которые не служили дому Мукасаса (21), я, Ацативатас, поставил их под мои ноги» (22).

Укрепив страну изнутри, Ацативатас переходит к усмирению внешних врагов: «И я сразил сильные крепости на западе (25), которые прежние цари не сражали (26), кто были до меня (27), и я, Ацативатас, сразил их (28), и я захватил их (29), и я заселил их на востоке моих границ (в тексте «восточных моих границ».—А. К.) (30), и я поселил там [...] жителей Аданы (31), в мои дни я расширил границы Аданы с одной стороны, на западе, с другой стороны, на востоке (32), и в тех местах, где раньше боялись ходить по дороге (34), в мои дни даже женщины ходили с веретеном (35), и в мире пребывали (город) Адана и земля Аданы» (37).

Хотя Ацативатас сообщает только о войне на западе, все же в предл. 32 есть намек на то, что он восвал и на востоке. В приведенном отрывке ясно говорится о том, что войны Ацативатаса носили не только грабительский характер, а имели целью прочно укрепиться на захваченных территориях, о чем свидетельствует заселение завоеванных крепостей.

После завершения победоносной войны Ацативатас снова занимается внутренней политикой. Об этом говорит пространное повествование о сооружении крепости, названной его именем: «И я построил эту крепость (38), и ей я дал имя Ацативатая (39), и (бог) Тархунтас и (бог) Рунтияс стояли за мной при (?) постройке этой крепости» (40). Дальше нероглифический текст имеет значительные повреждения, однако уцелела соответствующая часть финикийской версии, где говорится о значении крепости для «дома Мукасаса» и «страны Адана». Крепость Ацативатая единогласно идентифицируется учеными с развалинами совр. городища Каратепе.

Дальше следует длинное воззвание к богам с просьбой возвеличить Ацативатаса, сделать его выше других царей, чтобы они хорошо относились к крепости, а также пожелание, чтобы населявшие крепость всегда служили Ацативатасу и «дому Мукасаса».

Текст завершается весьма длинной формулой проклятия.

Вопрос датировки *Karatepe* затрудняется тем обстоятельством, что в настоящее время нет единого мнения о целесообразности применения того или иного критерия при ее датировке²⁰². В то время как археологический материал, особенно рельефы на сооружениях городища Каратепе и на самих надписях, могут относиться ко второй половине IX в. до н. э.²⁰³, упоминание царя Аданы Аварикуса и его отождествление с царем Куэ Урик(н)²⁰⁴ позволяет отнести надпись к концу VIII—началу VII вв. до н. э.²⁰⁵.

Если Аварикус из *Karatepe* не является Урик(н) периода Тиглатпаласара III и Саргона II, и это лишь результат случайного совпадения династического имени царей Куэ²⁰⁶, то в таком случае он мог править или до Салманасара III или между ним и Тиглатпаласаром III, так как Салманасар III упоминает Кате в

качестве царя Куэ²⁰⁷. А в случае, если Аварикус и Урик(и)—одно лицо, то *Karatepe* могла быть составлена в конце VIII в. до н. э. или чуть позже.

В последнее время было высказано мнение о том, что Ацативатас являлся современником Синаххериба. Одним из наиболее веских аргументов в пользу этого предположения является отождествление имени Ацативатаса с именем царя Сандуарри—правителя двух городов Куэ—Кунду и Сиссу, упомянутого в надписях Синаххериба и Ассархаддона²⁰⁸.

В силу вышензложенных трудностей при датировке *Karatepe* в настоящее время следует воздерживаться от окончательных выводов по поводу включения материала надписи в круг исследований по истории Куэ. В случае же, если, наконец, удастся решить вопрос датировки надписи, несомненно, откроются весьма широкие перспективы для изучения военно-политической истории юго-восточной Малой Азии.

Г Л А В А III

СЕВЕРНАЯ СИРИЯ

В главе «Северная Сирия» рассматриваются надписи четырех лувийских царств. Правда, согласно письменным источникам, в этом регионе засвидетельствовано по крайней мере еще одно царство—Уики/Паттин к северу от изгиба совр. реки 'Аси (=Оронт), однако его ИЛ надписи фрагментарны и малодоступны для интерпретации, поэтому этот материал не включен в работу. Большая часть территорий изучаемых северосирийских царств—Каргамиса, Хамата «Тиль-Барсипа» и Куммуха, примерно соответствует территории существовавшего в XIV—XIII вв. до н. э. подвластного хеттам царства Каргамис.

Северосирийские лувийские царства в принципе заметно отличаются от малоазийских тем, что наряду с хетто-лувийским этническим элементом здесь присутствует довольно внушительный семитский слой (арамен), вследствие чего из Северной Сирии известны также памятники арамейской эпиграфики начала I тыс. до н. э. Арамензация Северной Сирии усиливается к концу послехеттской эпохи, свидетельством чего является отторжение части территорий лувийских царств арамейскими княжествами¹.

Следует отметить, что не всегда представляется возможным четкое разграничение двух ареалов—«нероглифического» (т. е. хетто-лувийского) и семитского. Кроме своих непосредственных владений, полукочевые арамен, вероятнее всего, в течение долгого времени, постепенно заселяли области лувийских царств; возможно, в каких-то районах они могли даже составить большинство по отношению к местному населению. К сожалению, в на-

стоящее время нет возможности для выяснения приблизительного процентного соотношения хетто-лувийцев, семитов и хурритов региона.

Что же касается памятников арамейской письменности, то все же именно нероглифические надписи являются основным материалом при изучении истории региона в силу своего количества и качества.

КАРГАМИС

Город Каргамис² в древности являлся одним из важнейших торговых центров Северной Сирии. Важное стратегическое положение на западном берегу Евфрата (совр. город Джераблус) еще с ранней древности обусловило стремление многих держав Ближнего Востока взять город под свою опеку. Впервые Каргамис упоминается в клинописных текстах из Эблы в середине III тыс. до н. э.³ Через одно тысячелетие Каргамис становится ареной хетто-митанийско-египетских войн. В 1352 г. до н. э. хеттский царь Суппилулиумас захватил Каргамис у митанийских хурритов и сына своего—Шарри-Кушуха (хетт. Пияссили) провозгласил царем Каргамиса⁴. Борьба между Хеттским государством, Митанией и Египтом завершилась прочным утверждением хеттов в Северной Сирии, которые вплоть до крушения своего царства безраздельно господствовали там. В период между 1350—1200 гг. до н. э. в Каргамисе упоминаются четыре царя: Шарри-Кушух, Сахурунува, Ини-Тешуб и Талми-Тешуб. В эту эпоху Каргамис успешно отстаивал интересы хеттов в Северной Сирии⁵, выполняя для них роль весьма прочного буфера.

Очевидно, «хеттизация»⁶ Северной Сирии, в частности Каргамиса, имела место именно в период правления упомянутой выше династии. Большое количество археологического материала типично анатолийского характера, раскопанного в Каргамисе и южнее (в районе Хамы), относящегося к началу I тыс. до н. э. свидетельствует о сильном наплыве носителей хетто-лувийской языковой группы в этот регион⁷.

С крушением Хеттского государства Каргамис перестает упоминаться в источниках вплоть до Тиглатпаласара I. Неизвестно, какие последствия имело продвижение «народов моря» для Каргамиса, но упоминание царя Ини-Тешуба, «царя страны Хатти», Тиглатпаласаром I около 1100 г. до н. э. должно указывать на какую-то связь этого царя с упомянутой царской династией Каргамиса хеттского периода⁸.

В результате многолетних археологических работ, проводившихся с 1878 г., было обнаружено большое количество надписей, составленных иероглифическим письмом⁹; большинство из них относится к X—VIII вв. до н. э. За редкими исключениями надписи составлены каргамисскими царями. Обнаруженные недалеко от города надписи *Sekke* и *Körkân* принадлежат зависимым от каргамисских царей правителям и также включены в круг нашего исследования.

По содержанию каргамисские надписи могут быть разделены на две категории: а) исторические (A 2, A 6 и др.) и б) строительно-посвятительные (A 1a, A 14 a и др.)¹⁰. Почти все надписи высечены на самых разнообразных сооружениях, приблизительная датировка которых, даже при отсутствии имени составителя, часто позволяет установить их принадлежность.

В силу относительного обилия материала по сравнению с другими лувийскими царствами, для большинства каргамисских царей можно воссоздать приблизительную картину их правления. Однако следует отметить, что не все царские надписи имеют точную датировку, и порой даже невозможно установить время составления, что связано с их фрагментарным состоянием¹¹. Поэтому и даты правления каргамисских царей, за редкими исключениями, приводятся нами весьма приблизительно¹². Вот список царей Каргамиса, установленный с помощью ИЛ и ассирийских источников:

1. Ини-Тешуб (около 1100 г. до н. э., Тиглатпаласар 1)

....

2. X-ra-ziti (конец XI в. до н. э.)

3. Уратархунтас¹³ (около 1000—970 гг. до н. э.)

....?

4. Сухис I (середина Хв. до н. э.)
5. Астуватаманцас (около 940—930 гг. до н. э.)
6. Сухис II (около 930—920 гг. до н. э.)
7. Катувас (конец X—начало IX вв. до н. э.)
....?
8. Сангара¹⁴ (около 870—848 гг. до н. э., Ашшурнацирапал II и Салманасар III)
....?
9. Астирувас (конец IX в. до н. э.)
10. Яририс¹⁵ (конец IX—начало VIII вв. до н. э.)
11. Каманис (первая половина VIII в. до н. э.)
....?
12. Писирис¹⁶ (около 738—717 гг. до н. э., Тиглатпаласар III и Саргон II)

В приведенном списке можно разграничить три династии: а) X-ra-ziti и Уратархунтас, б) от Сухиса I до Катуваса и в) от Астируваса до Каманиса; пока неизвестно отношение Сангары и Яририса к упомянутым династиям (о Яририсе см. ниже)¹⁷. Если упомянутый в надписи Уратархунтаса (А 4б) Сухис и Сухис I—одно и то же лицо, то в таком случае можно было бы констатировать наличие в Каргамисе не трех, а двух династий. Говоря о династиях, мы, конечно же, исходим из нынешнего состояния источников, поэтому нельзя исключать то, что все упомянутые цари являлись представителями одной династии.

Пожалуй, к данному списку можно добавить еще одного царя, упоминаемого во фрагментарной надписи А 27 а—d¹⁸. В начале надписи (фрагмент с) сохранилось несколько знаков, которые передают: [...] (—)462-mu-wa/i-si-sa KUR. EN [...], т. е. «(—)462-muwasis, владыка страны». Второй фрагмент (а), судя по сохранившимся знакам, должен быть продолжением предыдущего фрагмента: [...] -si- [...] KUR. EN [...] DINGIR-ni- [...] LITUUS + á-[za-mi-sa-...] - «(сын владыки страны [...] -si- [...] -а, любимый богам)». Стиль знаков и конструкция введения надписи очень напоминают эпоху Сухиса II и Катуваса. К тому же, титул KUR. EN носят лишь цари, но не их подвластные правители (см. ниже). Если это так, то вполне возможно, что эта надпись относится к какому-

то неизвестному до сих пор царю из династии Астуватаманцаса. Знак № 462, хотя и не бесспорно, имеет слоговое чтение ra^{19} , и в таком случае имя этого царя следует читать как Памувасис; если только упомянутый знак является началом имени. Во всяком случае данное имя имеет типично анатолийскую конструкцию, образованную с помощью двух ономастических элементов—(а) ra -и $-tiwa$.²⁰ В связи с реконструкцией имени Памувасиса стоит уделить внимание упомянутой в надписи царя Каманиса (*A 4a+4 18d 2*) имени Паму(-) [...].

От первой династии до нас дошла только одна надпись—*A 4b*²¹, составленная архаичным пошибом и принадлежащая царю Уратархунтасу. Плохая сохранность и архаичный стиль знаков затрудняют ее изучение.

Титулатура и генеалогия Уратархунтаса звучат так: «Великий царь Уратархунтас, великий царь, герой, царь страны Каргамис, сын Х- $ra-ziti$, великого царя, героя» (1). Титулатура этого царя сильно отличается от титулатур более поздних царей Каргамиса. Тип построения титулатуры «(великий) царь, имя, (великий) царь»²² весьма обычен для надписей конца II тыс. до н. э. и двуязычных печатей. В данном случае очевидно несомненное продолжение хеттской традиции.

Надпись *A 4b* не может осветить период правления Уратархунтаса. В надписи сообщается лишь, что «сильный» Тархунтас и богиня Кубаба дали царю силу (4) и поставили во главе войска (3).

Особый интерес представляет поврежденный конец надписи, где упоминается некий Сухис (сын царя?). Если в данном случае речь идет о следующем царе Каргамиса—Сухисе I, отце царя Астуватаманцаса, то возникает вопрос об отношении Уратархунтаса к этому Сухису. Насколько можно судить по надписям Катуваса, его династия восходит именно к Сухису, правившего приблизительно в середине Хв. до н. э., т. е. почти сразу после Уратархунтаса. Сухис I в надписи своего сына Астуавтаманцаса имеет титул $tarwanis$ ²³, так же как и Сухис в *A 4b*.

При таких явно противоречивых данных вопрос, была ли узурпация власти после Уратархунтаса со стороны новой дина-

исти, или все же Сухис I был законным наследником трона, остается открытым²⁴. От царя Сухиса I, к сожалению, никаких письменных источников не сохранилось. Он упоминается лишь в двух надписях, относящихся к Уратархунтасу (?) и к своему сыну, поэтому период его правления остается одним из наиболее темных в истории Каргамиса.

Астуватаманцас представлен лишь одной, весьма короткой надписью—A 14b²⁵.

Из вводной части надписи явствует, что Астуватаманцас—сын Сухиса. Он величает себя «владыкой страны»²⁶. И хотя в титулатуре Астуватаманцаса отсутствует обычный титул *tarwanis*, все же он, наверно, имел его, так как после имени царя в надписи есть повреждение²⁷. При имени отца составителя надписи нет титула «владыка страны». Это явление встречается неоднократно по многих надписях, когда царь не считает нужным приводить всю титулатуру своих предшественников, несмотря на то, что в надписях последних она имеется²⁸.

О правлении Астуватаманцаса как по этой надписи, так и по другим, принадлежащих его потомкам, известно очень мало. В A 14b говорится о постройке сооружения под названием *hilan*²⁹ и высечении надписи вблизи от него.

Некоторые сведения косвенного порядка о правлении Астуватаманцаса содержатся в двух надписях его внука—Катуваса: «Он (т. е. каргамисский бог Тархунтас.—А. К.) не возвеличил (образ) моего деда» (A 2,4), и «В эти земли мои отцы и деды и предки обычно не ходили» (A 11b, 9). Под «этими землями» Катувас подразумевает страны, расположенные за пределами царства Каргамис.

Вероятно, период правления Астуватаманцаса не был ознаменован какими-либо успехами во внешней политике Каргамиса, особенно если учесть сообщение Катуваса о нерасположении к нему каргамисского Тархунтаса (главного бога Каргамиса)³⁰.

После Астуватаманцаса царем Каргамиса становится его сын—Сухис II. Это первый каргамисский царь, правление которого довольно хорошо освещается источниками—A 1a, A 1b, A 14a и Kelekl³¹.

Сухис II носит обычный для царей Каргамиса титул «владыка страны». Интересно, что в *A 1 b*, сохранившей его титулатуру, отсутствует титул *tarwanis*; к сожалению, остальные надписи пострадали именно в тех местах, где мог бы быть этот титул. Его сын — Катувас также не упоминает титул *tarwanis* в связи с именем отца.

В своей пространной надписи *A 1a*, пострадавшей лишь в начале, Сухис II излагает подробности какого-то события, скорее всего военного похода, который, очевидно, увенчался для него успехом.

Насколько можно судить по поврежденной вводной части, в какой-то период своего правления Сухису II пришлось вести войну со страной, название которой в тексте отсутствует. В надписи говорится о некоем Хатанимасе³², совершившем враждебную акцию по отношению к богу Тархунтасу «небесному»³³ города Парка³⁴ и увезшего «этих богов»³⁵ от царя. После этого события каргамисский царь предпринимает поход в город Алатах, а также вырезает город Хаца³⁶. В результате удачного похода царь возвращает статую Тархунтаса на прежнее место. Далее он приказывает своему сыну Халпасулунису построить какое-то сооружение, высекать статуи Тархунтаса и «этих богов», а также свою статую. В конце надписи говорится об учреждении жертвоприношений в честь упомянутых богов.

Вышеприведенные данные о деятельности Сухиса II могут быть весьма полезными при изучении политической истории Каргамиса второй половины Хв. до н. э. после того, как будут выяснены два вопроса: а) где следует локализовать упомянутые три города и б) что известно о боге Тархунтасе города Парка.

В хеттских текстах неоднократно упоминается город *Paṛq/ḡa*, локализуемый в 25 км юго-западнее города Алеппо, на месте совр. Баркума³⁷. Там же встречается и город *Ḫašūwa*, который находился, вероятно, в районе совр. города Биреджик, в 20 км севернее Каргамиса, на восточном берегу Евфрата. Близость названий *Naṣau(wa)na* и *Ḫašūwa*³⁸ может помочь при определении местонахождения нашего каргамисского города, однако спорная локализация города *Ḫašūwa* заставляет пока воздерживаться от этого.

При определении похода Сухиса II имеет большое значение локализация третьего города—Алатаха. Следует отметить, что город с таким названием не встречается ни в хеттских, ни в других источниках. И все же нам представляется возможным сопоставление перогл. Алатаха с известной из текстов II тыс. до н. э. столицей северосирийского царства Мукиш—городом Алалах³⁹ (к западу от Алеппо, на месте совр. Телль—Ачана) хотя и нет никаких данных о его существовании в начале I тыс. до н. э., т. е. после крушения Хеттского государства и нашествия «народов моря», которые на своем пути к восточному Средиземноморью должны были пройти через эти районы.

В случае, если сопоставление перогл. Алатах—клин. Алалах правильно, то можно принять юго-западное или западное направление похода каргамисского царя. И если город Парка находился в составе Каргамиса, а Алалах—на вражеской территории, то вывод напрашивается такой: врагом Каргамиса в указанном районе мог являться Унки/Паттин в долине р. Оронт (это царство выступает в ассирийских источниках с начала IX в. до н. э.). Основной преградой к решению этого вопроса является отсутствие в ассирийских источниках упоминаний каких-либо других политических объединений в указанном районе в пору династии Астуватаманцаса, кроме Каргамиса. Только чуть позже в долине Оронта упоминается Унки/Паттин.

Обращаясь к следующему вопросу следует отметить, что больше нигде, кроме как в нашей надписи, не упомянут «Тархунтас города Парка», в отличие от других Тархунтасов (алеппский, каргамисский и др.), появляющихся регулярно в ИЛ надписях. Это как будто указывает на потерю данного города, где почитался этот бог, для Каргамиса после Сухиса II⁴⁰.

Остальные надписи Сухиса II небольшие по размерам и малопригодны для изучения.

A 14a по характеру—посвятительная надпись, где говорится о добром расположении богов к царю⁴¹. В *Kelekli* сохранилась только вводная часть надписи (имя и генеалогия).

Последняя надпись—*A 1b*, вероятно, составлена самим Сухисом после смерти своей жены, хотя повествование идет от ее име-

ни⁴². Жена царя—Ва(н)тис, призывает людей почитать ее имя (после смерти.—А. К.) так, как почитают имя ее мужа.

Итак, если судить о царстве Каргамис в период правления Сухиса II, то в силу данных, содержащихся в надписи *A 1a*, можно сделать вывод о том, что оно занимало значительную территорию протяженностью по крайней мере в 120—130 км (с северо-востока на юго-запад). Город Алеппо (Илап/в нероглифических источниках) также мог находиться в составе этого царства⁴³, так как он лежит прямо на линии Каргамис—город Парка. Отсутствие упоминаний о походах ассирийских царей в Северную Сирию в Хв. до н. э. говорит о том, что Каргамис не подвергался нападению со стороны Ассирии, и поэтому мог расширить свое влияние в указанный период; однако, с другой стороны, можно было бы говорить не о расширении влияния, а о борьбе за сохранение территориальной целостности царства. Второе мнение нам представляется более правдоподобным.

В конце Хв. до н. э. Сухиса II на престоле Каргамиса сменил его сын—Катувас. Правление Катуваса освещено письменными источниками гораздо лучше, чем правление других царей Каргамиса. Ему принадлежат надписи *A 2*, *A 3*, *A 4 d*, *A 11a*, *A 11 b + c*, *A 12*, *A 13 d*, *A 20a*, *A 23* и *A 25a(?)*⁴⁴.

Титулатура Катуваса состоит из тех же компонентов, что и титулатура Сухиса II, но в ней наряду с обычными *tarwanis* и «владыка страны» выступает также эпитет «любимый богами» (*A 11 b*, *A 12*, *A 23*). Стиль изложения надписей Катуваса намного превосходит стиль надписей его отца пышностью, особенно когда он говорит о своих богах—покровителях. Это наиболее ярко выражается в надписи *A 2*, где Катувас повествует об успешности своего правления: «Он (т. е. каргамисский бог Тархунтас.—А. К.) мой образ каргамисского «владыки страны» Катуваса прославил (5), на меня он смотрел с *suhaṇa*⁴⁵ лицом (6), Хороший бог⁴⁶ и Винный бог⁴⁷ продлили мои дни» (7). Аналогичные заявления имеются и в других надписях: «Мне за мою справедливость боги силу в руки дали» (*A 11a*, 4), «Меня мой господин Тархунтас, Кархухас и Кубаба любят за мою справедливость» (*A 11a*, 7).

В нескольких надписях Катувас сообщает о политических событиях, имевших место в его правление. Сопоставление всех

данных его надписей приводит нас к выводу, что, вероятно, в начале правления Катувасу пришлось бороться за сохранение своей территории и власти, и что все эти сведения являются звеньями одного и того же события.

В пространной надписи *A 11a*, представляющей как бы перечень всех его деяний, Катувас сообщает о каком-то восстании: «Мои 20-tati(n)zi⁴⁸ восстали (букв. «ушли от меня».—А. К.) (5), они anan arha tarza от меня земли» (6).

Какие-то люди восстали против Катуваса и отняли у него земли или часть земель. Кто были эти люди? Об аналогичном событии сообщается в надписи *Tell Ahmar I*, датируемой концом Хв. до н. э., где составитель говорит, что после смерти своего деда его 20-tatis восстали против законного наследника—Арияхнаса⁴⁹.

Вероятно, прав Д. Хоккинс, который в обоих случаях видит одно и то же событие⁵⁰, происшедшее в последней трети Хв. до н. э., т. е. примерно в начале правления Катуваса. Эта дата вполне соответствует предполагаемому началу правления отца составителя надписи *Tell Ahmar I*.

Выдвинутый Д. Хоккинсом перевод «двоюродный брат» для слова 20-tatis⁵¹ довольно удачно согласуется с упоминанием в другой надписи *A 11 b, 4* внуков Уратархунтаса, которые, согласно тексту, захватили в Каргамисе власть в какой-то период правления Катуваса, возможно, даже к моменту его воцарения: «Мой отцовский и дедовский город (Каргамис?—А. К.) принадлежал Нанувасу»⁵² (2); после этого царь сообщает, что он pit(a)haliya-⁵³ их (т. е. своих врагов).

Дальше говорится о захвате ряда территорий Катувасом: «У них я мой sapatali⁵⁴ город Ипаниси⁵⁵ и мой sapatali район (?) Муцки [.....]» (5), и для меня построил (6), и в том же году колесницу Кава я разбил(?)» (7). В другой надписи Катувас повествует о захвате крепости Авияна и походе на город 382-sarizi(n)za (*A 12, 6—7*).

Совершенно очевидно, что восставшие потомки Уратархунтаса захватили даже город Каргамис, но Катувасу удалось взять

верх над ними и вернуть себе свои владения. После победы Катувас отстроил свои пострадавшие города.

Вышензложенные события, конечно же, представляют собой яркий пример династической борьбы между потомками Уратархунтаса и династией Астуватаманцаса, происшедшей примерно в последних десятилетиях X в. до н. э., закончившейся победой последней⁵⁶, о чем недвусмысленно свидетельствует отрывок из *A 23*, где Катувас говорит о добром расположении к нему богини Кубабы: «Моя госпожа Кубаба, каргамисская царица, взяла меня за руку (3), мне моих врагов она давала (4), но меня моим врагам она не давала» (5). Успешная строительная деятельность Катуваса также может свидетельствовать в пользу того, что этот царь сумел справиться со своими врагами. В *A 11b*, после упоминания войны, царь говорит, что «эту страну я привел к/в *riḥanis*»⁵⁷ (14).

В связи с войнами Катуваса возникает необходимость локализации упомянутых городов и областей. Город Ипаниси и район Муцки Катувас называет своими землями, захваченными врагом; город Кава, видимо находился на вражеской территории: «В эти области (т. е. в город Кава.—А. К.) мои отцы и деды не ходили» (*A 11, b, 8*). Кажется, город Авияна также находился за пределами Каргамиса. Что Катувас вел борьбу не только с внутренними врагами, подтверждается вышеприведенным сообщением о том, что предки Катуваса не ходили в эти земли. Что это за страна, трудно сказать. Упоминание Муцки и Кава, возможно, указывает на северную или северо-западную арену войны⁵⁸, но этот вопрос может быть решен лишь после обстоятельного изучения топонимики Северной Сирии, а также по мере обнаружения новых надписей.

Остается нерешенной одна проблема: в каких отношениях находились Катувас и отец составителя надписи *Tell Ahmar I*. Если последний действительно описывает события, происшедшие в Каргамисе в начале правления Катуваса, то придется признать, что правящая династия, представленная в этой надписи (лувийское царство с центром в 20 км южнее Каргамиса), находилась в родственных отношениях с династией Астуватаманцаса (о взаи-

мотношениях Каргамиса и «Тиль-Барсипа» см. в разделе «Тиль-Барсип»).

Как было отмечено, период правления Катуваса ознаменовался широкой строительной деятельностью⁵⁹. В надписях неоднократно говорится о сооружении храмов для каргамисского Тархунтаса⁶⁰, *hilani*, *harsitani*⁶¹ и т. д. Сооружение храмов и других зданий почти всегда сопровождается учреждением жертвоприношений и возлияний тому или иному богу, чаще всего каргамисскому Тархунтасу.

Интересные сведения о жертвоприношениях содержатся в *A 11 b, 18*: «В качестве *asharmis*⁶² этим богам я ежегодное припитание (назначил)⁶³: Кархухасу— 1 быка и 1 барана, Кубабе—1 быка и 1 овцу, Сарку—(1) барана и (1) *kuturili*⁶⁴, 1 барана—богам мужского пола. 1 овцу—богам женского пола».

В надписях имеются сведения о служебном персонале храмов, в данном случае храма каргамисского Тархунтаса. В *A 3* Катувас сообщает: «Этому каргамисскому Тархунтасу Катувас, владыка страны, «господ мудрости» (от)дал» (1). Далее перечисляются четыре религиозных чина, но, к сожалению, их интерпретация пока невозможна.

Подводя итоги правлению Катуваса, следует отметить, что насколько можно судить по источникам, в эту эпоху Каргамис достиг зенита своего могущества. Успешная борьба Катуваса с династией Уратархунтаса и с ее союзниками, а также строительная деятельность свидетельствуют о значительной роли Каргамиса в Северной Сирии.

Однако уже с 80-х годов IX в. до н. э. в политической жизни Каргамиса начинается период кризиса, вызванный широкой наступательной политикой ассирийского царя Тукульти-Нинурты II (890—884 гг. до н. э.) в Северной Сирии и на ее подступах⁶⁵. Правда, в числе пострадавших Каргамис не упоминается, однако усиливающееся из года в год ассирийское продвижение на запад не могло не отразиться негативно на положении этого царства. Поход Тукульти-Нинурты II приходится примерно на конец правления Катуваса или на правление его ближайшего преемника. Об ослаблении Каргамиса, очевидно, свидетельствует отсутствие

надписей в период после Катуваса вплоть до конца IX в. до н. э., когда к власти в Каргамисе приходит Астирувас, представитель или основатель новой династии.

Начиная с 70-х годов IX в. до н. э. в анналах ассирийских царей Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.) и Салманасара III упоминается Сангара как царь Каргамиса. Согласно ассирийским источникам, в этот период Каргамис платил дань Ассирии⁶⁵. В настоящее время ничего не известно о родственных отношениях Сангары и Катуваса⁶⁷, к тому же Сангара не оставил никаких письменных или других свидетельств о себе⁶⁸. Несмотря на довольно долгое правление, Сангара вряд ли проводил более или менее самостоятельную политику⁶⁹, так как в 856 г. до н. э. ассирийцы захватили город Тиль-Барсип (совр. Эт-Телль-эль Ахмар), всего в 20 км южнее Каргамиса; Салманасар III переименовал город в Кар-Шульмануашаред и посадил там своего туртана, тем самым ограничивая его присутствием свободу действий царей Каргамиса.

Временный упадок Каргамиса, возможно, продолжался до конца столетия, когда к власти пришла династия Астируваса. Этот значительный пробел в письменной традиции царей Каргамиса, охватывающий большую часть IX в. до н. э., является серьезным препятствием при изучении истории Каргамиса, которые ассирийские источники восполняют лишь отчасти.

Как и Сангара, Астирувас также не оставил никаких надписей. Однако он несколько раз упоминается в надписях, составленных его потомками и подданными. Единственной надписью, которую можно отнести к его правлению, является *Körkün*⁷⁰ (к западу от Каргамиса), вероятно, составленная одним из подвластных ему правителей, имя которого—Ka-326-ris. Он сообщает: «Когда/тогда царь Астирувас «дом мудрости» (т. е. храм?—А. К.) построил» (4).

Кажется вполне допустимым восстановление имени Астируваса в поврежденной надписи *A 13a-c, 171*, где Каманис называет себя сыном Астируваса⁷². Намек на то, что Каманис—сын Астируваса, содержится в надписи Яририса, правившего Каргамисом после Астируваса. Имя Астируваса выступает и в двух сильно постра-

давших надписях. В первой из них—*A 27e, 17³*, Астирувас упоминается в генеалогии одного из своих потомков, носящего титул «владыка страны» (наверно. Каманиса). В другой надписи сообщается о статуе/образе Астируваса (*A 27mm, 2*)⁷⁴. Эта надпись, вероятно, могла быть составлена самим Астирувасом, так как по традиции лувийских царей сооружались статуи или изображения лишь богов и правящего царя, а предков—только в редких случаях.

Весьма ограниченные сведения об Астирувасе вынуждают нас пока воздерживаться от каких-либо выводов насчет его правления. Но некоторые косвенные данные, содержащиеся в надписях Яририса, говорят о том, что правление Астируваса было непродолжительным; так, после смерти Астируваса Каманис, его старший сын, был еще несовершеннолетним.

В конце IX или в начале VIII вв. до н. э. царем Каргамиса становится Яририс, второй представитель династии Астируваса⁷⁵, от которого до нас дошли четыре надписи—*A 6, A 7, A 15 b, A 24*⁷⁶.

В отличие от других царей Каргамиса, в титулатуре Яририса отсутствует титул «владыка страны», что очень странно, так как наряду с этим у него несравненно более пышная, чем у кого-либо титулатура: "... tarwanis, ^d128-tanisanis⁷⁷ и tasparuwatis муж, известный на западе (и) на востоке, любимый богами муж» (*A 6, 1*), а также другой вариант: «... tarwanis, Тархунтасом, Кархухасом, Кубабой и Тиватом (бог Солнца) любимый муж» (*A 15 b, 1*). Другой важной отличительной чертой надписей Яририса является отсутствие его генеалогии. Все как будто становится ясным, когда Яририс говорит о сыне своего господина Каманисе, для которого он «этот трон построил» (*A 6, 8*).

Известно, что Каманис унаследовал трон Каргамиса после Яририса. Вывод напрашивается сам по себе: отсутствие генеалогии и титула «владыка страны» у Яририса, а также то, что Каманис не приходился ему сыном, говорит о том, что предки Яририса не были царями. По-видимому, Яририс в действительности являлся только временным правителем Каргамиса после смерти Астируваса и регентом при его малолетнем сыне, а не узурпатором

трона⁷⁸. Об этом говорит и то, что дважды в своих надписях Яририс повествует о добрых делах, сотворенных им ради возвышения Каманиса и его младших братьев. Особый интерес представляет сообщение о том, что сделал он для Каманиса.

В своей пространной надписи А 6 он сообщает: «Когда я для сына моего господина, Каманиса этот трон построил (8), он пошел в эту землю/место (9), его я посадил высоко (10), он пошагнул (?) выше всех (11), (хотя) он был ребенком (12), за ним/позади него я его братьев сделал (т. е. «поставил».—А. К.)» (13). В надписи А 15 b Яририс сообщает: «Я *saniyatala* Каманиса высоким сделал (т. е. «возвысил».—А. К.)⁷⁹ (12), задних (т. е. «младших».—А. К.) братьев я высоким сделал (14), и братьев я *sasa-*» (15).

Итак, став правителем, Яририс не присвоил себе титул «владыка страны», т. е. не претендовал на престол по праву. Он добросовестно выполнял свои обязательства по отношению к сыновьям Астируваса. Первым долгом Яририс посадил на трон одного из областей царства Каманиса, а его младших братьев, имена которых упоминаются в надписи А 7, *e-i*, дал ему в качестве соправителей. Он построил какие-то священные сооружения—*kalupas* и *tarupnas*⁸⁰ там, где обосновались Каманис с братьями.

О деятельности Яририса в области внутренней и внешней политики известно очень мало. Надпись А 15 b упоминает какую-то реку (или «речную страну»), куда отправился царь (см. также А 24, *фрагм. 19*); здесь нет намек на военный поход. Быть может, здесь речь идет о строительстве храма в этой области, так как за этим сообщением следует: «Я построил храм богу города Хармана (9), для меня мой образ я сделал» (10). К сожалению, местонахождение города неизвестно⁸¹.

Судя по сильно поврежденной пространной надписи А 24, вероятно, содержащей много важных сведений о политических событиях, некий ассирийский царь захватил и унес статую Тархунтаса города Илап (совр. Алеппо). К сожалению, в анналах ассирийских царей ничего не говорится о каких-либо походах в район города Алеппо в период Яририса. В надписи встречается название какого-то города 342(-) *tala/ipati(n)zas*.

Из строительной деятельности Яририса известно сооружение, названное археологами «Царской подпорой»⁸², на котором изображены царь Каманис и его братья (с надписью *A 7*), трона/постамента для Кубабы (*A 6,24*), «высокого храма», и храма в городе Хармана. Два последних храма могут быть идентичными, но в надписях об этом ничего не говорится.

Личность Яририса привлекает к себе особое внимание. Не являясь законным наследником престола, но в силу благоприятного стечения обстоятельств став правителем Каргамиса, он добился несомненных успехов во внешней и внутренней политике. Неоднократные ссылки на помощь богов говорят о его успешном правлении: «Тархунтас и Тиват вывели мое имя на Небо за мою справедливость (*A 6,2*), они прославили мое имя за границей (букв. «вывели за пределы». — *A. K.*) (*3*), про меня слышаны в этом Египте (*4*), слышаны в этом (городе) 475-ла⁸³ (*5*), в этих (городах) Муса, Мусака (=мушки?)⁸⁴ и Сура⁸⁵ слышаны (*6*), всех подвластных царей я облагодетельствовал» (*7*).

Следующие строки из надписи *A 15 b* относятся к личности Яририса: «...письмо Города (очевидно, Каргамиса. — *A. K.*), письмо Сура, письмо Ассирии, письмо Таимана⁸⁶ (*18*), двенадцать языков я знал (*19*), для меня мой господин, ради языка, сыновей всех стран посредством путешествия(?) собрал (*20*), все мудрости мне он заставил LITUUS(-)ипапи-»⁸⁷ (*21*). «Господин» Яририса, конечно же, царь Астирувас. В силу особого расположения к Ярирису, он покровительствовал ему и всячески содействовал его образованию.

Несомненно, Яририс был последним из каргамисских царей, приведший страну к относительно могуществу. Правда, этому могли способствовать не столько личные качества, сколько пассивность основного врага — Ассирии на западе.

Яририса на троне Каргамиса сменил сын Астируваса — Каманис, правление которого освещается пятью надписями: *A 4a + A 18 d 2*, *A 4c* и *A 31/32 + A 30 b*⁸⁸; его имя встречается и в надписи *Cekke*⁸⁹, составленной одним из его подданных.

Полная титулатура Каманиса сохранилась в *Cekke*: «Каманис, *tarwanis*, владыка страны города Каргамиса и города 109-za»;

в А 4а, 2 он называет себя царем, а в А 31/32, 7—*tarwanis*. Примечательно, что среди каргамисских царей лишь Уратархунтас назван царем, а «владыка страны» города 109-за входит в титулатуру Писириса. Название этого города, основа которого скрыта под идеограммой, пока еще не поддается чтению⁹⁰.

К сожалению, не сохранилась генеалогия Каманиса, чтобы можно было выяснить его отношение к своим предшественникам. И все же по соображениям хронологического порядка принято считать, что Каманис был третьим царем из династии Астируваса⁹¹.

Правление Каманиса, несмотря на наличие значительного эпиграфического материала, окутано многими неясностями. Все сведения, содержащиеся в них, довольно неопределенны, что часто усугубляется трудностями лингвистического порядка⁹².

О внешней политике Каманиса в надписях имеется всего лишь одно сообщение о захвате какого-то города: «И крепость Пината я крепостью Каргамиса сделал» (А 31/32,5).

В надписях Каманиса содержатся сведения о внутренней политике этого царя. В надписи *Cekke* есть прямое указание на то, что Каманис построил город канапуванцев (букв. «жителей города Канапу».—А. К.) и назвал его своим именем—Камана (6). В другой надписи (А 4а+А 18 d 2) говорится о дарении Каманисом сыну своего брата Парисармасу, внуку *Parl-x¹-tis-a* чего-то (3)⁹³. Далее там же Каманис перечисляет пятерых мужей, которым он отдал или подарил что-то⁹⁴. Первые два мужа, вероятно, являются правителями городов. От названия первого города уцелел лишь детерминатив города, а во втором случае упомянут некий Урасармас из города Хаса. Далее идут *uliyantas*⁹⁵ (эпитет) Паму (-), Мувас и «собачий» (эпитет) Кумаварас.

Особый интерес представляет название города Хаса (с суффиксом *-wana/is*). Идентичность этого Хаса с Хаца периода Сухиса II как будто не вызывает сомнений, особенно если учесть случаи чередования *z:s* в иероглифических надписях⁹⁶.

Одной из наиболее содержательных и важных надписей эпохи Каманиса является *Cekke*. Ее составитель—некий *EN-liwaras*, который называет себя «любимым слугой Састураса» (1). Он

сообщает также, что «Састурас—передний⁹⁷ слуга Каманиса» (5). Далее EN-tiwaḡas говорит о приобретении Каманисом за 600 ослов города у жителей какого-то другого города, после чего царь поселил там пятнадцать мужей с их сыновьями. Хотя надпись пока еще не поддается полной интерпретации, все же можно предположить, что она представляет собой уникальный в неороглифической лувийской эпиграфике документ о купле-продаже земли⁹⁸.

В *Cekke* содержится также, не имеющий параллелей, пространный список городов, подвластных Каргамису⁹⁹, и определенных лиц, которые были переселены из этих городов в новый город Камана.

Подводя итоги правлению Каманиса, можно определенно сказать о преобладании в деятельности этого царя тенденции к административным преобразованиям. Отказ от активной внешней политики, вероятно, был связан со все возрастающей угрозой со стороны Ассирии и Урарту.

О строительной деятельности Каманиса свидетельствуют сооружение храма для Кубабы (*A 31/32,3*) и какого-то дома (дворца?); о последнем упоминается также в формуле проклятия надписи *A 4a, 11*, и хотя здесь не говорится о его сооружении самим Каманисом, все же следует приписать строительство «дома» именно Каманису, так как в подобных формулах цари обычно предостерегают злоумышленников от злых действий по отношению к сооружениям, возведенным ими.

Примерно в начале 40-х годов VIII в. до н. э. царем Каргамиса стал Писирис. Эпиграфический материал его эпохи невелик: *A 13a-c* и *A 21/22 b+a*¹⁰⁰. В этих надписях не сохранилось имя Писириса, но он дважды упоминается в ассирийских источниках в 738 и 717 гг. до н. э.

Особый интерес представляет вопрос об отношении Писириса к своему предшественнику—Каманису. Писирис называет своим отцом Састу (Састурас из *Cekke*, см. в *A 21/22 b+a*). Если можно приписать фрагмент надписи *A 20 b, 1*¹⁰¹ сыну Састураса и восстановить имя Астируваса в генеалогии последнего¹⁰², то окажется, что Писирис был внуком Астируваса. Основываясь на том, что

Састурас не упоминается в А 7 в числе братьев Каманиса, и к тому же он назван «передним слугой Каманиса», в специальной литературе выдвинуто предположение о том, что Састурас мог быть племянником, приемным сыном или сводным братом Каманиса¹⁰³.

Как бы то ни было, во всяком случае Писирис пришел к власти при довольно сложных обстоятельствах, напоминающих узурпацию¹⁰⁴. На это как будто намекает надпись А 21/22 b+a, где Писирис заявляет: «Чтобы сделать меня великим, мой отец Састу, Солнцем освещенный (?) муж[...]» (2). Следует отметить, что в иероглифических надписях не было в обычае упоминать о какой-либо роли, сыгранной отцом или дедом царствующей особы при его воцарении. Они регулярно отмечают только божественную помощь. И в нашей надписи Писирис ссылается на помощь Кубабы: Кубаба [...] ¹⁰⁵ меня за руку (3) и меня она посадила на отцовский трон» (4). Примечательно, что Писирис не отмечает какого-либо царского титула в связи с именем отца. Этот факт также может быть свидетельством того, что последний царь Каргамиса Писирис, вероятно, не был законным наследником трона. Похоже, что уже при жизни Каманиса значительным влиянием пользовался один из его сановников—Састу(рас) (см. выше надпись *Sekke*), которому удалось после смерти царя посадить на трон своего сына—Писириса.

Титулатура Писириса почти сходна с титулатурой Каманиса: «Писирис, герой, владыка страны (города) Каргамис и страны 109, любимый Кубабой» (А 21/22 b+a, 1). Интересно, что у Каманиса после Каргамиса упоминается город 109-за, а у Писириса— страна 109¹⁰⁶.

О правлении Писириса каргамисские надписи почти ничего не сообщают. поэтому в настоящее время единственным источником для изучения истории Каргамиса этого периода являются ассирийские тексты.

В период широкой ассирийской экспансии в Северную Сирию и Малую Азию Каргамис неоднократно упоминается в анналах Гиглатпаласара III и Саргона II. Так, в 738 г. до н. э. Каргамис упоминается в числе данников Ассирии¹⁰⁷, а в 717 г. до н. э. Саргон II захватывает Каргамис, а Писириса и его близких насильно

угоняет в Ассирию¹⁰⁸. Этот год является концом существования лувийского царства Каргамис.

Завершая наш краткий обзор истории одного из важнейших лувийских царств, можно сделать некоторые выводы, вытекающие из изучения как собственно каргамисских надписей, так и из сопоставления этого материала с материалом из соседних северо-сирийских царств—«Тиль-Барсипа», Гургума и Хамата.

Материал, содержащийся в надписях двух царей—Сухиса II и Катуваса, как будто указывает на то, что в период их правления (может быть и до Сухиса II) Каргамис включал в свой состав намного больше территорий, нежели позже, в IX—VIII вв. до н. э. Восстание «потомков Уратархунгаса», описанное Катувасом, вероятно, и предопределило судьбу Каргамиса. Через некоторое время (в первой половине IX в. до н. э.) в ассирийских источниках выступают несколько царств—«Тиль-Барсип», Унки/Паттин и Хамат, территория которых, судя по вышеупомянутым надписям, раньше могла принадлежать Каргамису. Надписи из «Тиль-Барсипа» как будто подтверждают это предположение.

Весьма важно упоминание имени Асту-[...]-манцас в самой древней надписи из Гургума в качестве первого засвидетельствованного царя этого царства. Если Асту-[...]-манцас и каргамисский Астуватаманцас одно и то же лицо, то невольно напрашивается вывод о том, что и Гургум в X в. до н. э. составлял часть Каргамиса.

Анализ титулатуры каргамисских царей и изучение палеографии надписей позволяет выдвинуть предположение о том, что в первой половине X в. до н. э. в Каргамисе произошли какие-то перемены в политической жизни, скорее всего смена одной династии другой, отразившиеся на некоторых сторонах социально-политического и культурного уклада общества.

Анализ внешних характеристик неороглифических надписей из Северной Сирии X—IX вв. до н. э. позволяет заключить, что здесь представлена одна «школа», а именно каргамисская: знаки надписей из Куммуха, Гургума, Унки/Паттина, «Тиль-Барсипа» и Хамата схожи с каргамисскими¹⁰⁹. Культурное влияние Каргамиса могло явиться следствием его политического лидерства.

Включение города Тиль-Барсип ассирийских источников (на восточном берегу Евфрата, в 20 км южнее Каргамис-Джераблуса) в область распространения лувийских царств обусловлено наличием группы иероглифических надписей, обнаруженных на территории совр. сирийского города Эт-Телль-эль Ахмар. Район этого города с середины XIV в. до н. э., вероятно, входил в состав владений царей Каргамиса¹¹⁰. После гибели Хеттского государства, уже с конца XI в. до н. э., в период правления ассирийского царя Ашшур-раби II (1012—972 гг. до н. э.), в этом районе зарегистрированы арамейские племена¹¹¹. Начиная с 899 г. до н. э. в указанном районе упоминается арамейское царство Бит-Адини¹¹². Еще через 40 лет Бит-Адини фигурирует в ассирийских источниках в качестве одного из основных врагов Ассирии в Северной Сирии. В анналах Ашшурнацирапала II¹¹³ и Салманасара III¹¹⁴ Ахуни, царь Бит-Адини, ведет непрерывные войны против Ассирии. Салманасару III с большим трудом удается разбить войска Ахуни и его союзников, в результате чего был захвачен укрепленный город (столица?) Бит-Адини—Тиль-Барсип и переименован в Кар-Шульмануашаред¹¹⁵, который отныне становился форпостом ассирийцев на Евфрате против остальных северосирийских царств.

Обнаруженные здесь ИЛ надписи натолкнули исследователей на мысль, что в какой-то исторический отрезок времени, вероятнее всего до захвата города ассирийцами, Тиль-Барсип являлся лувийским царством или, во всяком случае, принадлежал какому-то из известных северосирийских царств¹¹⁶. На основе анализа археологических памятников и самих надписей недавно было предложено приблизительное правление «иероглифических» правителей Тиль-Барсипа— X в. до н. э., т. е. до упоминания Ахуни, арамейского царя Бит-Адини¹¹⁷.

По сей день обнаружено пять надписей, причем три из них дошли до нас во фрагментарном виде¹¹⁸. Две большие надписи— *Tell Ahmar I* и II¹¹⁹, содержат интересные исторические сведения, изучение которых дает определенное представление о довольно

значительном отрезке времени (чуть меньше одного столетия). В этом отношении характерна *Tell Ahmar I*, составленная, вероятно, в самом конце этого периода, т. е. примерно в конце X в. до н. э.¹²⁰.

К сожалению, не сохранилось имя составителя надписи; стерто также название принадлежавшего ему царства, хотя в надписи *Tell Ahmar III*, 1—2, возможно, содержалось название этого царства¹²¹. Но здесь сохранилась полная генеалогия царя—составителя надписи: «[...] (эпитет) царь страны¹²², правнук Хапатиласа¹²³, сын Iarwanis-? Арняхиныса» (1). Вслед за вступлением царь перечисляет богов, помогавших ему при восшествии на трон¹²⁴.

Дальше в надписи говорится о предках царя. Повествование довольно объемистое, что и побудило ученых отнести надпись к числу «автобиографических». Правда, в надписи слишком много повреждений, однако общий смысл ясен благодаря кропотливой реконструкции Д. Хокниса¹²⁵.

Царь сообщает: «Когда мой дед был царем (7), он был владыкой своего иратит-¹²⁶ (8), он правил на западе и на востоке (9), но когда он умер в стране Ана (10), мой отец, так как его 20-tatis¹²⁷ презирали(?) его как ребенка (11), он взял свою власть силой» (12). Предложения 11—12 весьма труднодоступны: здесь с первого взгляда как будто напрашивается следующая интерпретация: после смерти деда, воспользовавшись несовершеннолетием его сына, какие-то люди восстали против него, но он силой возвратил свою законную власть. Но, как становится ясным из текста и второй надписи—*Tell Ahmar II*, отец царя—Арняхиныс, был насильно лишен власти после своего отца.

Вот что сообщается далее: «После этого его сын Хамниятас появился(?) (13), он [...]—л меня моего деда силой (14)¹²⁸, меня он сделал господином своего дома (15), и меня он сделал (более) высоким, чем свои братья (16), все смотрели на мое лицо (т. е. «подчинялись мне».—А. К.) (17).

Соединив обе части текста, получим вполне понятную историю междоусобной борьбы: после захвата власти у малолетнего сына умершего царя страной правил узурпатор, а позже царем стал его сын—Хамниятас, который, не желая продолжать политику отца или

руководствуясь какими-то другими соображениями, посадил на престол или наделил определенной властью сына инспровергнутого Арияхиаса.

После смерти Хамиятаса началась междоусобица, затеянная его сыном: «Но когда он (т. е. Хамиятас.—А. К.) умер (18), его сын сотворил зло для меня (19), и он замыслил вред для моих владений (20), но я [поднял] вверх (мой) руки к этому небесному Тархунтасу (21), ему эти слова [я сказал]» (22).

Далее в надписи имеется значительное повреждение, но по сохранившейся концовке текста можно предположить, что эта часть текста представляла собой довольно длинное воззвание к Тархунтасу с просьбой поддержать его в войне с сыном Хамиятаса.

Что война закончилась победой сына Арияхиаса, не вызывает сомнений, так как в самом конце надписи он говорит: «Этот небесный Тархунтас услышал меня (25), мне он моего врага отдал (26), (его) голову (я) разрушил (т. е. «снес».—А. К.) (27), и его сына [своим ...] (28) и его дочь неродулой(?)¹²⁹ я сделал» (29).

Вторая надпись—*Tell Ahmar II*, по характеру строительно-посвятительная и относится ко времени правления Хамиятаса, упомянутого в предыдущей надписи. К сожалению, надпись сильно повреждена, и без сличения с оригиналом пока трудна для понимания. И все же из нее можно вычерпать очень интересные сведения.

Вступление надписи гласит: «Я, Хамиятас, сын Масуваранцаса¹³⁰, царь страны, слуга бога Тархунтаса». Значит, имя узурпатора, отобравшего власть у Арияхиаса—Масуваранцас.

Дальше в надписи говорится о добром расположении богов к Хамиятасу и о возведении сооружений, посвященных богам. В связи с этим Хамиятас упоминает страну Ананта, которая, вероятно, идентична со страной Ана предыдущей надписи, где умер дед составителя *Tell Ahmar I*.

Вся вторая часть надписи представляет собой пространную формулу проклятия, где Хамиятас предупреждает, чтобы никто не осмелился сотворить зло по отношению к его имени и к его сыновьям, братьям и дочерям не причинил зла.

В трех фрагментарных надписях из «Тиль-Барсипа» очень трудно почерпнуть сколько-нибудь интересные сведения. Здесь сохранились только бессвязные фрагменты, которые, видимо, представляют собой формулы проклятия. Лишь в *Tell Ahmar III*, возможно, упоминается название страны/города Тиль-Барсип (см. выше. прим. 121).

В связи с изучением надписей «Тиль-Барсипа» особый интерес представляет надпись, обнаруженная в Алеппо или поблизости от него—*Aleppo II*¹³¹. Здесь упоминается некий Арпас, называющий себя братом Хамиятаса. Если верно предположение о том, что эти два Хамиятаса, фигурирующие в *Tell Ahmar I, II* и в *Aleppo II*, идентичны¹³², то тем самым открывается возможность для некоторых важных предположений.

Aleppo II—посвятительная надпись и, к сожалению, в ней не содержится сколько-нибудь интересной информации. Здесь важно другое. По всей видимости, Арпас правил одновременно с Хамиятасом, так как в надписи как будто говорится о здравствующем Хамиятасе¹³³.

Сравнение данных, содержащихся в *Tell Ahmar I, II* и *Aleppo II*, может существенным образом повлиять на решение проблемы идентификации страны, несколько правителей которой упомянуты в этих трех надписях.

Если принять 900 г. до н. э. \pm за крайнюю дату составления *Tell Ahmar I*, то можно вычислить приблизительное время правления этих царей.

Так, первым царем «Тиль-Барсипа», засвидетельствованным источниками, был Хапатилас, и если не считать его внука—Арияхи-ласа, так как он вряд ли мог править, это значит, что после Хапатиласа царствовал только один царь его династии—дед составителя *Tell Ahmar I*, после чего власть захватила династия узурпатора. После узурпатора правил Хамиятас. Возможно, что *Tell Ahmar I* была составлена не в конце правления последнего, а раньше; стиль изложения и данные надписи скорее говорят о том, что она была высечена сразу после победы над врагом, т. е. со дня смерти Хамиятаса до составления надписи могло пройти не очень много времени, хотя это и необязательно. Итак, получается доволь-

но значительный отрезок времени, расчлененный на правление четырех царей, т. е. около 70—80 лет, но не целое столетие, как считает Д. Хокинс¹³⁴. Это значит, что Хапатилас мог править примерно в 80—60-х годах X в. до н. э., а захват власти Масуваранцасом можно датировать серединой века или еще более поздним временем.

Изучение *Aleppo II* подводит нас к мысли, что царство упомянутых двух династий не ограничивалось только городом Тиль-Барсип и близлежащими землями, а могло охватить и районы, находившиеся далеко на западном берегу Евфрата (район Алеппо, откуда надпись Арпаса). Правда, в специальной литературе принято считать, что через некоторое время после гибели Хеттского государства город Алеппо попал под власть семитского царства Бит-Агуси/Яхан¹³⁵. Однако нам кажется, что мы располагаем достаточно вескими аргументами.

Во-первых, упоминание Хамиятаса в *Tell Ahmar I, II* и в *Aleppo II*; вряд ли два брата могли править в отдельных царствах. Скорее всего Тиль-Барсип и Алеппо являлись частями одного царства, во всяком случае до конца правления Хамиятаса, причем столицей мог являться именно Тиль-Барсип, так как Арпас носит весьма скромный титул «любимый слуга Тархунтаса», (*Aleppo II, I*).

Во-вторых, в одной из каргамисских надписей времен царя Катуваса (*A 11a*) упоминаются какие-то люди («потомки Уратархунтаса»), которые восстали против Катуваса (скорее всего в начале его правления) и на какое-то время захватили власть в Каргамисе, но потом Катувасу удалось взять верх над ними. Было высказано мнение о том, что в каргамисской надписи и в *Tell Ahmar I* сообщается об одном и том же событии, происшедшем в Каргамисе в период Катуваса¹³⁶. Следует отметить, что в хронологическом плане дату этого события можно легко согласовать с данными *Tell Ahmar I*. Если оно имело место в начале правления Катуваса, что вполне вероятно, то узурпация власти в «Тиль-Барсипе» могла произойти примерно в 30-х годах X в. до н. э.

В третьих, палеографически надписи *Tell Ahmar I, II* и *Alep-ро II* почти идентичны и имеют прямые параллели с каргамисскими надписями периода Сухиса II и Катуваса¹³⁷.

Итак, к каким выводам можно прийти на основании вышеизложенного? Нам представляется вероятным следующая трактовка событий в «Тиль-Барсипе». После захвата власти неким Масуваранцасом в 40—30-х годах X в. до н. э. в «Тиль-Барсипе» устанавливается власть новой династии. Вслед за Масуваранцасом царем становится его сын Хамиятас, в то же время другой сын Масуваранцаса—Арпас, правит в Алеппо, возможно, в качестве подвластного Хамиятасу правителя. В этот период город Алеппо должен был входить в состав царства, столицей которого был Тиль-Барсип. По неизвестным причинам Хамиятас завещает трон не своему сыну или брату, а сыну смещенного его отцом Арияхи-наса, т. е. законному наследнику. Вполне возможно, что сын Арияхи-наса получил от Хамиятаса не все царство, а только его часть, а именно город Тиль-Барсип, а сын Хамиятаса правил в другой части. Начавшаяся после этого война между сыном Хамиятаса и сыном Арияхи-наса заканчивается победой последнего.

Какое отношение мог иметь Каргамис к этим событиям, если Катувас и сын Арияхи-наса действительно описывают одно и то же событие? Вывод может быть один: Катувас и сын Арияхи-наса могли принадлежать к одной династии, а узурпаторы из «Тиль-Барсипа» и «потомки Уратархунтаса»—к другой. Может ли это означать, что до 40—30-х годов X в. до н. э. Тиль-Барсип и Алеппо входили в состав Каргамиса? На это можно ответить более или менее определенно только после обнаружения дополнительных письменных свидетельств. Во всяком случае, такая трактовка вопроса не лишена основания, особенно если учесть, что вплоть до Ашшурнацирапала II в ассирийских источниках к западу от Евфрата не упоминаются известные нам из более поздних источников другие лувийские царства, кроме Каргамиса. Материалы надписи царя Каргамиса Сухиса II (*A 1a*), возможно, говорят о том, что в середине X в. до н. э. город Алеппо мог входить в состав Каргамиса¹³⁸. Не исключено, что несмотря на возвращение

Катувасом своей власти, определенная территория, принадлежавшая ранее Каргамису, все же была им потеряна, и продолжала оставаться под опекой «потомков Уратархунтаса», т. е. династии узурпатора царской власти в «Тиль-Барсипе».

ХАМАТ

Территория лувийского царства Хамат (с центром на месте совр. сирийского города Хама) в XIV—XIII вв. до н. э. являлась ареной хетто-египетских войн, однако, как ни странно, сам город не упоминается в письменных источниках II тыс. до н. э. Первое упоминание царства Хамат в I тыс. до н. э. относится к правлению Салманасара III, когда в 853 г. до н. э. этот царь напал на Хамат с севера (из Алеппо) и захватил «царские города» Ирхулени хаматского—Аденну, Парка и Аргана, но в битве при Каркаре с объединенными войсками Хамата, Дамаска и их многочисленных союзников, вероятно, потерпел поражение¹³⁹. Чуть позже Салманасар III снова напал на Хамат, но опять без успеха¹⁴⁰.

Похоже, что во второй половине IX в. до н. э. на смену лувийской династии Хамата приходит семитская, так как иероглифические царские надписи Хамата охватывают всего лишь небольшой отрезок времени (первая половина IX в. до н. э.). В дальнейшем ассирийские источники упоминают царей Хамата со специфическими семитскими именами¹⁴¹.

В настоящее время обнаружено около десятка в основном коротких посвячительных ИЛ надписей в городе Хама и близлежащих районах¹⁴². Вследствие плохой сохранности и трафаретности надписи передают довольно скудную и отрывочную информацию.

Три надписи—*Restan Qat' at el-Mudiq, Hamath IV* (первые две—дубликаты)¹⁴³, относятся к эпохе Салманасара III. Они составлены царем Хамата Ур(а)хилинасом (Ирхулени ассирийских источников). В первых двух содержится генеалогия Ур(а)хилинаса, а также говорится об основании города: «Я, Ур(а)хилинас¹⁴⁴, сын SAG-tas-a¹⁴⁵, царь Хамата (1), и этот город я построил (2), эту стелу (богине) Пах(а)латис я воздвиг» (3).

Hamath IV представляет собой довольно пространное посвящение богине Пах(а)латис (иероглифическая форма имени се-

митской богини Ба лат, для статуи которой царь соорудил постамент и учредил жертвоприношения.

Еще три надписи— *Hamath III B, IV A, IV B*¹⁴⁶, относятся ко времени правления сына Ур(а)хилинаса—Уратамиса (или Уратамис). Все три надписи почти идентичны по содержанию и сообщают о строительной деятельности этого царя: «Я, Уратамис, сын Ур(а)хилинаса, царь Хамата (1), и я построил эти крепости (2), в речной стране Хурпанта¹⁴⁷ я сделал (3), в речной стране Лака¹⁴⁸ я сделал (4), в речной стране Мусаниппа¹⁴⁹ я сделал» (5). Далее упоминаются город Алеппо (*III B*) и страна Никимас¹⁵⁰ (*IV A*).

В *Hines*¹⁵¹ сохранилась лишь вступительная часть: «[...]а сын, царь Хамата». К сожалению, повреждение не позволяет узнать имя составителя¹⁵².

Кроме царских надписей, на территории Хамата обнаружены две надписи—*Meharde* и *Sheizar*¹⁵³, составленные локальными правителями; обе надписи посвятительные.

В *Sheizar* составитель—некая Купанияс, жена или мать¹⁵⁴ «Тантаса, героя страны Ватасатини»¹⁵⁵ (1), по словам которой она прожила сто лет. Изучение текста показывает, что надпись была высечена после ее смерти. Вторая надпись составлена самим Тантасом. Несмотря на кажущиеся архаизмы в выполнении знаков, считается, что обе надписи составлены в IX в. до н. э.¹⁵⁶

КУММУХ

Лувийское царство Куммух (=античн. Коммагена) находилось в районе изгиба Евфрата, в западной части совр. Урфийского плато. С севера оно граничило с Мелидэм, с запада—с Гургумом и Сам'алем, а с юга—с Каргамисом. Выгодным географическим положением Куммуха на пути из Месопотамии в Киликию и Малую Азию объяснялись попытки Ассирии взять под свой контроль Куммух, начиная еще с первой половины IX в. до н. э. К тому же на территории Куммуха находились богатые железные рудники, притягивавшие ассирийцев.

Первый засвидетельствованный источниками поход ассирийцев на Куммух относится к эпохе Салманасара III, хотя в 866 г. до н. э. Ашшурнацирпал II сообщает о получении дани от царя Куммуха Катацили¹⁵⁷. В ассирийских текстах периода Салмана-

царя III Куммух трижды (в 858, 857 и 853 гг. до н. э.) упоминается в качестве данника Ассирии¹⁵⁸. При правлении урартского царя Сардури II Куммух появляется в источниках в связи с походом этого царя на Куммух, после чего его царь Кушташпили становится данником Урарту¹⁵⁹. В 743 г. до н. э. в битве при Киштане и Халпи (на территории Куммуха) антиассирийская коалиция была разбита, и Куммух снова попал под опеку Ассирии¹⁶⁰.

В период правления Саргона II Куммух сначала примыкает к Ассирии, вследствие чего в 712 г. до н. э., после покорения Мелиды Саргон II передает его царский город Мелид Куммуху¹⁶¹, но вскоре последний царь Куммуха Муталлу заключает союз с Аргишти II, царем Урарту, после чего в 708 г. до н. э. Куммух был захвачен и превращен в ассирийскую провинцию¹⁶².

В настоящее время в нашем распоряжении находится ограниченное количество иероглифических надписей с территории Куммуха, в силу чего изучение истории этого царства основывается исключительно на клинописных источниках. По сей день обнаружено всего семь надписей, часть из них во фрагментарном виде¹⁶³, так что нижеприводимый материал может быть включен в сферу научных изысканий лишь после обнаружения новых, более содержательных надписей.

Пожалуй, только две надписи—*Samsat I, II*¹⁶⁴, являются царскими¹⁶⁵. Первая из них, судя по пошибу, составлена раньше других—примерно в первой половине IX в. до н. э.¹⁶⁶, к сожалению, она сильно повреждена. Это—посвятительная надпись, где фигурирует частично сохранившееся название какого-то города—*Ni-[...]wanita*^{URU} (A 9), а также имя бога—^d*Sa-327- [...]* (там же).

Маленький фрагмент *Samsat II*, вероятно, составленный в это же время или чуть позже, содержит название страны (или народа) *Mukisa* (n) ^{KUR} *za*, но, к сожалению, повреждение не позволяет определить в связи с чем она упомянута¹⁶⁷.

Самыми пространственными и хорошо сохранившимися надписями из Куммуха являются *Boybeurinari I—II* и *III—IV*¹⁶⁸. Это две

посвященные надписи, составленные женой какого-то правителя, вероятно, женой Куммухского царя.

В обеих надписях содержится упоминание нескольких лиц, связанных родственными или подданныческими узами, и изучение характера их взаимоотношений может пролить свет на определение статуса составителя наших надписей.

В первой надписи сообщается: «Этот трон и этот стол (жертвенный.—А. К.) я, Панамуватис, жена Суппилулиумаса¹⁶⁹, поставила (1), кто (есть/был?) «речным господином»¹⁷⁰ города Сукита (2), для его жертвоприношений(?) я поставила (3), (которые) Ацамис, слуга tarwanis-а Суппилулиумаса, принес» (4). Во второй надписи говорится: «Эту ata¹⁷¹ Кубабу я, Панамуватис, жена tarwanis-а Суппилулиумаса, мать Хаттусилиса, посадила (1), мой господин¹⁷² Суппилулиумас город/землю Хупитатата [...] (2), и этот трон и этот стол мой отец Ацамис, любимый богами, Солнцем освещенный(?), «речной господин» городов Х-та и Сукита, принес (6), и мой господин Суппилулиумас в этот город Хупитатан¹⁷³ sakatalis(a)-¹⁷⁴ (8) [...] или соскревет имя моего сына Хаттусилиса (18), или соскревет имя моего отца Ацамиса» (19).

Из приведенных отрывков можно сделать следующий вывод: Панамуватис являлась дочерью подвластного tarwanis-у Суппилулиумасу правителя—Ацамиса. Она была замужем за Суппилулиумасом, и у них был сын—Хаттусилис¹⁷⁵.

К сожалению, обе надписи не содержат никакой другой информации, кроме упоминания двух городов—Сукита и Х-та, принадлежавших отцу Панамуватис, и города/страны Хупитатата. Исходя из вышеприведенного сообщения Панамуватис о том, что именно ее отец Ацамис помог соорудить постамент для статуи Кубабы, можно предположить, что эти города могли находиться близко от места находки наших надписей¹⁷⁶.

Отнесение этих надписей к концу IX в. до н. э. по палеографическим и стилистическим соображениям¹⁷⁷ можно принимать лишь после того, как будет доказана справедливость чтения имени мужа Панамуватис—Суппилулиумаса¹⁷⁸, а также после обнаружения новых надписей, содержащих более надежные исторические сведения.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКО-ЛУВИЙСКАЯ ТОПОНИМИКА И ОНОМАСТИКА ТОПОНИМЫ

В ИЛ надписях всех лувийских царств в настоящее время зарегистрировано больше ста топонимов разного характера—названия стран, городов и мелких поселений (последние также переданы с детерминативом «город»), гор и рек. К сожалению, и этот относительно небольшой материал далеко не полностью находится в распоряжении ученых. Почти треть из числа дошедших до нас топонимов по разным причинам (дефектность, наличие неинтерпретированных знаков в написании) пока еще мало доступны для изучения.

Следует отметить также, что из списка топонимов с установленным чтением (около 80) только меньше половины засвидетельствованы в хеттских, ассирийских и урартских клинописных текстах и античных источниках. Большая же часть топонимов—почти исключительно в единичном употреблении—известны только из ИЛ надписей, которые в дальнейшем, после обнаружения нового материала, могут способствовать изучению топонимики региона.

Прежде чем приступить к анализу типов ИЛ топонимов, мы хотим остановиться на ряде характерных черт, без учета которых будет весьма трудно оперировать этим материалом. Мы имеем в виду проблему локализации топонимов, которая очень часто сталкивается с серьезными препятствиями. Как было отмечено в первой главе, малоазийская эпиграфика не располагает царскими анналами или обширными текстами исторического характера,

известными из клинописных архивов Хеттского государства, Ассирии и Урарту. Описывая свою деятельность в области внешней и внутренней политики, лувийские правители, как правило, не указывают маршруты походов; страны, города, горы и реки в надписях фигурируют без конкретной историко-географической привязки. Те же топонимы, местонахождение которых известно, локализуются в основном с помощью хеттских или ассирийских текстов.

Существует также немало трудностей при определении фонетического облика топонимов. Здесь ограничимся одним из них. В ИЛ письме, как правило, перед дентальным *t* и сибилянтом *z* (действительный характер последнего пока еще точно не установлен) носовая фонема *n* не передается. Это ставит исследователя в затруднительное положение в выборе между двумя альтернативами. Например, *l-sa-tara/l*^{URU} (-*ra/i*—окончание дат./отлож. пад.) — *Isata*^{URU} или *Isanta*^{URU} (форма с суффиксом -*nt*-). Во всех случаях, если контекст не дает возможности ориентироваться в конкретной ситуации, мы трактуем изучаемые топонимы как формы на -*pz*- или -*nt*-, т. е. предполагаем существование назальной фонемы. Насколько оправдан такой подход, покажут дальнейшие исследования в области хетто-лувийских языков и топонимики региона.

Ниже приводим все зарегистрированные в настоящее время типы ИЛ топонимов. Примеры по каждому типу приводятся в ограниченном количестве, выборочно:

I тип: без суффиксации, т. н. «нулевой тип».

1) *Alawara/i: A-la-wa/i-ā +ra/i-ti* (-*hawamu*)^{URU} (дат. п.) (*Assur A, 3*)—«город Алавара/и»².

2) *Aluwana: A-lu-wa/i-na-li*^{URU} (дат. п.) (*Kululu*, полоска 1, лиц. ст. 3)—«город Алувана» (город или мелкое поселение в районе совр. города Кайсери).

3) *Harhar: Ha +ra/i-ha +ra/i-na* (вин. п.) (*Hisarcik II, 1*; еще несколько раз в табальских надписях в других формах)—«гора Хархар»³.

4) *Kamana: Ka-ma-na-na*^{URU} (вин. п.) (*Cekke, B, 1*)—«город Камана»⁴ (в Каргамисе).

5) Karkamls: Kara/i-ka-mi-sà^{URU} (им. п., однако в функции вин. п.) (А 15b, 1; еще более тридцати раз в надписях Каргамиса, Мелида, Табала и на свинцовых табличках из Ашшура в разных формах)—«город/страна Каргамис».

6) Kurkum: Ku+ra/i-ku-ma-na^{URU} (вин. п.) (Maraş VIII, еще трижды в гургумских надписях в других формах)—«город/страна Гургум».

7) Paziha: Pa-zì-ha^{URU} (вин. п.) (А 25a, А 1)—«город Паз; циха»⁴⁵ (местонахождение неясно).

II тип: суффиксированные топонимы. Имеются две разные категории суффиксов— а) топонимические, которые, прикрепляясь к топооснове, образуют топонимы (-nt-, -nza, -wa, -ya) и б) суффиксы принадлежности -a/iza/i-, -wana/i-)⁶, с помощью которых топоним превращается в категорию определения⁷.

а) с топонимическими суффиксами

1) Huhura/Inta: Hu-hu+ra/i-tà-ti^{URU} (отлож.п.) (Cekke, B 9)—«город Хухура/и(н)та» (локализация неясна; где-то в Каргамисе).

2) Parzunta: Pa+ra/i-zu?-tà^{URU} (им. п.) (Topada, А 1; еще несколько раз в той же надписи в разных формах)—«город (и страна?) Парцу (н) та» (=клин. Пар(а)суханда/Пурусханда?)⁸.

3) Piyanita: Pi-ia-tà-na^{URU} (вин. п.) (Karatepe, LXXIII)—«город Пиянта» (локализация неясна).

4) Sara/imunta: Sa⁵+ra/i-mu-tara/i^{URU} (отлож. п.) (Cekke, B 8)—«город Сара/имунта (локализация неясна).

5) Ahatikukura: A-ha-ti-ku-ku+ra/i-za^{URU} (лат. п.) (Kululu, пол. 2. об. ст. 2)—«город Ахатикукура» (город или мелкое поселение в районе совр. города Кайсери).

6) Musa: Mu-sá-za^{URU} (им. п.) (А 6,3)—«город (или страна) Муса»⁹.

7) Tiwarali: [Ti]-wa/i + ra/i-li-ia-sa-á^{URU} (род. п.) (*Kululu*, пол. 1, лиц. ст. 1), Ti-wa/i + ra/i-li-[ia]^{URU} (*Kululu*, пол. 2, об. ст. 1)—«город Тиварали» (город или мелкое поселение в районе совр. города Кайсери).

8) Zanuhunza: Zá-pu-hu-za-ti^{URU} (отлож. п.) (*Cekke*, В 3)—«город Цанухунца» (локализация неясна; где-то в Каргамисе).

9) Atanawa: Á-tana-wa/i-sa^{URU} (им. п.) (*Karatepe*, XXXVII; еще несколько раз в той же надписи в разных формах)—«город Адана(ва)*» (=хетт. ^{URU} Adaniša, совр. Адана в равнинной Киликии).

10) Haruwa: Ha-ru-wa/i-ti^{URU} (дат. п.) (*Kululu*, пол. 1, лиц. ст. 3)—«город Харува» (город или мелкое поселение в районе совр. города Кайсери).

11) 428 -(n)tawa: 423-tá-wa/i^{URU} (им. п.) (*Izgin*, 5; еще трижды в надписях из Табала и Каргамиса)—«город 428-(н)тава» (локализация неясна).

12) Arusali: Á-ru-sa-li-ya^{URU} (им. п.) (*Kululu*, пол. 2, об. ст. 2)—«город Арусалия» (город или мелкое поселение в районе совр. города Кайсери).

13) Azatiwataya: LITUUS + á-za-ti-wa/i-tá-la-na^{URU} (вин. п.) (*Karatepe*, XXXIX)—«город Ацативатая» (город на месте совр. поселения Каратепе, откуда билингва *Karatepe*).

14) Kurupiya:) ²³⁷ (Ku-rú-pi-ia + ra/i^{URU} (отлож. п.) (*Karatepe*, LXXII)—город Курупия»¹⁰.

б) с суффиксами принадлежности:

1) Arpu(n)ta-wani:-²⁰⁷ Á + ra/i-pu-tá-wa/i-ni-sá(-ha) (им. п.) (*A 11c*, 3)—«гора Арпу(н)та-wani-» («арпу(н)тский» — один из территориальных эпитетов бога Тархунтаса).

2) Asur(a)-wani-: $\dot{A} + s\dot{u} + ra/i^{KUR} -wa/i-na-ti^{URU}$ (дат. п.) (A 15 b, 4; еще трижды в A 24 в других формах)—„город/страна Ассур-wani-“ („ассирийский“)¹¹.

3) Imat (u)-wani-: I ma-tu/tú-wa/i-ni^{KUR/URU} (им. п.) (*Restan/Aramea*, I; еще несколько раз в хаматских надписях)—„Хамат-wani-“ („хаматский“).

4) Mutiya-wani-: Mu-ti-ia-wa/i-ni-zi (им. п. мн. ч.) (*Bolkarmaden*, 5)—„гора Мути-waninzi“ („мутийские“—эпитет богов, местом почитания которых была гора Мути).

5) Tuwana-wani-: Tu-wa/i-na-wa/i-ni-sa^{URU} (им. п.) (*Bor*, I)—„Тувана-wani-“ („туванский“).

6) Ilap-azi-: I-la-pa-zi-na^{URU} (вин. п.) (A 24, *фрагм. 2,4*; еще трижды в A 24, *Maraş IV* и *Hamath III B, IV A, B*)—„город Илап (=Алеппо)-azi-“ („илапский“—один из территориальных эпитетов бога Тархунтаса).

7) Kawa-aza-: Ka-wa/i-za-na^{URU} (вин. п.) (A 11b, 3)—„город страна Кава (=Куэ)-aza-“ („кавейский“).

8) Sukita-aza-: Sú-ki-ta⁴-za (-ha)^{URU} (*Boybeyrınarı I—II, B 1—C 1*) „город Сукита-aza“ („сукитский“),

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

В ИЛ надписях послехеттского периода содержится больше двухсот личных имен, в основном сохранившихся полностью. Этого материала вполне достаточно, чтобы определить основные принципы построения ономастики. Даже при самом поверхностном анализе становится ясным, что язык нероглифических надписей имел в своем распоряжении разнообразные средства образования личных имен. В лувийском ономастическом фонде представлены как имена т. н. «первичного» (или «примитивного») характера, так и имена составные, с применением целого ряда хетто-лувийских, а также других идентифицированных или неясных ономастических формантов. Еще одно обстоятельство следует

отметить в связи с общей оценкой изучаемого материала—это заметное превосходство собственно хетто-лувийских имен среди идентифицированных. Более конкретный вывод о процентном соотношении хетто-лувийской ономастики к общему числу имен пока излишен, так как до сих пор остается еще определенное количество неинтерпретированных имен. В надписях представлено весьма ограниченное число имен, которые можно отнести к словарному фонду других языков (хаттскому, хурритскому, семитским), причем вполне возможно, что часть носителей этих имен также могли быть хетто-лувийцами.

Несколько слов о сложностях, существующих при изучении ИЛ ономастики.

Во-первых, некоторые имена в письме переданы частично идеографически, или же в их написании присутствуют неинтерпретированные знаки. Например, EN-UTU-wa/i + ra/i-sá (*Cekke, A 1-2*). Вторая идеограмма (UTU «Солнце») в этом имени имеет слоговое значение ti, т. е. здесь, возможно, представлено сложное имя, где вторым компонентом является Tiwaḡ (ротацированная форма от Tiwaṭ «Солнце, бог Солнца»); однако EN пока еще не интерпретирован.

Во-вторых, некоторые основные слоговые знаки типа «согласный+гласный» (СГ) варьируют своими гласными элементами¹² (например, wa/i, ra/i, lá/i/u), что часто создает дополнительные трудности при установлении точного фонетического облика имен, особенно в тех случаях, когда все имя или его часть (если это составное имя) не этимологизируется. Например, Pa-lá/i/u-za (или zi)-i (-ha) (*Kululu, пол. 2, об. ст. 1*). Здесь с одинаковым успехом можно прочесть Pa-la(n)zas, Pa-li(n)zas или же Pa-lu(n)zas (суффиксированное имя на -a(n)za- или -i(n)za-).

После этого необходимого вступления представляем все основные типы ИЛ личных имен. Мы приводим несколько примеров по каждому из них¹³, ограничиваясь наиболее характерными примерами. Недостаточная интерпретация определенной части словарного фонда ИЛ языка затрудняет выявление и разграничение типов среди некоторых имен.

I тип: «первичные» (илл. «примитивные»)¹⁴

а) односложные, часто с расширением основы на -а- (конечный -s является окончанием им. п. е. ч.).

1) Has: ^mHa-la (дат. п.) (*Kululu*, пол. 1, об. ст. 3).— „Хас“.

2) Las: La-sá (им. п.) (*Kürtül*, 1), ^mLa-ia (дат. пад.) (*Kululu*, пол. 1, лиц. ст. 2, об. ст. 3).— „Лас“.

3) Kuwas: ^mKu-wa/i-ia (дат. п.) (*Kululu*, пол. 1, лиц. ст. 3).— „Куvas“.

4) Niyas: Ni-la-sa (им. п.), Ni-la-sa/sâ-na (дат. п. на -an) (*Karaburun*, несколько раз), ^mNi-ia (дат. п.) (*Kululu*, пол. 1, 2).— „Нияс“.

5) Nus: ^mNú-ia (дат. п.) (*Kululu*, пол. 1, лиц. ст. 2, 3).— „Нус“.

б) редупликация имен первого пункта; судя по имеющимся примерам, редупликация была полной:

1) Kakas: Ka-ka-la (дат. п.) (*Assur c*, 1).— „Какас“.

2) Kukuwas: ^mKu-ku-wa/i-ia (дат. п.) (*Kululu*, пол. 1, лиц. ст. 2); также несколько раз в разных формах в той же надписи —с расширением.—«Кукуvas».

3) Lalawas: ^mLa-lá/i/u-wa/i-sá-na (дат. п. на -an) (*Kululu*, пол. 1, лиц. ст. 3) —с расширением.—«Лалаvas».

4) Nupuz: ^mNú-nú-ia (дат. п.) (*Kululu*, пол. 1, лиц. ст. 1, 3; пол. 2, лиц. ст. 1, 2).— „Нуvус“.

5) Taras: 82+ra/i-sa (им. п.) (*Izgin*, 1; *Malatya I*, 1—в той же форме, но в род. п.) —с ротацизмом от Talas.—«Тарас».

Г тип: имена от нарицательных слов, без суффиксации¹⁵:

1) At(a)las: DUMU-la-sa (род. п.) (*Eg'riköy*, В 2)—лув. at(a)-laš „брат“.—„Ат(а)лас“.

2) Hasus: ^mHa-šu-ia (дат. п.) (*Kululu*, пол. 1, об. ст. 3).—хетт. ḫaššuš „царь“¹⁶.—„Хасус“.

3) Laparnas: ^mLa-ra+ra/i-na-ia (дат. п.) (*Cekke*, В 3)—хетт. ṭ/labarna „царь; титул хеттских царей“ (из хаттского).—„Лапарнас“.

4) *Mas(a)nls: ^mDINGIR-ni-l-sá (им. п.) (*Karatepe, LXXIII*; также в *A 17 b, 1* и в *Kululu, пол. 1, об. ст. 3*—в других формах)—лув. maš(ša)niš „бог”¹⁷.—„Мас(а)нис”.

5) Muwas: ^mMu-wa/i-sâ-na (дат. п. на -an) (*A 4a, 2; Kululu, пол. 1, лиц. ст. 3*)—хетт./лув. muwa-¹⁸.—„Муvas”.

Здесь же следует перечислить имена с неясной этимологией:

1) Azinis: ^mÁ-zl-nl-sá (род. п.) (*Körkün, A 1*; дважды в *Ma-gaš II* в других формах).—„Ацинис”.

2) Hanis: ^mHa-nl-sa-na (дат. п. на -an) (*Kululu, пол. 1, лиц. ст. 2, об. ст. 3*).—„Ханис”.

3) Suhls: ^mSu-hl-i-sa (им. п.) (*A 14a, 1*; также несколько раз в каргамисских надписях в других формах).—„Сухис”.

4) Uwawas: U-wa/i-wa/i-sa (им. п.) (*Ekinveren, 1*).—„Увава”.
Есть также ограниченное количество имен богов, употребленных как личные имена без суффиксации¹⁹:

1) Yarris: ^mI-ia+ra/i-sâ-sa-na (дат. п.) (*Kululu, пол. 1, лиц. ст. 3*)—„бог Ярри”.—„Яррис”.

2) Runtiyas, Ru(wa)ntis²⁰: RUWA-ti-la-sa (им. п.) (*Babylon II*, также в *Gürün, B 1; Topada, A 2; Kululu, пол. 1, об. ст. 1* в разных формах)—имя бога-покровителя животного мира.—„Ру-нтияс, Ру(ва)нтис”.

3) Tarhunzas: TRH-hu-zâ-sâ(-ha) (им. п.) (*Cekke, B 7*)—бог Тархунт/цас (верховный бог лувийцев).—„Тархунцас”.

III тип: суффиксированные имена. Эта категория имен образуется с помощью ряда суффиксов -ali-, -hi-, -mi-, -nt>nz-, -lala/i-, -ti- и ономастических элементов -muwa-, -riya-, waga²¹-. Основой личных имен при образовании данного типа могут служить самые разнообразные нарицательные слова, а также топонимы и имена божеств.

а) от нарицательных слов²²:

1) Azamis: ^mĀ·za-mi-sa (им. п.) (*Izgin, D 18*; также несколько раз в *Boybeypınarı I—II, III—IV*)—aza- „любить“ + mi-s (= „любимый“).— „Ацамис“.

2) Huhawaras: *HUHA*-ha-wa/i + ra/i-sa(-ha) (им. п.) (*Cekke, B 8*)—хетт. *ḫuḫa-*, клин. лув. *ḫuḫa-* „дед“ + *waḡa-s*.— „Хухаварас“.

3) Muwanzas: ^mMu-wa/i-za-si (род. п.) (*Maraş IV, 4; Maraş I, 3*)—*muwa-nz-s*.— „Муванцас“.

4) Muwatallis: ^mMu-wa/i-ta-ll-sa (род. п.) (*Maraş IV, 4*; еще трижды в надписях Гургума в других формах)—*muwa-tali-s*.— „Муваталис“.

б) от топонимов²³:

1) *Halpawaras: ^mHALPA-ra-wa/i + ra/i-sa (им. п.) (*A 7, i*)—*Halpa (или Har/w) „город Алеппо“—*waḡa-s*.— „Халпаварас“.

2) Haranamuwas: ^mHara/i-na-mu-sa(-ha) (им. п.) (*Cekke, B 5*)—Haran(a) „город Харран“ + *muwa-s*.— „Харанамувас“.

3) Haranawaras: Hara/i-na-wa/i + ra/i-sa (им. п.) (*Assur g, 1*)—Haran(a)- *waḡa-s*— „Харанаварас“.

в) теофорные²⁴.

1) Iyamis: I-ia-mi (дат. п.) (*Assur f. 1*)—Iya „бог Эа“ + mi-s.— „Э/Иямис“.

2) Tiwaramis: UTU-wa/i + ra/i-mi-sa (им. п.) (*Cekke, B 7*)—Tiw: ^r(ротацированная форма имени бога Солнца Тивата) + mi-s.— Tiwar— „Тиварамис“.

IV тип: сложные имена.

а) имя божества + нарицательное слово (также в обратном порядке)²⁵:

1) Asatarhunzas: Ā-sa-TRH-za-sa(-ha) (им. п.) (*Boybeypınarı I—II, A 1*)—as- „?“ + Tarhunzas.— „Асатархунцас“.

2) Azallwatas: LITUUS + ā-za-ti-wa/i-tā-sā (им. п.) (*Karatepe, XXII Но.*; также несколько раз в той же надписи в других формах)—лув. aza- „любить“ + Tiwat-s (= „любимый Тиватом“).— „Ацативатас“.

3) Santamuwas: Sā-tā-mu-sā(-ha) (им. п.) (*Cekke, B 7*)—Santas „бог Сантас (бог подземного мира)“ + *muwa-s*.— „Сантамувас“.

4) Tarhuntapiyas: ^mTRH-hu-ta-pl-ia-ia (дат. п.) (*Kululu, пол. I, лиц. ст.* 2)—Tarhuntas-piya-s²⁶ („данный Тархунтасом“).— „Тархунтапияс“.

5) Uratarhuntas: UR+RA/I-TRH-sa (им. п.) (*Cekke, B 8*; также трижды в *A 4 b, I; A 11 b, 2; A 11 c, 5*—в разных формах)—лув. uḡa- „большой, великий“ + Tarhuntas.— „Уратархунтас“.

б) сложением нарицательных имен²⁷:

1) A(n)tatalas: ^mĀ-ta⁵-DUMU-la-sá (им. п.) (*A 18j*)—a(n) ta- „?“ + лув. at(a)laš „брат“.— „А(н)таталас“.

2) Las(a)piya: La-sá-pi-ia (им. п.) (*Cekke, C 7*)—Las (им. п. I типа) + piya- „давать“ (= „данный Ласом“).— „Лас(а)пия“.

3) Mas(a)nazamis: ^mDINGIR-na-25 + á + za-mi-sa (-ha) (им. п.) (*Karatepe, LXXIII*)—maš(ša)niš „бог“ + aza- „любить“—mi-s (= „богом любимым“).— „Мас(а)нацамис“.

4) Panamuwatis: ^mPa-na-mu-wa/i-ti-sa (им. п.)²⁸ (*Boybeurnari I—II, B 1*; еще четырежды в той же надписи, а также в *Boybeurnari III—IV*)—pa-na-mu-wa-ti-s²⁹.— „Панамуватис“.

в) сложением имен божеств³⁰:

Yarra/Itarhuntas: I(a) + ra/i-TRH (им. п.) (*Karaḥḫuyk, 2*)—Yarra/i („бог Ярра/и“) + Tarhuntas.— „Ярра/итархунтас“.

г) сложением топонима и имен божеств³¹; скорее всего топоним употребляется в роли территориального эпитета данного бога:

1) *Halparuntiyas: HALPA-ra-gu-ti-l-ia-sa (им. п.) (*Maraş IV, I*; также несколько раз в надписях из Гургума в других формах)—*Halpa-Runtiyas.— „Халпарунтияс“.

2) *Halpatiwaras: HALPA-ra-UTU-wa/i + ra/i-sá (-ha) (им. п.) (*Cekke, B 9*)—*iHalpa-Tiwar (ротац. форма от Tiwat).— „Халпативарас“.

Отдельную группу ИЛ личных имен составляют такие, которые образованы на базе других языков—хурритского и семитских. Таких имен пока зарегистрировано около десяти, и все они зафиксированы в надписях из северосирийских царств.

а) хурритские: большей частью сложные, одним из компонентов которых является имя верховного бога Тешшуба в несколько странной форме (возможно, лувизированной)—Tis(a)-ras³². Важно отметить, что в трех теофорных именах с участием Тешшуба (на второй позиции) первые элементы не имеют параллелей в хурритской ономастике (is(i)kar-, mali-, tarni-). Интересно появление смешанного хурритско-лувийского имени Talmiat(a)las. Возможно, дальнейшие разыскания откроют и другие примеры подобных «гибридных» имен. Может быть такими окажутся примеры № 4—6 нижеприводимого списка:

1) Ah(a)lis: ^mÁ-ha-li-ia (л т. п.) (*Cekke*, B 3; в форме род. прилаг. в B 4)—хурр. Eñli³³, Eñli³⁴.— „Ах(а)лис“³⁵.

2) Hapatilas: ^mHa-pa-ti-la-si-i-sa (род. прилаг.) (*Tell Ahmar I, I*)—хурр. Ėbat-Tilla(?)³⁶.— „Хапатилас“.

3) Yah(i)latlispas: ^mJa-hi-ia-ti-sa-pa-sa (им. п.) (A 7, i)—хурр. Eñli-Teššub³⁷.— „Ях(и)латиспас“.

4) Is(i)kartispas: ^mI-si-ka-ti-i-ti-sa-pa-sa (им. п.) (A 7, g)—is(i)kar(?)—Teššub.— „Ис(и)картиспас“.

5) Malitispas: ^mMa-li-l-TRi-ti-pa-sa (им. п.) (A 7, d)—mali(?)—Teššub³⁸.— „Малитиспас“.

6) Tarnitispas: ^mTara/i-ni-ti-sa-pa-sa (им. п.) (A 7, f)—tarni(?)—Teššub⁴⁰.— „Тарнитиспас“.

7) Ur(-)hilla: ^mUR+RA/i-hi-ti-na (им. п.) (*Restan/Apamea, I*; также несколько раз в надписях Хамата)—хурр. Irhuleni, Urhaleñni⁴¹.— „Ур(а)хилла“.

8) Talmiat(a)las: TA VM-mi-DUMU-la-sa (им. п.) (*Cekke*, B 9)—хурр. t.lmi- „большой, великий“ + лув. at(a)laš „брат“.— „Талмиат(а)лас“.

9) Wa(n)tis: ^mWā/i-ti-sa (им. п.) (A 1b, I; A 1a, 3)—хурр. Wandl.⁴²— „Ва(н)тис“.

Возможно, к этому списку следовало бы приурочить также Masaurhisas (*Porruk, I*), содержащий хурритское прилагательное urhi—«истинный, подлинный».

Несколько слов о присутствии хурритских имен в ИЛ надписях. Нам представляется более вероятным вывод о том, что указанные имена вряд ли могут свидетельствовать в пользу наличия в областях, откуда известны эти имена (Каргамис, «Тиль-Барсин» и Хамат), чувствительного хурритоязычного элемента. Интересно, что из числа носителей перечисленных девяти имен по крайней мере пятеро (примеры 3—6) были лувийцами, так как четыре из них фигурируют в каргамисской надписи царя Яририса в качестве сыновей предыдущего царя Астируваса и братьев следующего за Яририсом царя Каманиса⁴³; Wa(n)lis же являлась женой каргамисского царя Сухиса II. Конечно, это не означает, что хурритов в исследуемом регионе не было, однако установить возможные зоны их обитания, по крайней мере, исключительно с помощью приведенного материала весьма трудно и нецелесообразно. Но в то же время следует отметить важность присутствия хурритских имен в Северной Сирии в столь поздний период (VIII в. до н. э.).

Сказанное о хурритах в равной мере относится также к семитам. Вряд ли кто-либо сможет оспорить факт существования на территориях лувийских царств Северной Сирии семитского этнического элемента⁴⁴, однако в настоящее время в ИЛ надписях зарегистрирован всего один пример наличия семитского имени:

Карага/is: ^mКа-ра+га/i-sa (им. п.) (*Cekke, B 6*)—семит. Gab-bārī⁴⁵.—„Капара/ис“.

Еще на двух именах следовало бы обратить внимание, поскольку их фонетический облик как будто указывает на совершенно другой источник, нежели хурритский и семитский, а именно—фригийский.

Вот эти имена:

1) Kurtl(ya)s: Ku+ra/i-ti-l-sá (им. п.) (*Bog'ça, I*; также несколько раз в табальских надписях *Hisarcik I, II* и *Kululu, пол. I, лиц. ст. 2*).—„Курти(я)с“.

2) Mitas: Mí-ta⁵-à-sa (им. п.) (*Babylon I* и *CHH I, 1*).—„Митас“.

На первый взгляд напрашивается сравнение первого из них с именем Гордиоса, легендарного царя Фригии античных источ-

ников, а второго—с именем царя Фригии/Мушки Мидаса/Миты⁴⁶. Здесь мы не будем касаться правомочности отождествления указанных пар имен с лингвистической точки зрения—она более чем явная. Нам кажется, что не последнюю помощь при решении вопроса окажут другие аргументы общенсторического и текстологического характера.

— Как можно объяснить появление фригийского династического имени у царя лувийского царства? Вне всяких сомнений то, что (А)туна тесно соприкасалась с запада с ареалом распространения фригийского культурного мира. Принимая во внимание создание и активную внешнюю политику Фригийского царства во второй половине VIII в. до н. э., и более чем четырехвековое соседство носителей фригийского и анатолийского языков, нетрудно предположить, что территория (А)туны к тому моменту могла испытать фригизацию в буквальном смысле (инфильтрация фригийцев в местную анатолийскую среду, фригийское культурно-бытовое воздействие и т. д.). Этим можно объяснить появление фригийского имени не только у царя (А)туны, но и у большого количества определенных лиц разных социальных категорий из района совр. города Кайсери (см. выше раздел «Личные имена» главы IV). Был ли царь (А)туны фригийцем или лувийцем, судить трудно. Его отец, как было показано выше (раздел «(А)-туна» главы II), носил имя Аскуксис или Ас(а)хасис (\dot{A} -sa- $\dot{R}EL^{1_2}$ -si-sa⁴), которое, на наш взгляд, лишь частично созвучно с именем отца фригийского царя Гордиоса—Асканий.

Второе из изучаемых имен—Митас, содержится в двух небольших надписях на каменных кубках, обнаруженных за пределами распространения малоазийской иероглифики—в Вавилоне, и невозможно определить первоначальное место их составления. Они вполне могли происходить из Мушки/Фригии и, будучи отнесенными в дар какому-либо из ассирийских царей или же захваченными во время одного из походов последних, таким образом оказаться в Вавилоне. Здесь уместно обратить внимание на существование нарицательного слова *mita(i)s*, употребляемого в ИЛ надписях множество раз со значением «слуга» (причем в смысле «слуга царя», а не просто «слуга» в современном понима-

нии этого слова)¹⁷. Однако даже при такой этимологии имени Мидас/Мита вполне возможно, что на указанных кубках фигурирует имя Мидаса, царя Фригии. Палеографически обе надписи относятся к VIII в. до н. э., к тому же имя Мидас/Мита ни разу не встречается в других ИЛ надписях, что может косвенно свидетельствовать о том, что оно не было в ходу у лувийцев. Сказанное об идентичности Митаса с царем Фригии Мидасом может послужить серьезным аргументом в пользу предположения о культурном воздействии анатолийского мира на фригийцев (применение малоазийской иероглифики).

В заключение следует отметить следующее. Подавляющая часть личных имен ИЛ надписей, за исключением ограниченного количества имен, имеющих хурритское, семитское и фригийское происхождение, и тех, для которых пока еще не установлено происхождение (возможно, они все же хетто-лувийские), образованы на почве хетто-лувийских языков. Наличие этих чужеродных имен вряд ли можно приписать к существованию значительного числа их иноязычных носителей. Конечно, почти исключительно хетто-лувийский характер имен само по себе еще не может свидетельствовать в пользу однородности лувийских царств в этническом плане; методологически такой подход недопустим¹⁸. Однако, на наш взгляд, ясно одно: преобладание хетто-лувийской ономастики является очень важным аргументом в пользу того, что, по крайней мере, в большинстве царств, может быть за исключением периферийных областей, соприкасающихся с другими этно-лингвистическими ареалами, и районов с четко установленным из других источников нехетто-лувийским населением (смешанное арамейско-хетто-лувийское царство Сам'аль и семитское царство Бит-Агуси/Яхан в Северной Сирии), решающим, главенствующим этническим элементом являлись именно хетто-лувийцы.

Дальнейшее изучение ИЛ ономастики, несомненно, способно внести серьезные коррективы в вышеприведенные соображения, однако общая картина ясна даже на данном этапе изучения имеющегося материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение на большей части территории погибшей около 1200 г. до н. э. одной из великих держав древности—Хеттского государства, множества государственных образований, так называемых «лувийских» (или «позднихеттских») царств, ознаменовало новый этап в истории древней Малой Азии и прилегающих областей (Северная Сирия, запад Армянского нагорья). Распад Хеттского государства явился результатом объективных причин, вытекающих из самой структуры этого многоплеменного конгломерата, объединенного с помощью войн и завоеваний. Характерной чертой процесса распада Хеттского государства, в отличие от других древневосточных цивилизаций (Ассирия, Митанни, Урарту), где сразу после падения центральной власти на всей территории обычно образовывались новые государства с вытекающей из этого частичной сменой или ассимиляцией населения является то, что большая часть территории хеттов в течение почти пяти веков продолжала оставаться под властью автохтонных хетто-лувийских династий, с сохранением местного населения. Только в конце VIII—начале VII вв. до н. э. эта территория начала постепенно переходить к соседним государствам—Ассирии, Урарту, Фригии, арамейским царствам.

Изучение истории лувийских государственных образований с помощью собственного ИЛ. материала, ставшего доступным лишь с начала 50-х годов XX в., открывает большие возможности для научной разработки исследуемой тематики, так как используемый в настоящее время для этой цели скудный и порой противоречивый ассирийский и урартский клинописный материал односторонен, к тому же он освещает только те периоды истории интересующего региона, когда лувийские царства становились объектом ассирийской и урартской экспансии; «мирные» периоды

их истории составляют довольно значительные «темные пятна», осветить которые в состоянии в основном собственные, автохтонные источники.

Воссоздание полной истории лувийского региона в настоящее время невозможно, потому что ИЛ надписей освещают только некоторые исторические периоды отдельных государственных образований. Исходя из этого, в работе не ставилось целью изучение всех аспектов политической жизни как отдельных царств, так и всего региона в целом. Деление исследования на две основные части («Малая Азия» и «Северная Сирия») связано с тем, что эти два района лувийского региона, судя по письменным источникам, относительно четко отличаются друг от друга как в географическом, так и в военно-политическом и культурном аспектах.

В работе, в первую очередь изучались внешние характеристики ИЛ надписей (характер письма, распределение надписей в пространстве и времени, типы и структура надписей), без учета которых введение их в широкий научный оборот было бы весьма затруднено.

Во-вторых, все ИЛ надписи сгруппированы по отдельным лувийским царствам по хронологическому принципу, после чего стало возможным изучение содержащегося в них исторического материала. В ходе исследования ИЛ надписей основное внимание было уделено тем сведениям, которые в состоянии способствовать дальнейшему изучению вопросов истории и культуры региона. При этом значительное место было отведено вопросам территории лувийских царств и характеру их взаимоотношений в разные исторические периоды. Гипотетический характер некоторых основных выводов работы связан с тем, что интерпретация многих сведений по тем или иным событиям не может считаться окончательной. Неустановленная хронология надписей и серьезные повреждения заметно препятствуют реконструкции исторического процесса в исследуемом регионе.

Изучение исторического материала ИЛ надписей с использованием ассирийских и урартских клинописных текстов позволили

автору сделать некоторые важные для истории и культуры лувийских царств выводы.

Палеографический анализ ИЛ надписей позволяет выделить три ареала распространения малоазийской иероглифики в изучаемый период: а) верхнеевфратская долина—Мелид, б) восточная Малая Азия—Табал, в) Северная Сирия—Каргамис, Гургум и др.

Исходя из данных, содержащихся в надписях двух наиболее хорошо освещенных эпиграфически царств—Мелида и Каргамиса, и сравнивая эти данные с материалом из других царств, в работе выдвинуто предположение о том, что в начальный период существования лувийских государственных образований число царств было гораздо меньшим, нежели в эпоху усиливающейся ассирийской и урартской экспансии в IX—VIII вв. до н. э. Более того, насколько можно судить по некоторым прямым и косвенным сведениям, в течение определенного времени после гибели Хеттского государства вся лувийская территория или ее заметная часть могла входить в состав именно этих двух царств—Мелида (восточная Малая Азия) и Каргамиса (Северная Сирия и юго-восточная Малая Азия). Распад этих царств на более мелкие государственные образования мог произойти не одновременно. Для Каргамиса в качестве возможного периода разложения предлагается вторая половина X в. до н. э. Каргамисские надписи указывают на развернувшуюся борьбу между представителями царствующей династии и их родичами—потомками первых каргамисских царей, в результате чего часть бывшей территории Каргамиса, видимо, отошла от него, где могли образоваться несколько царств—«Тиль-Барсил», Хамат, Гургум, возможно, и Унки/Паттин. Вероятно, Мелид был расчленен гораздо позже (в IX в. до н. э.). Разложение Мелида могло иметь следствием возникновение ряда мелких городов-государств на западе его территории, известных из ассирийских источников под названием «24 царств Табала». Исходя из этого, а также учитывая ряд других аргументов, автор пришел к выводу, что в области внутриполитического развития лувийского региона основной тенденцией являлось постепенное раздробление некогда больших политических объединений на мелкие царства.

В книге изучены также ряд других вопросов истории лувийских царств: а) предположение о существовании обширного политического объединения в Северной Сирии с центром в городе Тиль-Барсине в конце X—начале IX вв. до н. э., б) существование ранее неизвестного царя Каргамиса, правившего примерно во второй половине X—начале IX вв. до н. э., в) анализ характера политических сдвигов в Табале в последней четверти VIII в. до н. э. и уточнение хронологии табальских царств, и другие вопросы.

В четвертой главе представлен топономастический материал ИЛ надписей. Здесь изучаются типы ИЛ топонимов и личных имен. Анализ этого материала, наряду с другими аргументами, еще раз подкрепляет мысль о том, что в течение всего послехеттского периода определяющим этническим элементом в исследуемом регионе являлись носители хетто-лувийских языков, и непрерывно продолжалась культурная традиция, сложившаяся в эпоху Хеттского государства.

SUMMARY

The rise of numerous small Luwian (or Late Hittite) kingdoms in the greater part of the former Hittite Empire, which was crashed about the end of the 13th century B. C., started a new epoch in the history of ancient Asia Minor and of the surrounding regions (Northern Syria, western parts of the Armenian Highland). The Hittite Empire was a polyethnic conglomerate being united by means of war and conquest, and so its fall was the result of objective circumstances. In contrast with the other ancient civilizations of the Near East, where immediately or soon after the destruction of the political centres the new states were usually organized throughout the whole territory, and which was accompanied by a partial change of the local population or its assimilation (Assyria, Mitanni and Urartu), the greatest part of the Hittite Empire was almost during five centuries ruled by local Anatolian dynasties and, accordingly, the autochthonous Anatolian population continued to live there. Only at the end of the 8th—beginning of the 7th centuries B. C. these territories began gradually to pass to the neighbouring kingdoms—Assyria, Urartu, Mush'ki (Phrygia) and the Aramean principalities.

The study of Luwian history based on the native Hieroglyphic Luwian epigraphic material which has become accessible to science only from the beginning of the 1950's gives a good chance for scholarly elaboration of the subject. The limited and sometimes contradictory cuneiform Assyrian and Urartian data being used until lately exclusively for this purpose, appear to be one-sided, moreover, it throws light only on those regions and chronological periods of Luwian history and territory, when the latter was becoming the subject of Assyrian and Urartian aggression; thus, the "peaceful history" forms large "dark patches", which can be filled in only by the Hieroglyphic Luwian inscriptions.

The reconstruction of the Luwian history as a whole is at present impossible, because also the HL inscriptions throw light only on some periods of the history of the Luwian kingdoms. Hence, the purpose of the present work is not to solve every problem of this history, or the history of the entire region in question. The division of it into two main parts ("Asia Minor" and "North Syria") is connected with our belief that these regions were distinguished not only geographically, but, which is more important, also in their political and cultural aspects.

Firstly, we present a formal analysis of the HL inscriptions (the script, territorial and chronological distribution, types and structure); this simplifies the treatment and interpretation of the textual data.

Secondly, the whole epigraphical fund is grouped by kingdoms and in chronological order. After this, an analysis of the historical material follows. In view of the fragmentary and scanty information, our research was directed towards only a few important historical aspects, for example, the problems of the territorial division, the interrelations between the Luwian kingdoms, etc. These being the problems which can simplify further investigations of the post-Hittite history. The hypothetical character of some of our main conclusions is evident; this can be explained by the fact that interpretation of some of the information is at present not final. The uncertainly established chronology and the serious damages, which the inscriptions have experienced, are the main limitations for our research.

However, the analysis of the extant historical information of the HL inscriptions, as well as of the cuneiform Assyrian and Urartian data, makes it possible to offer some important conclusions on post-Hittite history and culture.

Paleographical research of the HL inscriptions allows to distinguish three regions of the Anatolian hieroglyphics during the post-Hittite period: 1) eastern Asia Minor-Tabal, 2) the valley of the Upper Euphrates-Melid, 3) Northern Syria—Kargamis, Gurgum, „Til-Barsip,“ Hamath.

The historical data contained in the inscriptions of the two main kingdoms (Kargamis and Melid), as well as of the other kingdoms, makes it possible to suggest that in the beginning of the post-Hittite period they were still not numerous, compared to the later period characterized by the intensive Assyrian and Urartian expansion (9—7 th centuries B. C.). Some direct and indirect references indicate that at some point after the collapse of the Hittite Empire, almost the whole Luwian territory or at least its greater part must have been in the hands of these two kingdoms (eastern Asia Minor—Melid, Northern Syria—Kargamis). The disintegration of these kingdoms must have taken place not simultaneously. For Kargamis, the second half of the 10th century B.C. is the possible period. This suggestion is based on the analysis of the events in Kargamis during the reign of Katuwas as described in his inscriptions, where the king relates about a dynastic struggle between his dynasty and the dynasty of the previous kings; this must have led to the loss of a part of the Kargamian territories, where other kingdoms— "Til-Barsip", Hamath, Gurgum (possibly, also Unki/Pattin)— were now created.

It is possible that Melid has lost some of its territories later than Kargamis (in the 9th century B.C.). The disintegration of Melid must have resulted in the creation of numerous city-states, which are known from the Assyrian texts as "the 24 kingdoms of Tabal". So it is suggested that the main tendency of the political development of the Luwian region appears to be a gradual disintegration of the big kingdoms into small ones. However, at least Melid was resurrected in the 7th century B.C. (by Mugallu).

The monography deals also with some other aspects of the post-Hittite history: 1) it is suggested that a kingdom in Northern Syria with its centre at Til-Barsip existed during the 10th— beginning of the 9th centuries B.C.; 2) one more king of Kargamis ruled some time in the 10th century or soon after this date; 3) an analysis of the political affairs in Tabal during the last quarter of the 8th century B. C. is presented and a more precise definition of the Tabalian chronology is attempted, etc.

The last chapter is dedicated to toponymic and onomastic data of the HL inscriptions. Here the main types of HL toponyms and personal names are analysed. The investigation of this material strengthens the previously suggested point of view that during the whole post-Hittite period the Anatolian (e.g. Hittite and Luwian) ethnics had leading role in this region, and the cultural tradition of the Hittite Empire was still both vital and continuous.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ученые единодушно связывают крушение Хеттского государства с нашествием «народов моря», упоминаемых в египетских источниках, начиная с середины XIII в. до н. э., а также с внутренними беспорядками в этом пестром конгломерате (восстания народностей и племен страны Хатти, династическая борьба и др.), все больше усиливающиеся из года в год во второй половине XIII в. до н. э.: *Götze A.*, *Kleinasien*, Heidelberg, Zweite, neubearbeitete Auflage, 1957, S. 181—186; *Goetze A.*, The Hittites and Syria, в кн.: *CAH*, vol. II, chapter XXIV, 1963, p. 34; *Barnett R. D.*, Phrygia and the Peoples of Anatolia in the Iron Age, в кн.: *CAH*, vol. II, chapter XXX, 1967, pp. 3—4; *Barnett R. D.*, The Sea Peoples, в кн.: *CAH*, vol. II, chapter XXVIII, 1969, pp. 10—15; *Дьяконов И. М.*, ПАН. Ереван, 1968, сс. 102—105; *Diakonoff I. M.*, Pre-history, pp. 64—65; *Hawkins J. D.*, Hatti (1st millennium), в кн.: *RIA*, Bd. III, Lief. 2/3, p. 152 и др.

2. Этнические передвижения в Малой Азии и прилегающих районах в период XIII—XII вв. до н. э. подробно изучены в книге *И. М. Дьяконова*: ПАН, сс. 115—122.

3. Под этим географическим названием ассирийские источники подразумевали всю территорию к западу от Евфрата, независимо от этнической принадлежности обитателей того или иного района; в клинописных источниках Хатти обычно не обозначал какое-либо конкретное государство (см.: *Hawkins J. D.*, Hatti, в кн.: *RIA*, Bd. III, Lief. 2/3, 1973, p. 152—156).

4. В настоящее время в специальной литературе нет единого мнения насчет целесообразности применения того или иного термина для обозначения совокупности образованных на руинах Хеттского государства политических единиц. Термин «—хеттский» чисто условный, и не означает, что в исследуемых царствах говорили по-хеттски (т. е. несийски); об этом см. статью: *Güterbock H. G.*, Toward a Definition of the Term Hittite, *Oriens*, vol. 10, 1957, pp. 233—239. В наших более ранних исследованиях мы придерживались общепринятой терминологии («позднихеттский»), однако в настоящей работе, учитывая целый ряд соображений, мы применяем термин «лувийский» при обозначении царств; вместо же термина «позднихеттский период» считаем

возможным ввести термин «послехеттский период». Терминологическим вопросам будет посвящена одна из последующих наших работ.

5. Изучением этой иероглифической—финикийской билингвы занялась большая группа ассириологов: *Oberholz A. H.*, Die Bedeutung der Bilinguen vom Karatepe für die Entzifferung der hethitischen Hieroglyphen, *Eranos*, Bd. 47, 1949, S. 93—105; *Gelb I. J.*, The Contribution of the new Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite, *B. Or.*, vol. 7, 1950, pp. 129—141; *Bossert H. Th.*, Die padozisch-hethitischen Bilinguen von Karatepe, *Ar. Or.*, Bd. XVIII, Heft 4, 1950, S. 10—42; *Meriggi P.*, La bilingue di Karatepe in Cananeo e geroglifici etei, *Athenaeum*, vol. 29, 1951, p. 15—96; *Barnett R. D.*, Karatepe, the Key to the Hittite Hieroglyphs, *An. St.*, vol. III, 1953, pp. 53—95; *Friedrich J.*, Zur Lesung der hethitischen Bilderschrift, *Ar. Or.*, Bd. XXI, 1953, S. 114—139.

6. *Laroche B.*, HHL, Paris, 1950.

7. *Meriggi P.*, HMG, Wiesbaden, 1962; MEGG, Roma, 1956; MEG, 2, Roma, 1967; MEG, 2—3, Roma, 1975; MEGG, Roma, 1975.

8. *Bossert H. Th.*, Untersuchungen hieroglyphenhethitischer Wörter. I, MIO, Bd. II, 1954, Heft 1, S. 73—103; Untersuchungen hieroglyphenhethitischer Wörter. II, MIO, Bd. II, 1954, Heft 2, S. 236—283; *K. H. Zuppa-*, iuw. *zūpa/zūpt*, B-L *tsupa/tsupi-*, *Or.*, vol. 29, 1950, fasc. 3, S. 309—317; Ist die B-L Schrift im wesentlichen entziffert?, *Or.*, vol. 29, 1950, fasc. 4, S. 423—442; Zur Vokalisation des Luwischen, *Or.*, vol. 30, 1961, fasc. 3, S. 314—322 и др.

9. *Mittelberger H.*, Bemerkungen zu Meriggis hieroglyphisch-hethitischem Glossar, Die Sprache, Bd. 9, 1963, S. 68—107; Zur Schreibung und Lautung des Hieroglyphenhethitischen, Die Sprache, Bd. 10, 1964, S. 50—98.

10. *Hawkins J. D.*, Hieroglyphic Hittite Inscriptions of Commagene, *An. St.*, vol. XX, 1970, pp. 69—110; *Hawkins J. D.—Morpurgo-Davies A.*—Neumann G., HHL, Göttingen, 1974, pp. 3—54; *Hawkins J. D.*, The Negatives in Hieroglyphic Luwian, *An. St.*, vol. XXV, 1975, pp. 119—156; The Hieroglyphic Luwian Stele of Meharde-Sheizar, в кн.: *Florilegium Anatolicum*, Paris, 1979, pp. 141—156; The Logogram "LITUUS" and the Verbs "to see" in Hieroglyphic Luwian, *Kadmos*, Bd. XIX, 1980, Heft 2, pp. 123—148; *Morpurgo-Davies A., Hawkins J. D.*, Il sistema grafico del luvio geroglifico, *Annali della scuola normale superiore di Pisa*, 1978, serie III, vol. VIII, pp. 755—782 и др.

11. *Landsberger B.*, Sam'al, Ankara, 1948; *Götze A.*, Kleinasien, Heidelberg, 1957; *Дзяконов И. М.*, ПАН, 1968, с. 123 и сл., а также работы других авторов.

12. *Hawkins J. D.*, Assyrians and Hittites, Iraq, vol. XXXVI, Parts 1/2, 1974, pp. 67—83; Kargamis, в кн.: RIA, Bd. V, Lief. 5/6, 1981, pp. 426—446; Some Historical Problems of the Hieroglyphic Luwian Inscriptions, *An. St.*, vol. XXIX, 1979, pp. 153—167; также статьи в энциклопедическом издании RIA—Jamath, Hatti, Hattin, Kargamis и др.

13. *Хазарадзе Н. В.*, Этнические и политические объединения восточной Малой Азии I половины I тыс. до н. э., Тбилиси, 1978 (на груз. яз.); Этно-

политические проблемы древней истории Грузии (моск.), Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).

Глава I

1. Термин принадлежит П. Мериджи (MEGG, p. 9, § 2); целесообразность применения терминов «идеограмма» или «логограмма», в чем нет согласия среди ученых, ничего существенного не меняет, поэтому мы употребляем терминологию П. Мериджи.

2. Вполне возможно, что нероглифическая система письма в Малой Азии возникла очень давно, примерно в III тыс. до н. э. (Иванов Вяч. Вс., Анатолийские языки, в сб.: ДЯМА, М., 1980, с. 137), а позже, уже в период существования Хеттского государства, клинопись и нероглифическое письмо сосуществовали (см.: Иванов Вяч. Вс., Зачатки исследования языка у хеттов, в кн.: История лингвистических учений. Древний Мир, М., 1980, сс. 41—43). Внешне и по значению некоторые нероглифы схожи с египетскими, что может свидетельствовать о египетском влиянии (Meriggi P., MEGG, p. 9, § 2), хотя это может быть результатом тесных контактов двух цивилизаций, т. е. речь может идти о взаимовлиянии.

3. В настоящее время весьма трудно определить общее количество знаков, так как многие из них зафиксированы только в подписях II тыс. до н. э. и в двуязычных печатях, и они могли быть древними вариантами более поздних, уже известных знаков, особенно если учесть, что одни и те же знаки внешне заметно расходятся даже в изучаемую нами эпоху в подписях из разных царств, а некоторые знаки вообще исчезли к началу I тыс. до н. э., будучи замененными другими знаками. В списке нероглифических знаков Э. Ларона налицо 497 знаков (NH, p. 269—279), а у П. Мериджи—432 (NHG, S. 181—237).

4. Новейший список фонетических знаков содержится в статье А. Морпурго-Дэвиса и Д. Хоккинса в *Annali della Scuola normale*, 1978, serie III, vol. VIII, pp. 755—782, Tav. II—III (74 знака).

5. Хорошим свидетельством синлабизации нероглифического письма является группа надписей из Табала—*Sultanhan, Kalulu I, II, Erkilet I, II* и др. (VIII в. до н. э.); употребление идеограмм, не считая некоторых основных детерминативов, здесь сведено к минимуму. Отметим, что в настоящее время процесс перехода к синлабизации на материале Табала проследить невозможно, так как все надписи относятся только к VIII в. до н. э.; наличие арханизированных знаков в трех надписях (*Gojada, Sivasa, Kayseri*) представляет недостаточно надежный материал. Наличие упрощенного стиля знаков, судя по хронологии Табала, является не прямым следствием развития нероглифики, а скорее результатом позднего применения.

6. Например, глаголы *ri(ya)*—«давать», *ta*—«брать, взять», т. д. Однако не всегда этот метод, основанный на безоговорочном принятии акрофонии

ческого происхождения многих знаков, оправдывает себя. Так, долгое время глагол «ходить, идти» интерпретировали как *tiwa-*, исходя из того, что в качестве начального знака при передаче глагола употребляется знак № 90 (90-wa, i-), но позже пришлось отказаться от такой трактовки (Hawkins J. D., RHA, vol. 23, 1971, pp. 113—131).

7. Например, ^dTarhuntaš — «бог Тархунташ» и DINGIR-nis «солнце».

8. Например, вместо обычного детерминатива «бог» перед именами богов появляется сложный детерминатив UR.DINGIR «великий бог». Следует отметить, что подобных случаев, когда ясен смысл обеих идеограмм, образующих детерминатив, очень мало.

9. Это может свидетельствовать в пользу древности малоазийской иероглифики, так как ее система скорее всего должна была возникнуть в период, когда в Малой Азии клинопись еще не применялась или не играла большой роли. В этом отношении иероглифика имеет параллелью крито-микенское письмо «линейное Б» (возможно, также «А»). И. Гельб считал, что хеттская иероглифика каким-то образом связана с критским «линейным Б» и с кипрским силлабарием; он допускал возможность отнесения этих трех письменностей к одному общему источнику, расположенному где-то в Эгее (Опыт изучения письма, М., 1982, с. 208).

10. «Шипом» называется косая черточка, которая, выступая только в сочетании с каким-либо знаком, добавляет к его чтению дополнительное чтение *ga/i*. Так, *ka + ga/i*, *ta + ga/i* и т. д. В результате регулярного употребления «шипа» с идеограммой, «шип» постепенно составляет одно целое с ней. Позже они всегда выступают вместе, и тем самым бывшая идеограмма становится силлабограммой; например, знак № 389 — «три» + «шип» = *t(a) + ga/i > taga.i*. Наличие подобных знаков свидетельствует об их постепенном переходе в сторону силлабизации.

11. Таких знаков несколько: «словоразделитель», «основной разделитель идеограмм», другие «разделители» (овал, три кружочка и вертикальная черточка). «Идеографические приметы» применялись нерегулярно не только в пределах определенного царства, но и в пределах одной надписи. Скорее всего надобность в этих приметах определялась самими резчиками, так как до сих пор не удалось выявить какой-либо системы в их применении.

12. Указанный стиль имеет множество характерных особенностей курсива, но П. Меридажи воздерживается от употребления этого термина (MEGG, p. 10—11, § 5, примеч. 2).

13. Им, в частности, пользовались при составлении деловых документов и писем, о чем свидетельствуют свинцовые таблички из Ашшура и Кулуду. Есть случаи применения монументального и упрощенного стилей одновременно в разных надписях одного и того же царя (надписи Варпалазаса, царя Туванны). Неоднократно в пределах одной надписи фигурируют и рельефные, и линейные знаки (это явление четко прослеживается в надписях Туваны, Бат-

Буруташа и Каргамиса), на основании чего можно изучать пути развития древних знаков.

14. К сожалению, в настоящее время нет обобщающего труда по палеографии пероглифического письма, что могло бы в значительной мере продвинуть вперед ее дальнейшую дешифровку. Правда, в книге Э. Лароша (НН) приводятся сравнительные таблицы всех известных в то время знаков, однако территориально-хронологический анализ производится не на должном уровне, к тому же одни и те же знаки очень часто фигурируют как разные, как бы не имеющие отношения друг к другу.

15. П. Мериджи транскрибирует идеограммы и детерминативы прописными латинскими буквами, причем те, фонетическое чтение которых известно, передаются в виде полностью написанных или частично сокращенных лувийских (и хеттских) слов. Если же соответствующие слова неизвестны, он ограничивается только указанием порядкового номера знака по своему списку (NHG, S. 181—237). В последнем случае мы заменяем эти номера номерами списка Э. Лароша, ввиду его большей полноты. Следует отметить, что хотя система П. Мериджи страдает некоторой неоднородностью, все же она заметно упрощает передачу пока еще полностью расшифрованного письма. Отдавая должное новой системе транслитерации (*Hawkins J. D., Alpr. ego. axes A., Neumann G., NNL; Hawkins J. D., An. St., vol. XXV, 1975, pp. 14—155*), когда все идеограммы и детерминативы передаются соответствующими латинскими словами, нельзя не отметить и недостатки этой системы. Стремясь к единообразию в транслитерации, эти авторы тем самым вносят определенную путаницу и создают лишнюю загруженность, особенно при передаче детерминативов, а также используют ненужные вспомогательные средства (звездочки, словоразделители в виде вертикальных черточек). При транслитерации мы основываемся на новых чтениях некоторых слогограмм, предложенных в указанной книге (NNL, p. 50), а также в статье Д. Хоккинса и А. Мюрнурго-Дэйвис (JRAS, 1975, pp. 121—133 и др.). Все слова или собственные имена, чтение или значение которых неясны, приводятся нами в научной транслитерации; арабскими цифрами обозначаются неинтерпретированные знаки, согласно списку Э. Лароша, а римскими — количественные числительные.

16. Все же определенная часть надписей пока интерпретирована неполностью, что заметно затрудняет их исследование. Изучаемые нами отрывки текстов приводятся после скрупулезного сопоставления надписей с предложениями специалистами переводами.

17. Карту распространения пероглифических лувийских надписей см. в книге П. Мериджи (MEGT).

18. Иероглифические надписи хеттской эпохи изданы в книге П. Мериджи (MEG, 2—3). Правда, среди них есть некоторые надписи I тыс. до н. э., которые, автор, основываясь на внешние архаические черты ряда знаков, привел среди древних надписей. Многие обнаруженные до сих пор надписи изучаемой

эпохи не поддаются должной интерпретации ввиду существенных повреждений; значительное количество надписей нуждается в сличении с оригиналами.

19. См.: *Laroche E.*, HH: *Orlmann W.*, USK, а также другие работы, о чем см. в последующих главах.

20. Пожалуй, лишь *Karatepe* можно отнести к началу VII в. до н. э. Но это не значит, что после VIII в. до н. э. не составлялись нероглифические надписи. К сожалению, характер большинства надписей упрощенного стиля, свидетельствующей о позднем периоде их составления, не позволяет установить точную датировку.

21. Значительным вкладом в деле датировки ИЛ надписей в целом и для каждого царства в отдельности является работа В. Ортмана (USK). Из-за отсутствия датировки мы иногда основываемся на собственном анализе надписей.

22. Следует ли из этого заключить, что до нероглифики в Табале пользовались другими видами письма, сказать трудно. Подробно об этом см. в разделе «Табал».

23. О подобных надписях см.: *Hawkins J. D.*, *Late Hittite Funerary Monuments, Mesopotamia*, vol. 8, 1979, pp. 213—225. Трудно судить о том, кем они составлены: потомками покойного или еще при его жизни.

24. Стронтельные надписи из Каргамиса изучены в статье Д. Хокинса: *Am. St.*, vol. XXII, 1972, pp. 87—114.

25. Чисто стронтельными являются, например, надписи *Erkilet I, II* и *Nig'de* (Табал) Вот содержание *Erkilet II*. «Этой ала Асативасус поставил, это (т. е. ала) никто да не сместит/снесет». Естественно, такие надписи почти непригодны для использования в качестве исторического материала, разве что когда имена их составителей известны из других источников.

26. Правда, из ИЛ надписей некоторым образом выделяются две—*Topada* (Табал), являющейся своего рода «победной» стелой, и *Tell Ahmar I* («Тиль-Барсин»), напоминающая «автобиографию».

27. В мелидских надписях генеалогия располагается между именем составителя и определением его статуса.

28. В этом отношении стоит особняком надпись *Maraş I*, в которой царь Гургума Халпарунтияс III перечисляет шестерых представителей своей династии.

29. Все же есть несколько надписей вроде *Teli Ahmar I*, *A 11b* и *A 6*, где имеются определенные данные, с помощью которых легко можно связать в одно целое упомянутые в надписях события.

30. Видно, в изучаемую эпоху широко практиковалось присвоение чужих сооружений (храмов, статуй богов и т. д.) со стороны потомков путем соскребания имен их создателей, фигурирующих в надписях, вырезанных на них, и написанием собственного имени. Об этом говорят многочисленные фразы типа: «Мое имя если кто уничтожит/соскревет».

1. Подробно об этом царстве см.: *Landsberger B.*, Sam'al. Правда, в Сам'але была обнаружена краткая иероглифическая надпись, содержащая имя царя Сам'ала Бар-Ракиба.

2. При написании названия города и страны Мелид мы применяем ассирийское обозначение, так как чтение иероглифического названия не безупречное — 109—125-zī^{URU} = Ma_x—li-zī^{URU} = Малици (?) (*Hawkins J. D.*, *Morpurgo-Da-*

vies A., *Neumann G.*, NHL, pp. 19—20); ср. хетт. ^{URU} Malitya (*del Monte G. F.*, *Tischler J.*, OGHt, S. 257—258), Milidla у Тиглатпалэсра I (*Grayson A. K.*, ARI, vol. II, §§ 32, 96) и уарт. Meliṣea, По единодушному мнению сицилистов, город Мелид находился в семи километрах к север-востоку от современного города Малатья, на месте селения Арслантепе (*Delaporte L.*, *Malatya*, p. 5; *del Monte G. F.*, *Tischler J.*, OGHt, S. 258; *Liahonoff I. M.*, *Kashkar S. M.*, GNAUT, pp. 55—56 и др.).

3. *del Monte G. F.*, *Tischler J.*, OGHt, S. 383—384; ср. ассир. Тиль-Гаримму, библ. Бет Тогарма, арм. Тун Торгома (Дом Торгома). Несмотря на принятую локализацию Та/егарамы (ассир. Тиль-Гаримму) в районе совр. Гюрюна, было высказано мнение о том, что этот город следует искать южнее, в районе совр. города Эльбистан (*Дьяконов И. М.*, *Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей*, ВДИ, 1981, № 2, с. 51, прим. 83, со ссылкой на Э. Лароша).

4. *del Monte G. F.*, *Tischler J.*, OGHt, S. 237—238.

5. Там же, S. 338—341.

6. В настоящее время проблема этнического состава Мелида не решена. Вероятно, здесь находился значительный слой хетто-лувийцев (*Hawkins J. D.*, *Iraq*, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, p. 69), а также армянский элемент (*Дьяконов И. М.*, ПАН, сс. 227—229).

7. *Grayson A. K.*, ARI II, § 56.

8. *Hawkins J. D.*, KIA, Bd. III, Lief. 2/3, 1973, pp. 152—159.

9. Кажущаяся на первый взгляд идентичность иерогл. Ла/икарама с хетт. Та/егарам/ассир. Тиль-Гаримму, довольно сомнительна.

10. Мелидские надписи изданы в книге П. Мериджи (MEG, 2—3, №№ 97—119). Две надписи (*Karakuyu I, II* и *Aslanta* §) не включены в круг нашего исследования в виду их архаичности; они пока не поддаются интерпретации.

11. В других лувийских царствах (Каргамис, Табал и др.) переход к сицилизации в основном завершился в конце IX—начале VIII вв. до н. э.

12. Об этом свидетельствует также отсутствие надписей, составленных зависимыми от царей Мелида правителями. Единственная надпись, нецарское происхождение которой вполне возможно—*Palanga*, но палеографически она

относится к очень позднему периоду (VIII в. до н. э.), т. е. к эпохе упадка Мелида (см. ниже).

13. Это явление не имеет параллелей в надписях других лувийских царств; скорее наоборот, все цари и их подвластные правители всегда стараются: о тобо не подчеркивать титулов и добродетелей своих царственных предков, с целью показать себя в лучшем свете.

14. В Каргамисе и Гургуме наблюдается обратный порядок: отец—дед—прадед и т. д.

15. Интерпретация этого слова связана с большими трудностями. Скорее всего оно обозначает некий режущий или колющий предмет, вероятно, принадлежавший какому-то животному, хотя и не исключается возможность видеть в этом предмете какое-то оружие богов (см.: *Косян А. В.*, Формула проклятия в пероглифической лувийской надписи *ka mis. 4 2*, в сб.: Вопросы востоковедения, 3/4, Ереван, 1987, сс. 325—332).

16. Для списка царей Мелида и их титулов см.: *Ortmann W.*, *USK. S.* 207—208; также *Hawkins J. D.*, *Iraq*, vol. XXXVI, p. 1/2, 1974, pp. 75—76; *Meriggi P.*, *MEG*, 2—3, p. 62—63.

17. См.: *Hawkins J. D.*, *Iraq*, vol. XXXVI, p. 1/2, 1974, p. 76.

18. В этот список не включен Сулехавали, присутствующий в списках других специалистов, так как относительно недавно была убедительно доказана несостоятельность чтения [. . . .] и в качестве имени одного из мелидских царей в надписи урартского царя Менуа из Балу (см.: *Арутюнян Н. В.*, Заметки по урартской эпиграфике, в сб.: Древний Восток и мировая культура, М., 1981, сс. 74—79).

19. Ранее бытовавшее чтение *1(a) + 1(b) = TRI* как Ари-Тешуб (*Laroche E.*, *NH*, № 127 b, p. 38) позже, после установления новых чтений для знаков № 209 и № 210 (соответственно *i* и *ia*) было уточнено в форме Ярра/итархунтас (*Hawkins J. D.*, *Iraq*, vol. XXXVI, p. 1/2, 1974, p. 71, p. 82).

20. Чтение имени *82 + ra/i-sa* обусловлено акрофоническим чтением знака № 82 в качестве *ta* (*Laroche E.*, *NH*, № 82, p. 45—50); также *Meriggi P.*, *NHG*, № 79, S. 195). Это несколько видоизмененная форма древнесапатлийского имени *Dadas/Tatas* в результате ритаизма (*Laroche E.*, *NH*, № 1300 и p. 240—241).

21. Наша передача имени этого царя и его сына—Маиратиса, несколько отличается от чтения Д. Хокниса (Сувармис и Маратис). Эти имена не имеют параллелей в хетто-лувийской ономастике, поэтому мы считаем целесообразным твердо придерживаться их передачи в надписи *Malatya III —^mSu-wa/i-l-i + ra/i-mi-sa* и *^mMa-i + ra/i-ti-sa*.

22. Чтение не безупречное, так как фонетическое чтение знака № 39 неизвестно (*Laroche E.*, *NH*, № 39, p. 26—23).

23. П. Мериджи, следуя за Х. Боссертом, читал это имя как Хили-Руван-та, тем самым предлагая его отождествление с клинописным Хиларуада (MEG, 2—3, р. 46-49). Настоящее чтение принадлежит Д. Хокинсу (Iraq, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, р. 76, п. 66).

24. Незначительное расхождение в чтении этого имени с именем Арну-вантиса I, видимо, следует объяснить характерной особенностью употребления некоторых слоговых знаков нероглифического письма типа Ca:Si, когда гласные а и i чередуются в пределах одного знака (см.: *Laroche E.*, NH, №№ 215, 383, 445 и др.); о неопределенной огласовке некоторых слогограмм указанного типа см.: *Косян А. В.*, К изучению склонения в нероглифическом лувийском, в сб.: Древний Восток, V, Ереван, 1988, сс. 181—186.

25. П. Мериджи предлагает чтение Сути-Рувас (MEG, 2—3, р. 59).

26. Принимая во внимание палеографические и стилистические особенности надписей, значительную часть царей нероглифического списка следует поместить между Аллумари и Саху (кроме Ярра/итархунтаса).

27. *Meriggi P.*, MEG, 2—3, № 101+MEGT, Tav. XIV.

28. *Hawkins J. D.*, Iraq, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, р. 78.

29. Для этого имени Э. Ларош предлагает чтение Агма-папи (NH, № 134, р. 39).

30. Название страны Ярра/итархунтаса вызывает большие трудности. Предполагается, что под этим написанием скрывается известный во II тыс. до н. э. город Ла(ху)вацантия (MEG, 2—3, р. 318). Интересно, что в надписи форма названия «страны» не единственная; знак № 67 в шести случаях написан один раз, а в одном случае—два раза.

31. Согласно Дж. Милларду, о глубокой древности *Karahuyuk*-а свидетельствует фрагмент ассирийской надписи, где упомянут царь Субарту Ari-Tesub (Fragments of Historical Texts from Nineveh: Middle Assyrian and Later Kings. Iraq, vol. XXXIII, P. 2, 1970, р. 172); опираясь на вероятность идентичности Ари-Тешуба с Ярра/итархунтасом, он относит правление последнего к середине XII в. до н. э., с чем не согласен Д. Хокинс (Iraq, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, р. 82).

32. Интерпретация слова (или двух слов?) 234(-)263-tanas пока еще невозможна; судя по контексту—это существительное.

33. Некоторые исследователи склонны помещать этот город восточнее, в Аждадаге, на месте совр. города Арка (*Astour M.*, The Arena of Tig-lath-pileser III's campaign against Sauri II (743), Assur, vol. 2, issue 3, 1979, р. 5, п. 32).

34. *Meriggi P.*, MEG, 2—3, № 102+MEGT, Tav. VIII.

35. После сличения надписи с оригиналом Д. Хокинс реконструирует здесь знаки 109-125-zi, т. е. название города Мелид, что несколько меняет предлагаемый нами перевод; вместо «и город [. . .] я посадил», он читает: «и (городу) Мелиду я дал основаться (там)» (*Hawkins J. D.*, *Morpurgo-*

Davies A., On the Problems of Karahani: the Hieroglyphic Text, *An. St.*, vol. XXVIII 1978, pp. 19-111).

36. П. Мериджи сравнивает это слово с 2 8. 1-*ia*-*ni*-*sa*: 248. 2-*li*-*ia*-*na* (с учетом новых чтений — А. К.) (NHG, S. 218; MEG, 2-3, p. 40) и возводит к глаголу *waliwaniwa* „презвест и б, прогнать и восхвалять“ (NHG, S. 137).

37. Вероятнее всего, оба «города» следует понимать как «страны/земли», так как в первом из них, на наш взгляд, присутствует суффикс *-wani-*, т. е. в данном случае подразумевается «страна/земля X-а/ов», или же они представляют собой обычные формы с суффиксом принадлежности (об этом см. четвертую главу).

38. Говоря о возможности соприкосновения двух царств, мы основываемся на некоторых фактах, свидетельствующих о том, что, вероятно, вплоть до конца X в. до н. э. границы Каргамиса могли достигать до гор Киликийского Тавра на севере (см. раздел «Каргамис»).

39. *Kölnkai* = NHG, 2-3, p. 10-11; *Tav. IX*; *Gözlü* = MEG, 2-3, № 97 + MEGT, Tav. VI.

40. Значение глагола неясно (см.: *Meriggi P.*, MEG, 2-3, p. 31-33).

41. *Lossert H. Th.*, *Das hebräische Felsenschrift aus Syrien* (Göteborg), *Orientalia*, vol. 23, 1954, S. 135.

42. См.: *Косян А. В.*, Позднехеттское царство Мелид, ВОНА, 1984, № 6, (на арм. яз.), с. 68 и прим. 44.

43. О границах Мелида до IX в. до н. э. см. ниже.

44. *Meriggi P.*, MEG, 2-3, p. 10-11; *Tav. VII*.

45. *Meriggi P.*, MEG, 2-3, № 97 + MEGT, Tav. VII.

46. Слово 485-й является эпитетом города 57-й (Laroche E., NHG, № 81, p. 243).

47. С помощью этого знака в иероглифическом письме передаются предлоги *kata* и *an* „под“ (Laroche E., 1961, pp. 5-6-7).

48. *Meriggi P.*, NHG, S. 72.

49. *Арутюнян Н. В.*, Хорхорская летопись Аргишти I, ЭВ, VII, 1953, с. 92; также *Меликшивили Г. А.*, УЖН, № 127, II, 18.

50. *Арутюнян Н. В.*, Библия, Ереван, 1970, сс. 203-207; он же, ТУ, с. 100.

51. *Luckenbill D.*, 1903.

52. Обычай древневосточных царей обозначать страны по их городам, а не по этническому принципу — вполне нормальное явление. Ведь и цари Мелида обозначали свое царство по названию столицы.

53. *Luckenbill D.*, 1903, § 26 no. 1. Ландсбергер локализовывал Камману на месте совр. селения Узун Яйла, близ Гюрюна (Sam'al, s. 20, Anm. 40); П. Мериджи также был склонен к отождествлению иерогл. Камани с ассир. Камману, и полагал, что Камани мог находиться на месте совр. города Даренде, где была обнаружена наша надпись (MEG, 2-3, p. 36).

54. При решении этой проблемы есть полная вероятность отождествления Камана/Камману с известным по клинописным источникам культурно-религиозным центром II тыс. до н. э. городом Куммани—античной Команой Катабнской (Goetze A., *Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography*, New Haven, 1940, p. 9 ff.; *del Monte G. F., Tischler J.*, OGH, S. 211—216, 221). Этот город вполне мог дать название целому царству, тем более, что он находился в составе Мелида. На такое объяснение как будто указывает и эпитет 485-II.

55. Meriggl P., MEG, 2—3, № 119+MEGT, Tav. XII.

56. Слово ira—необъясненный эпитет бога Рунтияса (см.: Hawkins J. D., *Am. St.*, vol. XX, 1970, p. 100).

57. Meriggl P., MEG, 2—3, №№ 105—118+MEGT, Tav. IX—X.

58. Meriggl P., MEG, 2—3, № 99+MEGT, Tav. V.

59. Арутюнян Н. В., ТУ сс. 140—141.

60. Luckenbill D. D., ARAB I, §§ 610, 636, 638, 641, 674, 686, 690.

61. Меликишвили Г. А., УКН, № 39.

62. Арутюнян Н. В., Бнайишли, сс. 163—172.

63. Арутюнян Н. В., ЭВ, сс. 90—93; он же, Бнайишли, сс. 203—207. Дагы правления Аргашти I приводятся по Г. А. Меликишвили (УКН, сс. 245—246); однако ср. датировку И. М. Дьяконова (Рец. на кн.: Г. А. Меликишвили, *Наири-Урарту*, ВДИ, 1956, № 2, сс. 69—71).

64. Luckenbill D. D., ARAB I, §§ 769, 797; хотя около 760 г. до н. э. был предпринят еще один поход урартов на Мелид (о подробностях похода см.: Арутюнян Н. В., Бнайишли, сс. 239—241).

65. Luckenbill D. D., ARAB I, §§ 769, 772, 800.

66. Там же, II, §§ 79, 92, 99.

67. Там же, II, §§ 26, 60.

68. См.: Дьяконов И. М., ПАН, сс. 182—189; он же, ВДИ, 1981, № 2, сс. 47—63.

69. Luckenbill D. D., ARAB II, §§ 27, 45.

70. Там же, II, §§ 329, 340.

71. Дьяконов И. М., АВИНУ. II, ВДИ, № 3, текст № 68 д; он же, ПАН, сс. 169—172.

72. Здесь и всюду мы применяем термин «Табал» в качестве географического обозначения обширного региона севернее Киликийского Тавра, хотя в текстах Салманасара III и Саргона II «Табал» иногда применяется для обозначения одного из царств этого района—Бит-Буруташа (также Бит-Буритиш и Бит-Нарута).

73. Все же, судя по свидетельствам ассирийских источников и расположению иероглифических надписей, Табал обозначал довольно обширный район, обрамленный озером Туз (на западе), районом изгиба Кызыл-Ирмака (на севере) Киликийского Тавра (на юге) и районом города Кайсери (на востоке)

(см.: *Khazaradze N. V.*, Remarks on the Ethnocultural Description of Eastern Asia Minor, AA, Tomus XXII, fasc. 104, 1974, p. 429; *Wäfler M.*, Zu Status und Lage von Fatāl. Or., vol. 52, 1983, fasc. 1, S. 191—192).

74. *Luckenbill D. D.*, ARAB 1, §§579, 682: согласно тексту, царь Табала добровольно принесся дань Салманасару III, когда тот напал на Мелид.

75. Там же, § 588.

76. Там же, §§ 772, 801. Подробно об ассирийских источниках, касающихся Табала, см. в статье М. Вефлера в Or., vol. 52, fasc. 1, 1983, S. 182—183.

77. Надписи Табала опубликованы в книге П. Мериджи: MEG, 1, №№ 3, 4, 7, 17—18, 25—27, 30, 31; MEG, 2—3, №№ 25, 26, 29, 30, 32—34, 63—65, 67—72, 76, 78, 87—92; из архачинских—№№ 93, 94, 94а. Среди них есть некоторые, изучение которых затруднено ввиду серьезных повреждений. После выхода в свет книги П. Мериджи, были изданы три надписи—*Aksaray (Poletto M.*, Osservazioni sull'iscrizione luvio-geroglifica di Aksaray, в кн.: *Serta Iudogermanica*, 1932, p. 275—284), *Kululu XII* (она нам недоступна) и *Kululu XIII (Kalaç M.*, Die Stele aus Kululu (XIII), An. Ar., Bd. X, 1986, S. 359—366, Taf. I—III).

78. Из этой схемы выпадает недавно обнаруженная надпись из Аксарая (см. ниже), составленная монументальным стилем, известным из Северной Сирии в X—VIII вв. до н. э. Предполагается, что различия в стиле знаков связаны с местными особенностями письменной традиции, а не являются результатом различных хронологических уровней (*Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXIX, 1979, p. 164).

79. Впервые Х. Боссерт (MIO, Bd. II, Heft 1, 1954, S. 83), а затем и некоторые другие ученые отметили, что имя Туватис упоминается в тексте Архитти I в связи с походом 783 г. до н. э. (*Меликишвили Г. А.*, УДК, № 127, II) (*Orthmann W.*, USK, S. 218; *Diakonoff I. M.*, *Kashkal S. M.*, GNAUT, p. 85), и что оно является дивестическим именем в Табале (*Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXIX, 1979, p. 164; *Diakonoff I. M.*, *Kashkal S. M.*, там же, p. 85). Согласно М. Вефлеру, урарт. Туаге и иро л. Тувагис—одно и то же лицо (Or., vol. 52, fasc. 1, 1983, S. 190). Есть мнение о том, что под урарт. Туаге подразумевался царь Мелида Туватис (*Laessle J.*, A Statue of Shalmaneser III, from Nimrud, Iraq vol. XXI, 1959, p. 155). Отметим, что последнее мнение маловероятно.

80. *Kululu I*=MEG, 1, № 18; *Çiftlik*=MEG, 2—3, № 34+MEGT, Tav. II.

81. От места находки *Kululu I* (северо-восточнее Кайсери) до города Чифтлик (северо-западнее города Нигде) примерно 150 км. Это свидетельствует о том, что царство Туватиса занимало район, расположенный южнее изгиба реки Кызыл-Ирмак.

82. *Luckenbill D. D.*, ARAB 1, §§ 772, 801.

83. *Meriggi P.*, MEG, 1, № 31, Tav. XIII.

84. *Meriggi P.*, III, S. 119.

86. В настоящее время нет единого мнения о характере знака, который присутствует при написании этого топонима; И. Гельб, Х. Боссерт (MIO, Bd. II, Heft 1, 1954, S. 83) и П. Мериджи (NHG, № 395, S. 234, 96) читают его как wi? и сравнивают топоним с ассир. Бит-Буруташ (также Б. Ландсбергер в кн.: Sam'al, S. 20 App. 39). Э. Ларош склонен прочесть знак как zu (NH, № 432, p. 223—224). Сведения, содержащиеся в *Topada*, как будто противоречат чтению большинства ученых, во всяком случае сравненно с Бит-Буруташ (см. ниже); Э. Ларош сравнивает Парцу(н)та с хетт. URU Par(a) šunda (NH, p. 224).

87. О чтении этих имен и идентификации их носителей см.: *Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXIX, 1979, p. 165.

88. Значение глагола неясно; знак № 288 обозначает слово «колесница» (*Laroche E.*, NH, № 288, p. 149—150).

89. Перевод «сила» (*Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXV, 1975, p. 141, № 43) для WAPPI -200-na = warpin (вин. ед. ч.) не имеет параллелей, к тому же в следующем предложении для «силы» употреблено обычное muwita (*Hawkins J. D.*, там же, p. 143).

90. Имена и функции двух последних богов неизвестны.

91. *Luckenbill D. D.*, ARAB I, §§ 772—801.

92. *Laroche E.*, NH, p. 224; также *Garstang J.*, *Gurney O. R.*, GHE, p. 64. К сожалению, название города ASU-258^{URU}, упомянутого в *Topada*, вероятно в качестве города страны Парцу(н)та, не поддается интерпретации.

93. *Kayseri* = MEG, 2—3, № 67+MEGT, Tav. IV; *Sultanhan* = MEG, I, № 30, *Savasa* = MEG, 2—3, № 36+MEGT, Tav. VI.

94. В *Savasa* с уверенностью можно прочесть только часть поврежденного вступления: «131-138-tawa/is, сын Татаса, слуга Великого царя Васусармаса» (1).

95. Сохранились два знака, передающих конец имени составителя надписи: [...]-ta-sa¹ (1).

96. Перед термином)E.KI (atalasi стоит, вероятно, эпитет LITJUS-zi; этот термин в других надписях не встречается.

97. После двухязычной надписи *Karatepe*, *Sultanhan* — самая большая из всех ИЛ надписей, и, к счастью, сохранилась без существенных повреждений. Отметим несколько необычную конструкцию текста; повествование о деятельности Сарвативараса и Васусармаса часто перемежается формулами проклятия.

98. Этот эпитет интерпретируется как «виноградник», т. е. «Тархунтас виноградишка» (*Meriggi P.*, NHG, S. 136); также *Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXX, 1980, p. 147) или как «Винный Тархунтас» (*Laroche E.*, NH, № 169. I, p. 86).

99. Изучение этой надписи представляется излишним, так как оно пригодно лишь для исследования культовых обрядов и функций богов.

100. См. Главу II, прим. 76.

101. Вступление надписи гласит: «Я, Рувас, слуга Туватиса» (1).

102. Согласно М. Калачу, Туватис, сюзерен Руваса, правил примерно в 80—60-х годах VIII в. до н. э. (An. Ar., t. d. X, 1933, S. 364—366).

103. Luckenbill D. D., ARAB. I, § 8:2.

104. Там же, II §§ 24, 25, 55.

105. Kalaç M., An. Ar., t. d. X, 1936, S. 366.

106. Hawkins J. D., An. St., vol. XXIX, 1979, p. 163.

107. Эта категория надписей, к которой относятся *Maras II, Sheizar, Kululu II*, изучена в статье Д. Хокинса: Mesopotamia, 8, 1979, pp. 213—225. К этой категории, несомненно, относится также *A 1b*.

108. Эпитеты в ИЛ обычно употребляются препозитивно.

109. См. раздел «Каргамис».

110. Luckenbill D. D., ARAB I, §§ 772, 801.

111. См.: Hawkins J. D., An. St., vol. XXIX, 1979, p. 163.

112. Надпись сына Варпалаваса—Мувахараса, обнаруженная относительно недавно в Нигде, недоступна нам.

113. Meriggi P., MEG, 2—3, № 32+MEGT, Tav. II.

114. Реконструкция наша основана на появлении во многих нероглифических надписях стоящей сразу после вступления трафаретной фразы типа «Бог(и) мне то-то дал(и)».

115. Meriggi P., MEG, II, I, № 1.

116. Laroche E., NH, № 35, p. 23.

117. *Bor* = MEG II, 2—3, № 30+MEGT, Tav. I; *Ivritz I A—B* = MEG, 2—3, № 7; *I C* = MEG II, 2—3, № 25+MEGT, Tav. I; *II* = MEG, 2—3, № 26+MEGT, Tav. II.

118. Появление имени «Тархунтаса виноградаря» как в *Bor*-е, так и в *Sultanhan*-е (см. выше), вкупе с сообщением о насаждении виноградников, явно говорит о большой роли виноградарства в этой области. В надписях других царств Тархунтас с таким эпитетом больше не встречается.

119. Meriggi P., MEG II, I, № 25.

120. Имя составителя надписи долгое время читалось как Тархунтас (*TRH-hu-n á+š²-i-s-à*) и сравнивалось с именем последнего царя Меллида (Meriggi P., NHG, S. 122); о нынешнем чтении и интерпретации знака № 378—*LIUUS* см.: Hawkins J. D., *Kidm's*, Bl. XIX, Heft 2, 1980, pp. 123—142.

121. В надписи, обнаруженной западнее Кайсерии (*Eg'rek*), составитель носит имя Тархуварис; палеографически *Eg'rek* могла быть составлена в середине VIII в. до н. э., т. е. отец автора *Botkarmaden*-а и составитель *Eg'rek*-а могут быть идентичны. Это тем более вероятно, так как судя по

сообщению Тархунацаса, Варпалавас отдал ему земли, т. е. его предки, в данном случае отец, если и имел какие-то владения, то скорее всего в другом месте, нежели в районе Болкармадена.

122. Этот титул отсутствует в титулатуре Варпалаваса (*Bor*), где на его месте фигурирует «герсй».

123. *Hulin P.*, Iraq, vol. XXV, 1963, p. 67.

124. *Hawkins J. D.*, A Hieroglyphic Hittite Inscription from Porsuk, An. St., vol. XIX, 1961, pp. 90—109, Plate IX; также *Meriggi P.*, MEG, 2—3, № 29—MEGT, Tav. I.

125. Перевод и интерпретация текста содержится в статье Д. Хоккинса: An. St., vol. XIX, 1969, pp. 99—109.

126. Причиной такого предположения послужило сравнение упоминаемой в ассирийских источниках горы Tuppī с хетт. Duppa, с одной стороны, и с античным городом Duppna/Dana, с другой стороны, со страной (A) туна ассирийских источников (*Forrer E.*, PAR, S. 72; *Houwink Ten Cate Ph. H. J.*, LPG, p. 21; *Hulin P.*, Iraq, vol. XXV, 1963, pp. 66—67).

127. *Hawkins J. D.*, An St., vol. XXXIX, 1979, p. 166; основанием для новой локализации послужило отождествление имен составителя надписи и его отца в *Bog'ca*—Куртиса и Аскупнуса, с известными из текстов Тиглатпаласара III и Саргона царями (A) туны—Курти(старое чтение—Матти) и Ушхитти (*Morpurgo-Davies A.*, *Hawkins J. D.*, The Hieroglyphic Inscription of Bog'ca в кн.: *Studia Mediterranea*, Pavla, 1979, pp. 339—390). Соображения насчет южной локализации (A) туны были высказаны еще раньше (*Postgate J. N.*, *Assyrian Texts and Fragments*, Iraq, vol. XXV, 1973, pp. 30—32). О. Герни предлагает

идентифицировать (A) туну с хетт. URU Adunuwa (editorial note to Hawkins J. D. in An. St., vol. XXIX, 1979, p. 167).

128. *Luckenbill D. D.*, ARAB II, §§ 25, 55.

129. Там же, §§ 7, 55.

130. *Meriggi P.*, MEG, I, № 27, Tav. X; новейшее издание надписи см. в статье А. Морпурго-Дэйвис и Д. Хоккинса в *Studia Mediterranea*, Pavla, 1979, pp. 387—405, Fig. 1—2.

131. Имена царя и его отца могут быть прочтены несколько по-иному, если учитывать особенности иероглифической графики, Ku+ra/i -ti- sa, т. е. Курантис, и тогда можно подыскать ему древнеанатолийскую параллель в первом компоненте имени Kuranta-ziti (*Laroche E.*, NH, N 641), который, возможно, восходит к канпад. Kura (с присоединением суффикса -nt-) (*Laroche E.*, указ. соч., № 639 и p. 244). Если верно предположение о том, что знак REL (и REL₂) может иметь неопределенную огласовку (*Morpurgo-Davies A.*, The Luwian Languages and the Hittite -hi Conjugation, в кн.: *Festschrift Szemerényi*, vol. II, 1979, pp. 586—587), то Á-sa-REL₂-si-sa⁴ следует читать не как

Аскусус, а Ас (а) хасис: весьма интересно отождествление *asha-* с анатолийским ономастическим формантом. *aska-* (*Laroche E.*, NH, p. 338).

132. *Hisarcik I* = MEG, 2-3, № 68+MEGT, Tav. II; *Hisarcik II* = MEG, 2-3, № 69+MEGT, Tav. III.

133. *Poetto M.*, Serta Indogermanica, p. 275-234.

134. Перевод Д. Хокмиса (*Kadmos*, Bd. XIX, Heft 2, 1980, p. 139). К сожалению, интерпретация текста надписи в настоящее время неполная, поэтому мы ограничились изучением наиболее ясных отрывков.

135. *Luckenbill D. D.*, ARAB II, §§ 7, 55.

136. *Meriggi P.*, MEG, 1, № 26, Tav. IX.

137. *Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXIX, 1979, p. 167.

138. В нашей надписи налицо единственное употребление глагола *hata-* значение которого до сих пор не уточнено. Предлагаемый нами перевод «вырезать» вытекает из сравнения *hata-* с хетт. *ḫattā-* «рубить, сечь, (от) резать» (*Friedrich J.*, HW, S. 34). В ИЛ надписях, кажется, сохранилась итеративная форма этого глагола только в каргамисской надписи *A Ia* в форме *hahata-* (редупликация первого слога), где контекст располагает к принятию рубящего, разрушающего значения.

139. Значение глагола неизвестно (см.: *Meriggi P.*, IIIIG, S. 116).

140. Все предложение недоступно для перевода.

141. *Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXIX, 1979, p. 167.

142. *Meriggi P.*, MEG, 2-3, № 78+MEGT, Tav. IV.

143. *Meriggi P.*, MEG, 2-3, № 72+MEGT, Tav. IV.

144. По тому, как во вступлении есть существенные повреждения, трудно сказать, кем приходится составитель надписи: а) правнуком чьего-то брата или б) правнуком Ат(а)ласа, так как в данном случае возможны два объяснения для сочетания DUMU-las) 196(-*sukalas* (о чтении *A* ((a)las) для DUMU-las см.: *Morparg-Davies A.*, Antlogy and the an-Datives of Hieroglyphic Luwian, An. St., vol. XXX, 1980, p. 126).

145. *Meriggi P.*, MEG, 1, № 17; также *Hawkins J. D.*, Mesopotamia, vol. 8, 1979, pp. 220-223.

146. Это одна из редких в нероглифической эпиграфике надписей такого характера, о чем см.: *Hawkins J. D.*, указ. соч., pp. 213-225

147. *Kululu III* = MEG, 2-3, № 87+MEGT, Tav. V; *Kululu IV* = MEG, 2-3, № 89+MEGT, Tav. V; *Kululu IX* = MEG, 2-3, № 93+MEGT, Tav. XLIX; *Kululu X* = MEG, 2-3, № 94+MEGT, Tav. L; *Kululu V-VIII* не опубликованы;

148. *Erkilet I* = MEG, 1, № 4; *II* = MEG, 1, № 3.

149. Хухасармас носит титул «putilis (бора) Марутикаса (семит. Мардук, Меродак); вероятно, это религиозный титул (*Laroche E.*, NH, № 328, p. 170).

150. *Çatavverdi I* = MEG, 2-3, № 33+MEGT, Tav. III; *II* = MEG, 2-3, № 64+MEGT, Tav. III

151. В *Çalapverdi I* сохранился только детерминатив города, а в *Çalapverdi II* фигурируют два города: HARNIS-ni-251-496^{URU} и x-x-sa^{URU} (1).
152. Meriggi P., MEG, 2—3, № 70 + MEG I, Tav. IV.
153. Meriggi P., MEG, 2—2, № 33 + MEG I, Tav. II.
154. Wäfler M., Or., vol. 52, fasc. 1, 1933, p. 192.
155. *Hawkins Ten Cate Ph. H. J.*, L.P.G., p. 191f.; *Hawkins J. D.*, Uilakku, в кн.: RIA, Bd. IV, Lief. 6/7, 1975, p. 402.
156. *Luckenbill D. D.*, ARAB I, §§ 769, 797.
157. Там же, §§ 772, 801.
158. Об этом см. выше.
159. *Luckenbill D. D.*, ARAB I, §§ 772, 801.
160. Правда, Тиглатналасар III сообщает о Васусармассе, но, согласно *Topada*, Тувана и Шинухту являлись союзниками Бит-Буруташа.
161. Существуют разногласия относительно превращения Куэ в провинцию, о чем см. в разделе «Куэ».
162. *Luckenbill D. D.*, ARAB II, § 55.
163. Там же, § 25.
164. Там же, §§ 7, 35; царем Шинухту назван Киякки, известный из *Topada* и *Aksaray*.
165. Там же, §§ 25, 55.
166. В письме, адресованном Саргоном II своему наместнику в Куэ (*Postgate J. N.*, Iraq, vol. XXXV, P. 1, 1973, pp. 13—36) содержится сведение о нападении (А)туны и Ишту(а)нды на Бит-Буруташ. В письме упоминается также царь Туваны Урбалла (т. е. Варпалавас).
167. О событиях, имевших место в Табале между 718 и 705 гг. до н. э. см.: *Postgate J. N.*, указ. соч., pp. 32—33 и *Wäfler M.*, Or., vol. 52, fasc. 1, 1933, pp. 184—186. Дж. Постгейт выражает сомнение по поводу того, что район центрального Тавра к 709 г. до н. э. был аннексирован Ассирией. Конечно, экспансия Ассирии в Табале хотя и была интенсивной и продолжительной, но все же не имела полного успеха. Вероятно, соседство Фригии не давало ассирийцам возможности полностью аннексировать эту область.
168. За исключением, возможно, *Kululu XIII*; не исключено, что среди перечисленных нами надписей без имен их составителей могут быть и более поздние, но в настоящее время их точная датировка невозможна.
169. Кроме иероглифических надписей хеттской эпохи из предполагаемой территории Табала и соседних областей, которые сохранили прямые сведения о своих составителях, существует также группа надписей, принадлежавших некому Хартапусу, носящего титул хеттских царей «Великий царь» — *Kataaag' I—II* (MEG II, 2—3 №№ 12—13 + MEG I, Tav. I и *Kizildag' I—V* (MEG II, 2—3 + MEG I, Tav. I—II). В последнее время в ряде своих публикаций грузинский хеттолог Н. В. Хазарадзе пытается доказать, что указанная группа надписей отно-

сится примерно к X—IX вв. до н. э. (Этно-политическая история древней Грузии (Москва), Автореферат докторской диссертации, Тбилиси, 1985, сс. 27—28 и сл.; Этно-политическая история древней Грузии (Москва), Тбилиси, 1985). Сама эта идея не нова (Laroche E., НН, р. 250 и сл.) и вопрос о ее справедливости или ошибочности может быть решен лишь после более глубокого анализа всех доступных науке фактов: однако вызывает определенные сомнения аргументация, с помощью которой автор «доказывает» позднюю, послехеттскую принадлежность всех семи надписей. Вот что пишет Н. В. Хазарадзе: «Палеографический, композиционный, стилистический и грамматический анализ надписей, содержащих и не содержащих термин «страна мушков», показывает, что они проявляют большое сходство с лувийско-нероглифическими памятниками эпохи Нового царства хеттов (относительно нероглифических надписей хеттской эпохи уместнее применять термин «хеттский нероглифический», так как они составлены хеттскими царями.—А. К.),... и существенно отличаются от ИЛ-х текстов царей поздnehеттской эпохи, что позволяет датировать их эпохой Нового царства хеттов (XIV—XIII вв. до н. э.). Однако изучение указанных источников с точки зрения истории II тыс. до н. э. приводит нас к заключению, что такая датировка вызывает существенные возражения. К подобному же выводу приводит нас художественно-стилистический анализ изображения Хартану, засвидетельствованного рядом с Бурункайской надписью. Хотя точная аналогия этого изображения еще не известна, общим видом и некоторыми характерными деталями оно проявляет большую близость к ранним скульптурным рельефам поздnehеттской эпохи (Каркемиш, Зинджирли), чем эпохи Нового царства хеттов (Язылыкая, Аладжахююк, Фрактин). Все это дает возможность датировать изображение Хартану не ранее, чем 40—30 гг. до н. э. и не позднее, чем начало IX в. до н. э., а следовательно, страна мушков, которой управлял Хартану, образовалась в конце «темной эпохи» (Н. В. Хазарадзе, Автореферат..., там же). Шаткость подобной аргументации, а также весьма

спорное чтение первого знака в названии страны Muṣ-ṣa-ka-za^{KUR} в Kizildag^{IV} делают выдвинутое предположение Н. В. Хазарадзе малообоснованной и неприемлемой с точки зрения методики изучения ИЛ эпиграфики. Детальный анализ всех восьми надписей Хартануса, проделанный нами недавно (работа уже завершена и в скором времени будет подготовлена к печати), дает полное основание для их отнесения к периоду XII—XI вв. до н. э. Более того, материал этих надписей, с учетом места их обнаружения, довольно определенно указывает на то, что в лице царства Хартануса мы имеем дело с неким крупным политическим объединением, возникшем в юго-восточной Малой Азии через некоторое время после распада Хеттского государства. При этом важно отметить, что западная часть позднего Табала совпадает с районом, где были обнаружены надписи Хартануса. Сказанное означает, что царство Хартануса и царство мушков (т. е. поздняя Великая Фригия) не идентичны.

170. Здесь имеются в виду не вообще все надписи, а только царские, которые составляют большинство в ИЛ эпиграфике.

171. Об этом как будто говорит и палеографический анализ надписей Табала. Большинство этих надписей составлено упрощенным стилем (см. первую главу), но здесь имеются также надписи, стиль знаков которых явно не соответствует VIII в. до н. э.; знаки *Aksaray*-а весьма схожи со знаками надписей Каргамиса эпохи династии Астуватаманцаса (вторая половина X в. до н. э.), *Torada* и *Suvasa* составлены архаичными знаками, восходящими к концу II тыс. до н. э. Похоже, что такие анахронизмы свидетельствуют о довольно позднем применении иероглифического письма в Табале.

172. *Lucienbill D. D.*, ARAB I, § 5-9.

173) Там же, § 610.

174. Там же, §§769, 772, 797, 801.

175. Там же, II, §§ 29, 61, 79.

176. Надписи Гургума изданы в книге П. Мериджи: MEG II, 1, №№ 32—33, MEG II, 2—3, №№ 133—134, 136—143. Следует отметить, что царские надписи обнаружены только в Мараше. Надписи с предполагаемой территории этого царства ничего не сообщают об отношениях их составителей к царям Гургума, поэтому их изучение в настоящее время почти ничего не добавляет к исследованию истории Гургума. Так, из-за скудости материала не поддаются интерпретации маленькие фрагменты надписей—*Karabırcı* (MEG II, 2—3, № 145+MEGT, Tav. XVI) и *Gaz antep I, II* (MEG II, 2—3, №№ 150—151+MEGT, Tav. XVI). Еще одна надпись—*Hacı Bebekli*, нуждается в сравнении с оригиналом. В настоящее время трудно определить и принадлежность к Гургуму архаичной надписи *Kürtöl*, обнаруженной в 30 км к северо-западу от Мараша (см. паж 2).

177. См.: *Orthmann W.*, USK, S. 34—50.

178. Список царей Гургума содержится в статье Д. Хоккинса: *Iraq*, vol. XXXVI, P. 1/2, 1954, pp. 73—74.

179. *Meriggi P.*, MEG, II, 1, № 33, Tav. XV.

180. Чтение этого имени связано с трудностями, так как нет единого мнения о характере знака № 178; Э. Ларон (NH, № 178, p. 94) и П. Мериджи (NHG, № 181, s. 206) рассматривают его в качестве лигатуры 'a+ı (после нового чтения второго знака лигатура должна читаться как 'a+za), поэтому и предлагалось чтение Ланмас. Д. Хоккинс выдвигает предположение о возможности появления в лице этого знака некой лигатуры 'a+ga/i—ā, и читает имя гургумского царя как Ларамас, сравнивая ее с ассир. ^m*Palatam* (An. St., vol. XXVIII, 197, pp. 104-105) Но в последнем случае остается необъясненным появление начального ra- в ассирийском форме.

181. *Meriggi P.*, MEG II, 1, № 32+MEGT, Tav. XIV.

182. Несколько непонятно отсутствие имени деда Халпарунтияса II в *Maraş IV*, хотя он упоминает своего прадеда—Муванцаса.

183. *Meriggi P.*, MEG II, 2—3, № 139+MEGT, Tav. XV.

184. Имя этого царя можно сравнить с именем одного из первых каргамисских царей—Астуватаманцаса (см. раздел «Каргамис»). Возможно, что после сличения можно будет реконструировать недостающие знаки для *-wa/i-ta-* в *Maras VIII*.

185. *Hawkins J. D.*, *Iraq*, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, p. 74.

186. Проводимый ниже список несколько отличается от списка в статье: *Hawkins J. D.*, *Iraq*, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, pp. 73–74; Д. Хоккинс не считает царя дедом отца *La+x-mas I (Maras VIII)*, а также сомневается в том, что *La+x-mas* в *Maras I* идентичен своему тезке из *Maras VIII*. Последние два царя Гургума известны только из ассирийских источников.

187. Правление *La+x-mas I* Д. Хоккинс относит к первой половине X в. до н. э. (*Iraq*, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, p. 74).

188. Знаки, передающие этот глагол, несколько пострадали, но, вероятно, здесь фигурирует глагол *hatal-* «поко; ять» (*Meriggi P.*, *NIIG*, S. 55).

189. Эннот бога Тархунтаса с приблизительным значением «поместье, земля, владение (?)» (*Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXX, 1980, p. 147).

190. Название города Алеппо передано необычным способом—*I-á.f-wa/i-si(-na) URU* (кн. п. ед. ч. прилаг. из *-ast-*).

191. *Luckenbill D. D.*, *ARAB* I, §§ 610, 611, 647, 652–654, 659, 657, 681, 686, 691.

192. *Meriggi P.*, *MEG* II, 2–3, № 145+MEGT, Tav. XVI.

193. Здесь налицо несколько странная форма передачи имени бога Тархунтаса—*TRH-hu-si-sa*; о существовании в хетто-лувийских языках двух параллельных основ *Tarhu-* и *Tarhunt-* см.: *Laroche E.*, *Études de vocabulaire*, VII, *RHA*, vol. XVI, fasc. 63, 1958, p. 88–99.

194. Новейшее издание билингвы содержится в книге П. Мериджи: *MEG* II, 1, № 24; исправленный перевод см. в статье Д. Хоккинса и А. Морпурго-Дэвис: *An. St.*, vol. XXVIII, 1978, pp. 103–119. К сожалению, несмотря на довольно удачные автографы (*Bossert H. Th.*, *Die phönizisch-bethitischen Bilinguen vom Karatepe*, *Ar. Or.*, Bd. XVIII, Heft, 4, S. 10–42; *Steinherr F.*, *Die phönizisch-bethitischen Bilinguen vom Karatepe*, *MSS*, Heft 32, 1974, S. 103–148), отсутствие фотографий надписей заметно затрудняет ее изучение.

195. В настоящее время нельзя сказать что-либо определенное о причине почти полного отсутствия иероглифических надписей в равнинной Киликии (совр. плато Чукурова), тем более, что судя по именам царей Куэ, засвидетельствованных в ассирийских источниках, они являлись анатолийцами (т. е. хетто-лувийцами).

196. *Hawkins J. D.*, *Morpurgo-Davies A.*, *An. St.*, vol. XXVIII, 1978, pp. 103–114.

197. Раньше это имя читалось как Аситаиватас (*Laroche E.*, *HN*, № 20, p. 14; *Meriggi P.*, *NIIG*, s. 36–37), но после предложения нового чтения для знака №

377 оно приняло настоящий вид (*Hawkins J. D., Morpurgo-Davies A., Neumann G.*, NHT, pp. 20—21, 44).

198. Сравнительное изучение настоящего текста и надписей Яририса, царя Каргамиса начала VIII в. до н. э., позволило прийти к выводу, что Ацативатас и Яририс не были законными царями, но являлись скорее не узурпаторами, а регентами, в силу чего они и не носили царских титулов (*Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXIX, 1979, p. 160).

199. Ни в одной другой ИЛ надписи не присутствует такого разделения, где составитель сначала суммирует все свои деяния и только после этого переходит к повествованию. Вероятно, здесь сказывается урартское влияние.

200. Выдвинуто отождествление города Pa-lá-*ra*l. (va/i-ni-za URU с городом ^{al} Pa/ri, упомянутому Салманасаром III в Куэ (*Ussishkin D.*, The Neo-Hittite Enclosure in Karatepe, An. St., vol. XIX, 1953, p. 15; Meriggi P., NHTG, S. 91).

201. Не исключено, что правление Аварикуса оборвалось связи с нападением врагов или в результате восстания, и Ацативатас помог наследникам завладеть отцовским тронem.

202. Библиографию работ о датировке надписи см. в статье: *Ussishkin D.*, An. St., vol. XIX, 1953, pp. 121—122; также *Hawkins J. D.*, Karatepe, в кн.: RIA, Bd. V, Lief. 5/6, 1983, p. 411.

203. См.: *Ussishkin D.*, указ. соч., pp. 123—125.

204. Идентификация Аварикуса с Урик(и) поддерживается большинством ученых: *Bossert H. Th.*, Die Phönizisch-aramäischen Sprachen von Karatepe, *Bulleten*, XII, 1945, S. 531; *Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXIX, 1979, pp. 154—157 (Аварикус=Урикки эпохи Тиглатпалсара III, VIII в. до н. э.); *Barrett R. D.*, An. St., vol. III, 1953, pp. 53—95; *Gordon C.*, Azitawadd's Paeecian Inscription, *JNES*, vol. 8, 1949, pp. 108—109; *Ussishkin D.*, An. St., vol. XIX, 1953, pp. 121—137 (Аварикус=Ури(и), эпоха Салманасара III, IX в. до н. э.); от первого мнения принципиально не отличается датировка надписи временем Синаххериба (*Mellink M. J.*, Karatepe, More Light on the Dark Ages, *Bi. Or.*, vol. VII, 1950, pp. 141—150, конец VIII—начало VII вв. до н. э.) или Асархаддона (*Lévy I.*, Les inscriptions de Karatepe, *La Nouvelle Clio*, vol. 1—II, 1949—1950, p. 105—121, первая половина VII в. до н. э.).

205. Д. Усшикин считает невозможным применение финикийского письма в Киликии в конце VIII в. до н. э., когда в Северной Сирии наблюдалась арамензация (см. предыдущее прим.). Однако американская исследовательница А. Винтер довольно убедительно доказала, что финикийское влияние в Киликии, берущее начало с IX в. до н. э., с создания там финикийских колоний, продолжалось по крайней мере до VIII в. до н. э. К тому же она считает, что в отличие от соседних северносирийских лувийских царств, в Куэ арамензация не носила явного характера, в противоположность финикийскому влиянию.

которое основывалось на реальном факте наличия финикийского населения, чем и обуславливалось составление Ацативатасом параллельного финикийского варианта своей надписи (*Winter I., On the Problems of Karatepe: The Reliefs and their Context. An. St., vol. LXXIX, 1979, pp. 136—140.*

206. См. предыдущее примечание.

207. *Luckenbill D. D., ARAB I. §§ 577, 582, 583, 600.*

208. *Hawkins J. D., An. St., vol. XXIX, 1979, p. 156;* в 676 г. до н. э. Сандуарри был умерщвлен после того, как в союзе с царем Сидона восстал против Ассирии и был разбит (*Grayson A. K., Assyrian and Babylonian Chronicles, Locust Valley, 1975, p. 83.*

Глава III

1. В VIII до н. э. северо-западнее города Алеппо упоминается арамейское царство Бит-Агуси/Яхан. Свидетельством арамензации является также конец лувийской династии в Хамате.

2. Вплоть до последних лет в качестве названия этого города фигурировала библейская форма Каркемиш, хотя клинописные и собственные иероглифические источники не дают повода для этого (разные формы передачи названия этого города см.: *Hawkins J. D., Iraq, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, p. 69; Kargamis, в кн.: RIA, Bd. V, Lief. 5/6, 1980, p. 426.* Мы придерживаемся передачи названия города, соответствующей клинописным и иероглифическим написаниям (*Hawkins J. D., Kubaba at Karkamiš and Elsewhere. An. St., vol. XXXI, 1981, p. 147.*

3. *Hawkins J. D., Kargamis, в кн.: RIA, Bd. V, Lief. 5/6, 1980, p. 426.*

4. *Goetze A., The Struggle for the Domination of Syria (1400—1350 B. C.), в кн.: CAH, vol. II, Chapter XVII, Cambridge, 1965, p. 20.*

5. *Hawkins J. D., RIA, Bd. V, Lief. 5/6, 1980, pp. 429—434.*

6. Этот термин чисто условный; он обозначает носителей всех языков и диалектов хетто-лувийской языковой группы.

7. Краткое описание археологических находок из Каргамиса дано в книге: *Ortmann W., USK, S. 29—41.*

8. *Hawkins J. D., Iraq, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, p. 70.*

9. Каргамисские надписи изданы в книге П. Мериджи (MEG II, 1, 2—3). Множество фрагментов надписей, хотя и изданы в упомянутой книге, из-за сильных повреждений в настоящее время почти непригодны для изучения.

10. Четкого разграничения между двумя категориями, как было отмечено в первой главе, часто не наблюдается; стронительно-посвятительные надписи в большинстве случаев содержат историческую информацию. Сами «исторические» надписи скорее всего являются своего рода посвятительными надписями.

11. Значительное количество неидентифицированных фрагментов датируется лишь с помощью палеографического анализа и внутренней конструкции текста, если только позволяет материал. Некоторые из них пещарские; например, A 5a—«Цаханас, Солнцем освещенный(?) муж», A 18a—«Писамитис, izgwa-nis».

12. При установлении дат правления царей ученые вынуждены были руководствоваться довольно ненадежным принципом выделения для каждого царя примерно 15 лет правления, так как клинописные источники передают имена лишь двух каргамисских царей (см. ниже). Сравнительное изучение северосирийских рельефов с ассирийскими конца X—начала IX вв. до н. э. позволило М. Малловану датировать правление царей первой династии примерно двадцатью годами: позже, нежели предполагалось раньше (Mallowan M. E. L., *Carchemish*, *Arch. Stud.*, vol. XXI, 1967, pp. 61–63). Для новейшей датировки правления каргамисских царей см. также *Larsen J. D.*, *Iraq*, vol. XXXVI, P. 12, 1974, pp. 71–72. Пунктиры обозначают возможное существование других царей, не засвидетельствованных пока источниками.

13. Прежде это имя читалось как Талми-Тешуб (*Laroche E.*, *NH*, № 14.1).

14. Ассирийские источники упоминают лишь двух каргамисских царей—Сангара (в надписи A 7 встречается имя Si—ka—à+ra/i—sa, т. е. Си(н) карас, которое, видимо, и является правильной формой имени этого царя) и Писириса. Сангара не оставил никаких письменных или других свидетельств о себе.

15. Старое чтение имени этого царя—Арарас (*Laroche E.*, *NH*, № 115).

16. Имя Писириса восстанавливается в двух пострадавших надписях на основании палеографического и текстового анализа (см. ниже).

17. Отсутствие письменных источников для всего XI в. до н. э. не позволяет решить вопрос о связях Ини-Тешуба с первыми, засвидетельствованными иероглифическими источниками царями—Х-ра-зи́и и Уратархунтасом. Поэтому далее, говоря о «первых царях» Каргамиса мы, как правило, имеем ввиду первую династию, оставившую письменное свидетельство о своем правлении, но не Ини-Тешуба или его ближайших предшественников и потомков, которые пока неизвестны из каких-либо источников.

19. Об этом, в частности, см. статью Д. Хоккинса: *The Hittite Name of Til Barsip: Evidence from a New Hieroglyphic Fragment from Tell Ahmar*, *Arch. Stud.*, vol. XXXIII, 1983, p. 135, n. 15.

20. *Laroche E.*, *NH*, p. 239–241, 322–324.

21. *Meriggi P.*, *MEO* II, 2–3, № 15, +*MDOG*, *Tav.* XV.

22. Аналогичную титулатуру имеет и первый засвидетельствованный источниками царь Мелида Ярратархунтас (см. раздел «Мелида»).

23. Обычный титул каргамисских и других лувийских царей и правителей. Пока очень трудно определить его значение. Обычно трактуется как «судья, праведник» (*Meriggi P.*, *MDOG*, № 371, l. 198).

24. О возможности перехода власти от династии Уратархунтаса к другой см. ниже.

25. Meriggi P., MEG II, 2—3, № 177+MEGT, Tav. XX (также Hawkins J. D., An. St., vol. XIX, 1969, pp. 97—100).

26. Опираясь на обычную трактовку сочетания двух идеограмм по аналогии с шумер. KUR.EN предлагается перевод «господни/владыка страны» (Meriggi P., NHG, S. 172—173). Очевидно, здесь передано сочетание двух слов, а не одно слово; см. написание KUR-ni/ní EN-la-i-sa (A 11a, I), где KUR-ní имеет правильную форму род. п. ед. числа. Этот титул носили правители Мелида, Каргамиса и Куммуха (?). Видимо, KUREN заменял титул «царь», так как они никогда не встречаются вместе в титулатурах царей.

27. Этот титул обычно помещается сразу после имени царя.

28. Обратное явление налицо в Мелиде (см. раздел «Мелида»).

29. Об этом сооружении см.: Bossert H. Th., *Blt-hilani* und anderes, Or. vol. 30, fasc. 2, 1961, S. 199—202; Singer I., *Hittite hiltamar and Hieroglyphic Luwian hiltana*, ZA. Bd. 65, Heft 1, 1975, pp. 69—103, и т. д.

30. Все же нельзя судить о правлении Астуватаманцаса лишь на основании надписей Катуваса. Обычно цари, стараясь показать себя в лучшем свете, всячески умаляли достоинства своих предков. Подобные заявления об успешности правления здравствующего царя неоднократно встречаются в надписях из Каргамиса, Табала, а также в *Karatepe*; о противопоставлении «прошлое—негативно, настоящее—позитивно» см. в статье: Fales F. M., *Kilamuwa and the foreign kings: Propaganda vs. Power*, WO, Bd. X, 1979, pp. 7—9.

31. A 1a = MEG II, 1, № 29, Tav. XII; A 1b = MEG II, 1, № 16; A 14a = MEG II, 2—3, № 176+MEGT, Tav. XIX; *Kelekli*—MEG II, 2—3, № 157+MEGT, Tav. XVII.

32. Имя этого лица встречается дважды; в начале, где сообщается, что оно совершило злобное действие, и в конце, где оно передано как ^mNa-ta-ma-ga-ia (дат. п. ед. ч.); в первом случае—Na-ta-ni-ma-sa (им. п. ед. ч.). Кажется правдоподобным объяснение Д. Хоккинса, что во втором случае знак для иа лишь ошибочно вырезан под иа (Hawkins J. D., An. St., vol. XXII, 1972, pp. 88, 108—109). П. Мериджи вообще не склонен читать здесь личное имя (MEG II, 1, p. 112).

33. Мы придерживаемся перевода П. Мериджи (MEG II, 1, p. 113), учитывая неоднократно встречающиеся написание следующего типа: TIPAS d Tarhuntas—«Тархунтас Неба» или «Небесный Тархунтас». Изучение текста надписи A 1a и его сравнение с аналогичными пассажами из других надписей показывает, что «небесный» в A 1a определяет не город Парка, а является известным эпитетом бога Тархунтаса. Поэтому мы предлагаем отличный от существующих переводов вариант первого целевшего предложения: «И Хатанимас небесного нарканского Тархунтаса вырубил» (2) (см.: Kossian A. V., *The Epitaph of Celestine in the Hieroglyphic Luwian Inscriptions*, AF, Bd. XV, 1983, Lief. 1, S. 114—118).

34. Название этого города прочтено с некоторым сомнением (Pá?+ga/l-ka), так как пока еще нет надежной аргументации в пользу интерпретации знака № 462 как pā (*Laroche E.*, НН, р. 238; *Meriggi P.*, ННГ, № 128, S. 2.3). Д. Хоккинс даже сомневается в том, является ли этот знак началом названия города, предлагая весьма сомнительное чтение (CUP-sà (-) pā?+ga/l-ga-wa/i-ná-na (CITY) (по новому чтению—CAELUM-sà(-) pā?+ga/l-ka-wa/i-ní-na URBS), хотя знак sà-скорее всего фонетический компонент идеограммы «б» (фонетическое чтение te/iras—*Meriggi P.*, ННГ, S. 123—133). Недавно Д. Хоккинс выказал сомнение из-за чтения знака № 432 в качестве pā (*An. St.*, vol. XXXIII, 1983, p. 135, n. 15).

35. Под «этими богами» подразумеваются боги, изображенные на «Длинной стене скульптур», одного из сооружений в Каргамисе (*Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXII, 1972, p. 110).

36. О чередовании u:wa см.: *Meriggi P.*, MEGG, p. 21, § 28.

37. *del Monte G. F.*, *Tischler J.*, OGHt, S. 97—99.

38. Случаи чередования z:s (*Kronasser H.*, EHS. I, S. 47—52) есть и в нероглифических надписях: 24—lāji-sa-tu (HMM 57.2): 24—lāji-za-tū (*A IIa, 6*).

39. *del Monte G. F.*, *Tischler J.*, указ. соч., S. 5. Несомненное чередование i:l в анатолийских языках не редкость (*Kronasser H.*, указ. соч., S. 61—65); об идентификации гор Mutl и Muñ в Киликии см.: *Huttn P.*, *Taq.*, vol. XXV, 1963, p. 67.

40. Вполне возможно, что сведения о внутривойсковой борьбе, содержащиеся в надписях Катуваса, каким-то образом связаны с войнами Сухиса II (см. ниже).

41. Здесь налицо трафаретные фразы типа «Они (т. е. боги—А. К.) моему отцовский скипетр (?) дали (3). «Они благословили мой образ» (7).

42. См.: *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXII, 1972, p. 95.

43. Исследователи склонны считать, что город Алеппо в начале I тыс. до н. э. входил в состав семитского царства Бит-Агуси/Яхан с центром Арпад (совр. Тель-Рифъат в 35 км севернее Алеппо) (*Hawkins J. D.*, *Taqab.*, вып. I: KIA, Bd. III Lief. 1, 1957—1971, p. 53). Это верно для середины VIII в. до н. э., хотя и с некоторыми оговорками, так как список городов Бит-Агуси, в состав которого специалисты склонны вносить и Алеппо, поврежден. Отметим, что наличие четырех надписей — *Aleppo II, Babylon I-III*, вероятно, составленных в этом городе на нероглифическом лувийском языке, явно свидетельствует в пользу анатолийского происхождения их составителей.

44. *A 2* = MEG II, 1, № 19, Tav. III; *A 3* = MEG II, 1, № 20, Tav. IV, *A 4d* = MEG II, 2—3, № 165+MEGT, Tav. XVII; *A IIa* = MEG II, 1, № 21, Tav. V; *A II b+c* = MEG II, 1, № № 22—23, Tav. VI—VII; *A 12* = MEG II, 2—3, № 173+MEGT, Tav. XVIII; *A 13d* = MEG II, 2—3, № 175+MEGT, Tav. XIX (также (*Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXXI, 1981, № 3, p. 154); *A 20a* = MEG I,

2-3, № 216 + MEGT, Tav. XXVI; A 21 = MEG II, 2-3, № 215 + MEGT, Tav. XXVI (также Hawkins J. D., *Am. St.*, vol. XXXI, 1981, № 2a, pp. 151-152); A 25a = MEG II, 2-3, № 221 + MEGT, Tav. XXVI. Возможно, что и несколько других надписей могли относиться к периоду Катуаса — A 15a = MEG II, 2-3, № 178 + MEGT, Tav. XX; A 15e = MEG II, 2-3, № 182 + MEGT, Tav. XX; A 16a = MEG II, 2-3, № 183 + MEGT, Tav. XX; A 290 = MEG II, 2-3, № 249 + MEGT, Tav. XXXI. По своим размерам и полезной информации две надписи (A 11a и A 11b+c) едва ли не самые лучшие из всех каргамисских надписей. Следует отметить, что надписи Катуаса выполнены знаками так называемого «северосирийского» стиля, который отличается четким и безошибочным выполнением знаков. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в отношении ИЛ письменности эпоху Катуаса следует считать периодом наивысшего расцвета этого письма.

45. Для *sihana* можно предполагать приблизительное значение «милый, приятный, улыбающийся» (Hawkins J. D., *Kadm.*, Bd. 19/2, 1980, p. 129).

46. Полное чтение имени этого бога — Купарама (?) (Laroche E., NH, № 165. 1); функции бога неизвестны, но его обозначение таким способом (идеограмма № 165 имеет значение «хорошо, хороший») подкрепляет настоящую интерпретацию.

47. Идеограмма № 160 трактуется как «виноград, вино» (Laroche E., NH, № 160, p. 85-86).

48. Это слово употреблено в им. п. мн. ч. (см. ниже).

49. Новейшее издание надписи см. в статье Д. Хоккинса в *Am. St.*, vol. XXX, 1980, pp. 139-151.

50. Hawkins J. D., *Am. St.*, vol. XXX, 1980, p. 148.

51. Слово 20-talis Д. Хоккинс рассматривает в качестве некоего сложного по образованию термина родства, где вторым элементом является *talis* «отец» (там же).

52. Чтение имени главаря восстания (Na⁵-nū-wa/i-ia-si, форма род. прил. на -asi-) не безупречно, так как фонетическое чтение знака № 447 — na⁵ (Laroche E., NH, № 447, 2, p. 230) основано лишь на засвидетельствованном в надписи *Topada* чередовании знаков na⁵:n(a) (новое чтение — ni).

53. Значение глагола не выяснено, но, судя по контексту, для него следует предполагать скорее негативное (разрушающее, уничтожающее), нежели позитивное значение (см.: Hawkins J. D., там же).

54. Из контекста явствует, что это прилагательное (Hawkins J. D., *Am. St.*, vol. XXX, 1980, p. 134).

55. Д. Хоккинс считает, что этот топоним образован с помощью суффикса —a/isi—, т. е. Иланис означает «иланский» (город или область). (Hawkins J. D., там же, p. 127).

56. Конечно, потомки Уратархунтаса и Катуаса могли состоять в определенных родственных отношениях и, наверно, термин «династическая борьба» не следует понимать в прямом смысле. Упоминаемые две стороны, вероятно,

являлись разными ветвями одного рода, но, к сожалению, степень их родственных отношений выражен неясным словом *20-tatis*.

57. При переводе слова *rihamis* мнения ученых разделяются. Конечно же, «титул» (*Meriggi P.*, NHG, S. 100) к нашему контексту никак не подходит. Скорее всего *rihamis* какое-то абстрактное существительное—«могущество, мощь, влияние» (*Laroche E.*, НН, № 200, р. 109), подводящее итог успешным войнам Катуваса.

58. Предположение Д. Хоккинса о том, что Кава, вероятно, соответствует Куэ ассирийских источников (*An. St.*, vol. XXV, 1975, р. 126), весьма правдоподобно.

59. Значительная часть разного рода сооружений в городе Каргамнсе приписывается Катувасу (*Hawkins J. D.*, Kargamis, в кн.: RIA, Bd. V, Lief. 5/6, р. 440).

60. См. надписи A 2,9; A 11a, 11; A 13 d, 2—3.

61. См.: A 11a, 16, 19, 20; A 11 b 15; A 11 c, 16; A 20a, 1. Слово переводится как «комната, помещение (?)» (*Meriggi P.*, NHG, S. 53) или «ярус» (*Laroche E.*, НН, № 247. 4, р. 132); один раз встречается со сложным детерминативом E.SAR «высокий дом» (A 11b, 15).

62. Причастие на —*mi*—, образованное от слова *ashar*; ср. хетт. *ešhar*: клин. лув. *ašhar* «кровь»; интерпретация «кровавое жертвоприношение» (или просто «жертвоприношение») хорошо согласуется с контекстом, так как далее упоминаются животные, назначенные для жертвоприношения определенным богам (*Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXXI, 1981, р. 151).

63. Буквально «хлеб», но это нельзя истолковать в прямом смысле; удобнее переводить все предложение как «В качестве *asharmis* этим богам я ежегодную пищу/пропитание (назначил)».

64. Как будто контекст располагает к рассмотрению слова в качестве разновидности овцы («эпитет/название сакральной овцы»—*Laroche E.*, НН, № 478, р. 241—242) или «овцы, предназначенной к сожжению в культовых целях» (*Meriggi P.*, NHG, S. 77).

65. *Grayson A. K.*, ARI II, §§ 473—476.

66. Ашшурнацирапал II (*Grayson A. K.*, ARI II, §§ 547, 553, 577—580, 582—584), Салманасар III (*Luckenbill D. D.*, ARAB I, §§ 567, 599, 600, 601, 610, 614, 651, 653). Согласно сообщению Ашшурнацирапала II, Сангара прислал ему довольно внушительную дань и предоставил в его распоряжение свое войско (Там же, § 602).

67. Не исключено, что между Катувасом и Сангарой правил еще один царь. К сожалению, в ассирийских источниках не сохранилось имя отца Сангары.

68. См.: *Hawkins J. D.*, Kargamis, в кн.: RIA, Bd. V8 Lief. 5/6, 1980, р. 443. Правда, Д. Ушшкин считает, что надпись A 1a (принадлежащая Сухису II), а также целый ряд сооружений, раскопанных в Каргамнсе, относятся именно к

Сангаре (An. St., vol. XVII, 1967, pp. 181—192), однако его доводы малоубедительны. Упомянутое в надписи Яририса, царя Каргамиса (А 7), лицо с именем Си(н)карас, не имеет никакого отношения к Сангаре, потому что первый из них является одним из младших братьев царя Каргамиса Каманиса (первая половина VIII в. до н. э.), т. е. он жил почти на сто лет позже Сангары, современника Салманасара III.

69. Хотя Салманасар III сообщает об участии Сангары в антиассирийской коалиции северосирийских царств (Luckenbill D. D., ARAB I, §§ 599, 600), после разгрома которой он собрал большую дань с Каргамиса (Там же, § 601),

70. Meriggi P., MEG II, 2—3, № 152 + MEGT, Tav. XVI.

71. Hawkins J. D., An. St., vol. XXXI, 1981, pp. 164—165.

72. Там же.

73. Meriggi P., MEG II, 2—3, № 221 + MEGT, Tav. XXIX.

74. Meriggi P., MEG II, 2—3, № 235 + MEGT, Tav. XXVII.

75. Вопрос об отношении Яририса к династии Астируваса является одним из самых проблематичных при изучении политической истории Каргамиса. Подробнее об этом см.: Hawkins J. D., An. St., vol. XXIX, 1979, pp. 157—160.

76. А 6 = MEG II, I, № 10, Tav. I, А 7 = MEG II, I, № 9; А 15 b = MEG II, I, № 11, Tav. I; А 24 = MEG II, 2—3, № 220 + MEGT, Tav. XXVII.

77. Это слово, как и следующее, является эпитетом.

78. О действительном статусе Яририса см.: Hawkins J. D., Kargamis, в кн.: RIA, Bd. V, Lief. 5/6, 1980, p. 444. Аналогичное явление наблюдается и в билингве из Каратепа, где Ацативатас также не применяет царских титулов (см. раздел «Куэ»).

79. Предложение Камани-и-рава ⁸⁷saniyatala-и-и(а)и-и-а можно перевести двойно: «Каманиса я сделал saniyatala» («наследник» у П. Мериджи; MEG II, I, p. 3); также: Hawkins J. D., An. St., vol. XXIX, 1979, p. 159). Такой интерпретации сильно препятствует глагол и(а)и- «сделать» сильным, могучим, большим» (Meriggi P., NHG, S. 139); для правильного перевода скорее ожидается глагол izi-(ya) — «сделать». Исходя из этого, мы склонны предложить несколько иной перевод, рассматривая слово saniyatala в качестве эпитета или даже слова со значением «наследник»: «Я наследника (?) Каманиса сделал высоким». На это указывает и то, что Каманис и saniyatala стоят в вни. п. ед. ч., т. е. согласуются в падеже, что нереально в случае первого перевода.

80. Значение этих слов неизвестно.

81. Город Хармэна упоминается также в поврежденной надписи Kululu XIII (см. в разделе «Бит-Буруташ»), вероятно, в качестве территориального эпитета какого-то бога.

82. См. таблицу в статье Д. Хокинса: Kargamis, в кн.: RIA, Bd. V Lief. 5/6, 1980, p. 440.

83. X. Т. Боссерт считал, что здесь передано название города Вавилона (Ог., vol. 29, 1960. S. 442)

84. Согласно И. М. Дьяконову, под Муса подразумеваются «западные мушки» клинописных источников, т. е. фригийцы, а под Мусака—«восточные мушки» верхнего Евфрата, т. е., возможно, протоармяне (см.: Фригийский язык, в кн.: ДЯМА, М., 1980, с. 363, прим. 18; более подробно в кн.: Prehistory, pp. 115—119).

85. Выдвинуто предположение об идентичности Сура и Сирии (*Hawkins J. D.*, Iraq, vol. XXXVI, 1974, P. 1/2, p. 68, n. 6).

86. Этот топоним пока еще не идентифицирован.

87. Об этом глаголе см.: *Hawkins J. D.*, An. St., vol. XXV, 1975, p. 150—151.

88. $A\ 4a + A\ 18\ d\ 2 = \text{MEG II, 2—3, № 162 MEGT, Tav. XVII: } A\ 4c - \text{MEG I, 2—3, № 164 + MEGT, Tav. XVI: } A\ 31/32 + A\ 30\ b = \text{MEG II, 2—3, № 257 + MEGT, Tav. XXXIII (также } \textit{Hawkins J. D.}, \textit{An. St.}, \textit{vol. XXXI, 1981, pp. 155—157, № 6}).$

89. *Meriggi P.*, MEG II, 1, № 28, Tav. XI.

90. Идеограмма № 109—«Голова телянка» (*Laroche E.*, NH, № 109), является начальной идеограммой при обозначении города Мелид.

91. *Hawkins J. D.*, RIA, Bd. V, Lief. 5/6, 1980, p. 444.

92. Имеется в виду употребление глагольной формой на—*mip*; эта форма является одной из самых проблематичных в грамматике ИЛ языка (*Morpurgo-Davies A.*, в кн.: *Festschrift Szemerényi, II, 1979, pp. 582—583*).

93. Высказывалось мнение о том, что здесь речь идет не о дарении, а о продаже земель (*Hawkins J. D.*, *Morpurgo-Davies A.*, *Buying and Selling in Hieroglyphic Luwian*, в кн.: *Serta*, p. 94).

94. Вероятно, здесь также имеет место операция купли-продажи, как и в случае с сыном брата Каманиса.

95. Скорее всего это титул, образованный от глагола *waliyanu(wa)*—«превозносить, прославлять» (*Meriggi P.*, NHG, S. 137).

96. См. прим. 38 настоящей главы. Без всякого сомнения, *z* и *s* чередуются и в написании названия города Алеппо: $I-l\acute{a}/i-wa/i-si-na^{URU}$ (*Maraş IV, 4*)

$I-la-pa-zi-na^{URU}$ (*A 2!, 8*)

97. Раньше слово $26-l\acute{a}/i-sa$ трактовалось в качестве негативной частицы «не» (*Meriggi P.*, NHG, S. 86), что дало повод некоторым исследователям для идентификации Састураса с Сардури II, царем Урарту, так как приведенная фраза интерпретировалась таким образом: «Састурас — не слуга Каманиса» (или «Каманис—не слуга Састураса»). Но чтение имени Састураса в надписи $A\ 21/22\ b+a$, где тот выступает как отец составителя надписи (т. е. царя Писириса), а также анализ всех употреблений этого слова и данного контекста привели к принятию новой интерпретации словосочетания $26-l\acute{a}/i-sa$

xi-ta' = *hantilis mlta „передний/первый слуга“ (см.: *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXIX, 1979, pp. 161–162).

98. Новейшую интерпретацию текста см. в статье: *Hawkins J. D.*, *Morpurgo-Davies A.*, в кн.: *Seria*, pp. 91–105.

99. Приводим список этих городов в том порядке, в каком они упоминаются в надписи: 382-hag(a)lara, Латапа, Апакуру(н)та, Цар(а)хану, Сара/иму(н)та, Иса(н)та, Хухура/и(н)та, Сатарпа. По логике эти города должны были находиться в районе находки нашей надписи (т. е. западнее Каргамиса, ближе к другому лувийскому царству—Унки/Паттину), но, к сожалению, ни один из них в настоящее время не может быть локализован в виду отсутствия названий этих городов в клинописных ассирийских и хеттских источниках.

100. *A 13a-c* = MEG II, 2–3, № 174+MEGT, Tav. XIX (также *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXXI, 1981, № 18, pp. 164–165); *A 21/22b+a* = MEG, II, 2–3, № 217+MEGT, Tav. XXV (также *Hawkins J. D.*, указ. соч., № 7, pp. 157–160). К времени Писириса, вероятно, относятся и надписи *A 17 b* (MEG II, 2–3, № 190+MEGT, Tav. XXI), где составитель—Тархуварас говорит, что он является внуком или потомком Каманиса, и *A 19r* (MEG II, 2–3, № 213+MEGT, Tav. XXV).

101. О причинах отнесения надписи к Писирису см.: *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXXI, 1981, p. 159.

102. См.: *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXXI, §1931, p. 159.

103. Там же.

104. См.: *Hawkins J. D.*, *RIA*, Bd. V, Lief. 5/6, 1930, p. 445.

105. Здесь, видимо, следует восстановить глагол «брать, взять», регулярно фигурирующий во фразах о расположении богов к составителям надписей.

106. Чередование детерминативов KUR и URU в ИЛ надписях с одним и тем же географическим названием не редкость. Название Каргамиса чаще всего выступает с детерминативом «город», но есть и случаи со «страной».

107. *Luckenbill D. D.*, *ARAB* I, §§ 769, 772.

108. Там же, II, §§ 8, 79, 92, 99, 118, 137.

109. В этом отношении «северосирийский» стиль намного отличается от «малоазийского» (например, Мелид, Табал).

110. *del Monte G. F.*, *Tischler J.*, *OGhT*, S. 267; также *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXXIII, 1983, pp. 135–136.

111. *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXX, 1930, p. 156.

112. *Grayson A. K.*, *ARI* II, § 426.

113. Там же, §§ 547, 582–584, 591.

114. *Luckenbill D. D.*, *ARAB* I, §§ 559–561, 602, 608, 609, 614, 620, 621, 635, 643, 670, 680.

115. Там же, §§ 602, 621, 643, 670.

116. Анализу данного вопроса посвящена статья Д. Усишкина: Was Bit-Adini a Neo-Hittite or Aramean State?, *Or.*, vol. 49, fasc. 4, 1971, pp. 431–437. Название царства приводится нами в кавычках, потому что пока еще не известно его самоназвание.

117. См.: *Orthmann W.*, *USK*, S. 46–48; также *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXX, 1980, pp. 155–156.

118. *Meriggi P.*, *MEG II*, 2–3, №№ 280–284. Отдельное издание *Tell Ahmar I* см. в статье Д. Хоккинса в *An. St.* vol. XXX, 1980, pp. 139–156, Fig. 1, Pl. VI. Недавно был опубликован еще один фрагмент надписи из Тель-Ахмара, хранящейся в Луврском музее (*Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXXIII, 1983, pp. 131–136, Fig. 2).

119. *Meriggi P.*, *MEG II*, 2–3, №№ 280, 281+MEGT, Tav. XXXVII, XXXVIII.

120. *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXX, 1980, p. 156.

121. Здесь сохранились знаки: Pá?+ra/i-sà-[.?.-pa-wa/i-ni]-sa-pa-wa/i-na URU. «Парсапа-ванис» (т. е. «парсальская»); реконструкция принадлежит П. Мериджи (MEG II, 2–3, p. 217). Новый фрагмент как будто опровергает чтение П. Мериджи, о чем см. ниже.

122. Любопытно, что в *Tell Ahmar I, II* налицо словосочетание KUR.LUGAL-is «царь страны», которому в других ИЛ надписях соответствует KUR-ni EN-ia(i)s «господин/владыка страны».

123. Слово DUM.U-300-488-ka la-sa (= *ham(a)sukalas) обычно переводится как «правнук» (*Laroche E.*, *HH*, № 45.2, p. 32; также *Meriggi P.*, *HHG*, S. 10), но несколькостораживает отсутствие имени деда в генеалогии. Может ли это говорить о том, что дед составителя надписи не являлся царем? Вряд ли, так как в предл. 7–10 ясно говорится, что он был не только обычным, но даже известным царем. Причем здесь он обозначен знаком № 331—«дед», так что приходится сомневаться в том, идентичны ли Ханатилас и «дед», упомянутый в середине текста. Скорее всего, нет; вероятно, составитель надписи хотел подчеркнуть имя самого известного царя или основателя своей династии.

124. Отметим, что такой большой список богов не сохранился ни в одной другой ИЛ надписи.

125. *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXX, 1980, pp. 133–155).

126. Перевод этого слова как «владение» и сравнение с клин. лув. urati-согласуется с контекстом (*Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXX, 1980, p. 147).

127. Об этом термине родства см. в разделе «Каргамис».

128. Последнее предложение не совсем понятно, так как в тексте утерян глагол.

129. Об интерпретации слова taniti см.: *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XXX, 1980, p. 151,

130. Чтение этого имени предложено в статье М. Поэтто: *Una revisione dell'iscrizione luvio-geroglifica di Til-Barsip II*, ОА, vol. 17, 1978, p. 279. Д. Хоккинс допускал несколько иное чтение—Масуицаварас (An. St., vol. XXX, 1980, p. 139, п. 4), но с опубликованием Луврского фрагмента он отказался от чтения Масуицапарас, так как в указанном фрагменте упоминается город Masu-wara/i-. Он предлагает видеть в Ma-su-wa/i +ra/i-za-sa (*Tell Ahmar II*) этническое прилагательное с суффиксом -za-, и переводит вступление надписи следующим образом: „Я, Хамиятас, Масуварский [царь...]“, по подобию аналогичной конструкции в каргаминских надписях. Далее он предлагает сравнение нерогл. Masuware/i- с хетт. URU Maziwati (*Hawkins J. D.*, An St., vol. XXXIII, 1983, pp. 131—136).

131. *Meriggi P.*, MEG II, 2—3, № 307+MEGT, Tav. XLIV; новейшее издание надписи содержится в статье Д. Хоккинса (An. St., vol. XXX, 1980, pp. 151—154, Fig. 2, Pl. VII).

132. *Hawkins J. D.*, указ. соч., p. 140.

133. По мнению Д. Хоккинса, *Tell Ahmar II* и *Aleppo II* составлены почти одновременно (An. St., указ. соч., p. 155).

134. Отведя упомянутым в надписях двум династиям около 100 лет правления, Д. Хоккинс предполагает существование четырех царей «законной» династии, а к узурпаторам причисляет и сына Хамиятаса, хотя тот был современником *Tell Ahmar I*; составитель этой надписи вполне ясно говорит, что он был «возвышен» еще при жизни Хамиятаса, поэтому нам представляется трудным отнести правление сына Хамиятаса ко времени, охватываемой периодом двух династий.

135. *Hawkins J. D.*, Halab, в кн.: RIA, Bd. III, Lief. 1, 1957—1971, p. 53.

136. Примечательно, что эти люди обозначены словом 20-tatinzi (км. пад. мн. ч. от 20-tatis), и Д. Хоккинс на этом основании справедливо полагает, что в обеих надписях речь идет об одном и том же событии (An. St., vol. XXX, 1980, p. 148).

137. *Ussishkin D.*, Or., vol. 40, fasc. 4, 1971, pp. 434—436.

138. Сухис II сообщает о победе над неким врагом, захватившем статую «бога Тархунтаса города Парка». Отождествление нерогл. Парка с хетт. URU Paṛq/ṣa (на месте совр. Баркума, юго-западнее Алеппо) как будто подкрепляет мысль о том, что до указанных событий район города Алеппо входил в состав царства Каргамис (об этом подробно см. в разделе «Каргамис»).

139. *Luckenbill D. D.*, ARAB I, §§ 610, 647.

140. Там же, §§ 652—654, 659, 667, 681, 691.

141. Краткая политическая история Хамата после лувийских царей содержится в статье Д. Хоккинса: Hamath, в кн.: RIA, Bd. III, Lief. 1, 1957—1971, pp. 68—69.

142. Надписи Хамата опубликованы в книге П. Мериджи: MEG II, 1, №№ 5/6, 8; MEG II, 2—3, №№ 312—316, 319, 320.

143. *Restan* = MEG II, 1, № 5/6; *Qal'at el-Mediq* = MEG II, 2, № 6; *Hamath IV* = MEG II, 2—3, № 312 + MEGT, Tav. XLV. Палеографически Ур(а)-хилинасу может принадлежать и пострадавшая надпись *Hamath V* = MEG II, 2—3, № 313 + MEGT, Tav. XLV.

144. В надписи имя передано без окончания им. п. ед. ч. —s, но в надписи его сына (см. ниже) оно есть, поэтому мы считаем целесообразным приводить грамматически правильную форму Ур(а)хилинас.

145. П. Мериджи склонен прочесть это имя как Партас (MEG II, 2—3, p. 246), основываясь на чтении знака № 13 как par (*Laroche E.*, NH, p. 7—8).

146. *Meriggi P.*, MEG II, 1, № 8.

147. Из-за отсутствия клинописных параллелей трудно локализовать страну Хурпанта.

148. Для этого топонима предлагалось сравнение с ассир. Лаке (*Meriggi P.*, NHG, S. 78), хотя и есть сомнения на этот счет (*Hawkins J. D.*, в кн.: RIA, Bd. III, Lief. 1, 1957—1971, p. 68).

149. Э. Ларош сравнивает город Мусанипа с клинописным ^{URI} Mušunipa (NH, № 411, p. 217).

150. Прежде этот топоним читался как Нахармас и сопоставлялся с арамейским царством (Арам) Нахарайм (*Laroche E.*, NH, № 24; p. 18), но позже было предложено чтение ki для знака № 24, хотя кажется, что старое чтение бесспорно.

151. *Meriggi P.*, MEG II, 2—3, № 20 + MEGT, Tav. XLVI.

152. Палеографически эта надпись относится к периоду Ур(а)хилинаса — Уратамиса (*Hawkins J. D.*, Hamath, в кн.: RIA, Bd. III, Lief. 1, 1957—1971, p. 68).

153. *Mehardec* = MEG II, 2—3, № 316 + MEGT, Tav. XLVI; публ. клин. *Sheizar* и сравнительное изучение обеих на иврей содержится в статье Д. Хоккинса: *Florilegium Anatolicum*, pp. 145—156.

154. До сих пор не определено значение иероглифического лувийского слова SAL-natis = *ana(n) tis (*Meriggi P.*, NHG, S. 175—177; Д. Хоккинс склонен скорее переводить его как „жена, женщина“, нежели как „мать“ (*Hawkins J. D.* указ. соч., p. 153).

155. Примечательно, что в одной надписи, обнаруженной севернее рассматриваемых надписей, недалеко от совр. города Антакья, т. е. предположительно на территории лувийского царства Унки/Паттин (*Tell Ta'jimat I*), составитель, имя которого стерто, называет себя царем «страны Ватасатини». Если чтение этого отрывка надежно, то можно было бы предположить, что наши хаматские надписи относятся к Унки/Паттину.

156. *Hawkins J. D.*, указ. соч., p. 150.

157. *Grayson A. K.*, ARI II, § 587. Краткая политическая история Куммуха изложена в статье Д. Хоккинса: *Kummuḫ*, в кн.: RIA, Bd. VI, Lief. 5.6, 1983, pp. 338—340.

158. *Luckenbill D. D.*, ARAB I, §§ 599, 601, 610; царем Куммуха в 853 г. до н. э. назван Кундашпи. Отметим, что дань Куммуха была незначительной по

сравнению с данью Каргамиса. В неопубликованной надписи Ададнирари III упоминается еще один царь Куммуха—Ушпилулуме, под 805 и 773 гг. до н. э. (*Hawkins J. D.*, *Iraq*, vol. XXXVI, P. 1/2, 1974, pp. 79—89).

159. Меликишвили Г. А., УЖН, № 155 Е, сс. 282—285.

160. *Luckenbill D. D.*, *ARAB I*, §§ 769, 772, 797, 801, 813.

161. Там же, II, § 27.

162. Там же, §§ 45, 64.

163. Куммухские надписи изданы в книге П. Мериджи: *MEG II*, 2—3, №№ 124—131.

164. *Samsat I*—*MEG II*, 2—3, № 126+*MEGT*, Tav. XI; *II*—*MEG II*, 2—3, № 127+*MEGT*, Tav. XI.

165. Предполагается, что столица Куммуха—ассир. ^{KUR} *Kummuḫ*, находилась именно вблизи совр. города Самсат (*Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XX, 1970 p. 69).

166. *Hawkins J. D.*, Von Kummuh nach Kommagene, в кн.: *Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte*, Künachst-Köln, 1975, S. 6.

167. Х. Т. Боссерт полагал, что под *Mukisa(n)za*^{KUR} подразумевается известная во II тыс. до н. э. страна Мукиш (Алалах) в верхней долине реки Оронт (совр. округ Хатаи), хотя она отсутствует в письменных источниках I тыс. до н. э. (*Bossert H. Th.*, *Reisebericht aus Anatolien*, Or., vol. 28, 1953, fasc. 3, S. 274).

168. *Hawkins J. D.*, *An. St.*, vol. XX, 1970, pp. 72—97, Fig. IXa-b, XIII-a-b; *Meriggi P.*, *MEG II*, 2—3, №№ 128—131+*MEGT*, Tav. XIII—XIV.

169. Чтение этого имени связано со значительными трудностями. При фонетическом чтении знаков №№ 322 и 215 соответственно как *tu* и *ha*, получается имя Тухамис (*Meriggi P.*, *HHG*, S. 132—133). Но в то же время предлагается и идеографическое чтение этих знаков по аналогии с сочетанием двух клинописных идеограмм, передающих имя хеттского царя Суппилулиумаса—*KU.1U.LU-ma*; этой точке зрения придерживаются Э. Ларош и Д. Хокинс (*HH*, № 215, p. 118, № 322, p. 165—166; *An.St.*, vol. XX, 1970, pp. 77—78). Если принимать во внимание идеографическую передачу имени сына Панамуватис—Хаттусилиса, то и в данном случае придется трактовать наше имя как Суппилулиумас, особенно если иметь в виду упоминание в ассирийских источниках царей Куммуха с хеттскими династическими именами (Катацили-Хаттусилис, Ушпилулуме-Суппилулиумас, Муталлу-Муваталлис).

170. Этот титул засвидетельствован только дважды в Каргамисе и в Хамате. Предложенный Д. Хокинсом перевод «решой господин» (там же, p. 82) опирается только на интерпретацию сочетания знаков *ID.EN* «река+господин».

171. Эпитет богини Кубабы; см.: *Hawkins J. D.*, указ. соч., pp. 89—91. Кубаба—главная богиня послехеттского пантеона, по своему значению уступающая разве что только верховному богу Тархунтасу (*Hawkins J. D.*, *Kubaba*,

в кн.: RIA, Bd. IV, Lief. 3/4, 1982, pp. 257—261; Bittel K., Kubaba, в кн.: RIA, Bd. IV, Lief. 3/4, 1982. S. 261—264).

172. Словосочетание «мой господин» является известной формой обозначения мужа, а не сюзерена в надписях, составленных особами женского пола (Hawkins J. D., указ. соч., p. 81).

173. Трудно объяснить появление знака па вместо та при передаче названия города—*Н-р-là-tà-па п*, так как в двух других случаях налицо *Hupilata-ta* (III—IV, 2, 5).

174. Значение глагола неясно. Он встречается только несколько раз в архаичной надписи из Эмиргази.

175. Подробный анализ вопроса о взаимоотношениях упомянутых лиц содержится в статье Д. Хоккинса: *An.St.*, vol. XX, 1970, pp. 79—81.

176. Еще на первых порах изучения обеих надписей Х. Т. Боссерт выдвинул предположение о том, что город Сукита идентичен городу *URU Šakziya/Šugazziya* хеттских и точников (*Or.*, vol. 28, 1959, fasc. 3, S. 273—274).

177. Hawkins J. D., указ. соч., p. 109.

178 Д. Хоккинс склонен к идентификации этого Сунпилиумаса с царем Куммуха Ушпилиуме из текстов ассирийских царей Ададирари III и Салманасара III (*Iraq*, vol. XXXVI, P. 1/2, 1954, p. 79).

Глава IV

1. Полный список ИЛ топонимов будет помещен в другой нашей работе.
2. Точная локализация неясна, однако, как нам кажется, название этого города можно сравнить с клинописным *URU Alajali*, который М. Астур локализует к северу от города Алалах в Северной Сирии (*Or.*, vol. 38, fasc., 1969, p. 389 и карту).

3. О горе Хархар (=античн. Аргеос, совр. Эрджияс, в районе города Кайсери) см. в разделах «Мелид» и «Табал».

4. Город находился на территории царства Каргамис. Вероятно, был основан в первой половине VIII в. до н. э. царем Каманисом и назван его именем (см. раздел «Каргамис»). О существовании практики присвоения городам имен построивших их царей, свидетельствует также другой пример—город Ацативатая в Куэ.

5. Упомянут в надписи царя Каргамиса Катуваса; вероятно, находился в Северной Сирии.

6. *-wapa/-*: Laroche E., *Comparaison du louvite et du lycien*, BSL, vol. 55, fasc. 1, 1960, p. 171—172; по теории Э. Лроша ИЛ и клин. лув. *-wapa-* соответствует хетт. *-uḫana-*, и обе они подходят к первоначальному **-uḫan/-ajaja/-*: Hawkins J. D., Morpurgo-Davies A., Neumann G., NHI, pp. 41—42.

7. В ряде случаев засвидетельствованы только формы с суффиксами принадлежности, которые, правда, не препятствуют определению типа данного топонима.

8. О приблизительной локализации Парцу(н)та см. раздел «Табал».

9. Исследователи единодушны во мнении относительно характера этого топонима. Так, еще Х. Т. Боссерт считал, что Мусанца обозначает мисийцев (Or., vol. 30, fasc. 1, 1961, S. 115); П. Мериджи отождествлял Муса с лидийцами (NHG, S. 84), И. М. Дьяконов — с западными мушками, т. е. с фригийцами (в кн.: Prehistory, pp. 115—119). Каждое из упомянутых мнений обосновано, если считать суффикс —a/inza только этническим (Hawkins J. D., An. St. vol. XXV, 1975, p. 152), однако не все топонимы с участием этого суффикса могут быть трактованы как этнонимы (см., в частности, следующий пример).

10. Идентичен с хетт. URU Kururriya (*Meriggi P.*, NHG, S. 77) Идеограмма № 237 изображает высокие крепостные ворота, и, вероятно, в данном случае употреблен в качестве своеобразного дополнительного препозитивного детерминатива в смысле эпитета (что-то типа «высоковратный» город Курупия).

11. В одном из примеров, где засвидетельствована форма без wapa/wapi- (A-sú + ra/i^{KUR}-la-na-^{URU}), по-видимому, следует видеть ИЛ название Ассирии. Все четыре примера с двойным детерминативом не имеют аналогов в ИЛ эпиграфике.

12. Об этом см. в главе «Иероглифические лувийские надписи».

13. Более полно, исчерпывающему анализу ИЛ ономастики будет посвящена другая наша работа.

14. Этот тип, хорошо известный в Малой Азии еще со времен каппадокийских табличек, изучен в капитальном труде Э. Лароша: NH, p. 239—246.

15. *Laroche E.*, указ. соч., p. 235—241.

16. Кажется, это имя не встречается в хеттских текстах в такой форме; однако, ср. *Haššawa* (*Laroche E.*, NH, № 331).

17. *Laroche E.*, DLL, p. 69—70. У Э. Лароша фигурирует под номером 772 (*Masana).

18. О значении этой весьма распространенной в хетто-лувийских языках основы см.: *Güterbock H. G.*, Ar. Or., Bd. XVIII, 1/2, 1950, S. 236—238; *Friedrich J.*, HW, S. 145—146; *Goetze A.*, The Linguistic Continuity of Anatolia as shown by its Proper Names, Journal of Cuneiform Studies, vol. VII, 2, 1954, p. 74; *Laroche E.*, DLL, p. 72; *Houwink Ten Cate Ph. H. J.*, LPG, pp. 166—169; *Meriggi P.*, NHG, S. 85; *Laroche E.*, NH, p. 322—324.

19. Таких имен сравнительно мало также и в хеттских текстах; см.: *Laroche E.*, NH, p. 281—282.

20. Разные формы этого имени связаны с тем, что во всех случаях употребления имени бога и личного имени в начале присутствует идеограмма № 102 (и 103) — «олень, олений рог», и неясно, какую часть основы она скрывает. Имя

этого божества входило в состав многих личных имен и в более поздний— эллинистический период (*Houwink Ten Cate Ph. H. J.*, указ. соч., pp. 128—131).

21. Неясна функция весьма продуктивного форманта-*wa-*. Возможно, он идентичен с элементом *-ag(a)* хеттской ономастики из каппадокийских табличек (*Laroche E.*, NH, p. 311).

22. *Laroche E.*, указ. соч., p. 317—333.

23. *Laroche E.*, указ. соч., p. 365—379.

24. Там же, p. 286—287.

25. Там же, p. 282—286.

26. Засвидетельствована также другая основа имени бога без расширения—

Tarhupiyas (^m *TRH-hu-pi-ia-sa*, им. п.) в *Maraš IX, I*.

27. *Laroche E.*, указ. соч., p. 318—327.

28. В ИЛ эпиграфике известен только один детерминатив лица (*Laroche E.*, NH, № 383), и поэтому, хотя *Rapamuwatis*—женское имя, мы сочли нужным транслитировать этот знак как *m*.

29. Сложное суффиговое имя; разбор см. в статье Д. Хокиса: *An. St.*, vol. XX, 1970, p. 77.

30. *Laroche E.*, NH, p. 282.

31. Там же, p. 282—283.

32. Хурритский характер примеров 3, 4, 5, 6 отмечал еще Э. Ларош (NH, №№ 90, 174, 209, 210, 413). Более чем вероятно предположение проф. И. М. Дьяконова об урартском (из *Teišeba*), нежели хурритском (из *Teššub*) источнике данной формы (устное сообщение).

33. *Gelb I. J., Purves P. M., MacRae A. A.*, NPN, p. 41.

34. Там же; *Sasson J. M.*, *Hurrian Personal Names in the Rimah Archives, Assur*, vol. 2/2, 1979, p. 6; *Draffkorn A.*, HNA, p. 29.

35. Именно из-за предлагаемых хурритских параллелей мы передаем —а— в скобках.

36. Можно ли усмотреть здесь сложное теофорное имя, состоящее из имен двух божеств, тип. хорошо известный из хеттских текстов (*Laroche E.*, NH, p. 282), представленный также—хотя и единичным примером— в ИЛ надписях (IV тип, пункт в) ? Хурритское имя ^f *Īebal-Tilla*—женское, в то время как *Ханатилас* являлся делом царя «Тиль-Барсипа». К тому же сложение имен матери и сына (в данном случае *Īebal* и *Tilla*) не имеет аналогий (устное сообщение проф. И. М. Дьяконова), поэтому наша идентификация представляется нам более чем сомнительной.

37. *Draffkorn A.*, HNA, pp. 28—29. *Gelb I. J., Purves P. M., MacRae A. A.*, NPN, p. 42. Идентификация Э. Лароша (NH, № 90. У, b; NH, № 225).

38. Э. Ларош с большим сомнением предлагал для этого имени два варианта хурритского прототипа: а) **Askar(i)-Tešub* (в то время первый знак читался

как а, вместо нового и) (НН, № 174) и б) *Eskarri-Tešub (НН, № 209. 2). Имя фигурирует в НН под номером 172 (Askar-Tešub?). Он допускал возможность гибридного характера этого имени, так же как и двух следующих в нашем списке (№№ 5, 6).

39. *Laroche E.*, НН, № 727.

40. Там же, № 1288 (Tarna-Tešub).

41. *Gelb I. J., Purves P. M., MacRae A. A.*, NPN, p. 166; сравнение Э. Ларша (НН, № 413). Проф. И. М. Дьяконов считает, что имя Igḫileni является скорее заимствованием в хурритском из ИЛ, нежели наоборот, как это принято в специальной литературе (устное сообщение).

42. *Dräffkorn A.*, ИНА, p. 62.

43. Об этом см. в разделе «Каргамис».

44. *Hawkins J. D.*, Hatti (1st millennium), в кн.: RIA, Vol. III, Lief. 2/3, 1973, p. 152.

45. *Mérliggi P.*, NHG, S. 70.

46. Предположение выдвинуто в дополненном английском переводе книги проф. И. М. Дьяконова, ИАН: Prehistory, II, 195, p. 37.

47. На это в свое время обратила внимание также М. Меллишк (*Mitt. Mus. H. 195 1/2*, p. 21).

48. Проф. И. М. Дьяконов совершенно справедливо считает, что малочисленность хетто-лувийских имен в ИЛ надписях можно объяснить тем, что в правящую верхушку лувийских царств входили большей частью хетто-лувийцы (устное сообщение). Трафаретные и короткие ИЛ надписи содержат ограниченное число имен царей и высокопоставленных лиц, и вряд ли стоит удивляться, не обнаружив в них ономастику других этнических групп Малой Азии и сопредельных областей.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 1200 г. до н. э. ± — Распад Хеттского государства; передвижения «народов моря» и носителей других языковых групп по всей Малой Азии и прилегающим областям.
- XII в. до н. э. — «Темный период» истории Малой Азии; эпоха образования новых политических единиц на части бывших территорий Хеттского государства (Мелид—в восточной Малой Азии и в верхнеевфратской долине, Каргамис—Северной Сирии); царь Мелида Ярра/итархунтас.
- 1165 г. до н. э. — Вторжение мушков через Евфрат в западную часть Армянского нагорья.
- 1114 г. до н. э. — Поход Тиглатпаласара I на «страны Наири»; царь Мелида Аллумари.
- ок. 1110 г. до н. э. — Поход Тиглатпаласара I в Северную Сирию; царь «страны Хатти» (=Каргамиса) Ини-Тешуб.
- XI—X вв. до н. э. — Расширение территории Мелида за счет восточных и юго-восточных областей Малой Азии в правление царей Тараса и Рунтияса.
- конец XI—начало—Цари Каргамиса X-ra-ziti и его сын Уратархунтас.
- X вв. до н. э.
- середина X—начало Династия Астуватаманцаса в Каргамисе.
- IX вв. до н. э.
- 930—920-е гг. X в. — Война Сухиса II с Хатанимасом.
- до н. э.
- 920-е гг. до н. э. — Восстание «потомков Уратархунтаса» в Каргамисе; подавление восстания царем Катувасом; победа Катуваса над Куэ.
- конец X в. до н. э. — Отпадение части территории Каргамиса и образование независимых царств Хамат, «Тиль-Барсипп» (Уики/Паттин (?)) и Гургум (?); царь «Тиль-Барсиппа» Хамиятас; война «сына Арияхинцаса» с «сыном Хамиятаса».
- I пол. IX в. до н. э. — Лувийская династия Хамата (цари Ур(э)хилинас и Уратамис); потеря Мелидом своих западных владений (?).
- 866 г. до н. э. — Куммух—даннык Ассирии (Ашшурнацирапал II).

- 858 г. до н. э. — Поход Салманасара III в Северную Сирию. Война с Бит-Адини.
- 856 г. до н. э. — Захват Тиль-Барсипа ассирийцами и переименование города в Кар-Шульмануашаред; усиление ассирийского влияния в Северной Сирии.
- 853 г. до н. э. — Поход Салманасара III в Северную Сирию; битва при Каркаре между ассирийцами и центральносирийским союзом; временное поражение Салманасара III.
- 853—835 гг. до н. э. — Походы Салманасара III на «страны Наири»; царь Мелид Лалли.
- середина IX в. до н. э. — Поход царя Гургума Халпарунтияса II на Алеппо и разграбление города.
- 836 г. до н. э. — Поход Салманасара III на Мелид и Табал; «24 царства Табала».
- конец IX в. до н. э. — Поход урартского царя Менуа на Мелид и взятие дани с царя Хиларуады.
- конец IX в. до н. э. — Династия Астируваса в Каргамисе.
- 783 г. до н. э. — Поход урартского царя Аргишти I в верхнеевфратскую долину; Мелид—даник Урарту.
- середина IX в. до н. э. — Царь Табала (=Бит-Буруташа) Туватис.
- 743 г. до н. э. — Битва при Килишане и Халпи между Тиглатпаласаром III и Сардури II, царем Урарту; разгром антиассирийской коалиции.
- 743—738 гг. до н. э. — Включение лувийских царств в сферу ассирийского контроля; превращение Унки/Паттиа в ассирийскую провинцию.
- около 732 г. до н. э. — Создание новой антиассирийской коалиции с участием лувийских царств Табала (Бит-Буруташ, Тувана и др.); восстание Васусармаса, царя Бит-Буруташа, его война со страной Парцу(н)та (с проассирийскими силами в восточной Малой Азии?).
- 728 г. до н. э. — Поражение антиассирийской коалиции; смещение Васусармаса Тиглатпаласаром III и назначение царем Бит-Буруташа Хулли, племянника правителя «Кулулу».
- 720-е гг. до н. э. — Новое восстание в Табале против Ассирии; смещение Хулли и воцарение его сына Амбариса; присоединение Хилакку к Бит-Бурутану.
- 718 г. до н. э. — Захват Саргоном II Шинухту и передача его территории (А)туне.
- 717 г. до н. э. — Захват Саргоном II Каргамиса и превращение царства в ассирийскую провинцию.
- 713 г. до н. э. — Смещение царя Амбариса и превращение Бит-Буруташа в ассирийскую провинцию.

- 713 г. до н. э. — Смещение Саргоном II царя Мелида Гунзигани.
- 712 г. до н. э. — Захват Саргоном II Мелида и Гургума и их превращение в ассирийские провинции; передача столицы Мелида—города Мелид Куммуху.
- 708 г. до н. э. — Союз Куммуха с Аргишти II, царем Урарту; захват Куммуха и превращение царства в ассирийскую провинцию.
- 705 г. до н. э. — Гибель Саргона II в битве с киммерийцами; ослабление ассирийского влияния в восточной Малой Азии и верхнеевфратской долине.
- 696 г. до н. э. — Подавление восстания Сандуарри, правителя городов Сиссу и Кунду (в Киликии), против Синаххериба;
- 685 г. до н. э. — Подавление восстания правителя Тиль-Гаримму Хиди Синаххерибом.
- 676 г. до н. э. — Восстановление царства Мелид (=Бет-Тогарма); правитель Мелида Мугаллу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВИИУ — Дьяконов И. М., Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, №№ 2—4
- ассир. — ассирийский
- ВДИ — Вестник Древней Истории, Москва
- ВОНА — Вестник общественных наук НАН РА, Ереван
- ДВ — Древний Восток, Ереван
- ДЯМА — Древние языки Малой Азии, Москва, 1980
- нерогл. — иероглифический лувийский
- ИЛ — Иероглифический лувийский
- каппад. — каппадокийский
- клин. лув. — клинописный лувийский
- ПАН — Дьяконов И. М., Предыстория армянского народа, Ереван, 1968
- ст. чт. — старое чтение
- тт. — транскрипция и транслитерация
- УКН — Меликишвили Г. А., Урартские клинообразные надписи, Москва, 1960
- урарт. — урартский
- хетт. — хеттский
- ЭВ — Эпиграфика Востока, Москва
- АА — Acta Antiqua, Budapest
- АФ — — Altorientalische Forschungen, Berlin
- Ан. Ар — A adolu Arařtırmaları (=Jahrbuch für kleinasiatische Forschung), Ankara-Istanbul
- Ар. Ор. — Archiv Orientalni, Praha
- АРАВ — Luckenbill D. D., Ancient Records of Assyria and Babylonia, vols. I—II, Chicago, 1926—1927
- АRI II — Grayson A. K., Assyrian Royal Inscriptions, vol. II, Wiesbaden, 1976
- Ан. Ст. — Anatolian Studies, London
- Bl. Or — Bibliotheca Orientalis, Leiden
- BSL — Bulletin de la société de linguistique du Paris, Paris
- САН — Cambridge Ancient History, London
- DLL — Dictionnaire de la langue louvite, Paris, 1959
- ЕHS — Kronasser H., Etymologie der hethitischen Sprache, Bd. 1, Wiesbaden, 1962

- FA — Florilegium Anatolicum. Paris, 1979
- GHE — Garstang J., Gurney O. R., The Geography of the Hittite Empire, London, 1959
- GNAUT — Diakonoff I. M., Kashkar S. M., Geographical Names According to Urartian Texts (*Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes*, Bd. 9), Wiesbaden, 1981
- HH — Laroche E., Les hiéroglyphes hittites. Première partie. L'écriture, Paris, 1960
- HHa — Draffkorn A., Hurrians and Hurrian at Alalah: An Ethno-linguistic Analysis, Ann Arbor, 1971
- HHG — Meriggi P., Hieroglyphisch-hethitisches Glossar. Zweite, völlig neubearbeitete Auflage, Wiesbaden, 1962
- HHL — Hawkins J. D., Morpurgo-Devies A. — Neumann G., Hittite Hieroglyphs and Luwian; New Evidence for the Connection (*Akad. d. Wiss., Phil. — hist. Klasse*, 1973), Göttingen, 1974
- HW — Friedrich J., Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952
- JCS — Journal of Cuneiform Studies, New Haven
- JNES — Journal of Near Eastern Studies, Chicago
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London
- LPG — Houwink Ten Cate Ph. H. J., The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period, Leiden, 1961
- MEGG — Meriggi P., Manuale di eteo geroglifico, Parte I: Grammatica (*Incunabula graeca*, vol. XIII), Roma, 1966
- MEG II,1 — Meriggi P., Manuale di eteo geroglifico, Parte II: Testi — 1ª serie (*Incunabula graeca*, vol. XIV), Roma, 1967
- MEG I,2-3 — Meriggi P., Manuale di eteo geroglifico. Parte II: Testi — 2ª e 3ª serie (*Incunabula graeca*, vol. XV), Roma, 1975
- MEGT — Meriggi P., Manuale di eteo geroglifico. Parte II: Tavole 2ª e 3ª serie (*Incunabula graeca*, vol. XV), Roma, 1975
- MIO — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, Berlin
- MSS — Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, München
- NH — Laroche E., Les noms des hittites, Paris, 1956
- NPN — Gelb I. J., Purves P. M., MacRae A. A., Nuzi Personal Names, Chicago, 1943
- Or. — Orientalia, Roma
- Or. An. — Oriens Antiquus, Roma
- OGHT — dei Monte G. F., Fischler J., Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte (*Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes*, Bd. 6), Wiesbaden, 1978
- Prehistory — Diakonoff I. M., The Prehistory of the Armenian People, Delmar, New York, 1984
- RIA — Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie., Berlin-New York
- RHA — Revue hittite et asianique, Paris

- Serta — Serta Indogermanica. Festschrift Günter Neumann zum 60. Geburtstag (Hrsg. von J. Tischler), Innsbruck, 1982
- USK — Orthmann W., Untersuchungen zur späthethitischen Kunst, Bonn, 1971
- WO — Die Welt des Orients, Wuppertal-Göttingen
- ZA — Zeitschrift für Assyriologie, Berlin-Leipzig

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава I Иероглифические лувийские надписи</i>	
Характер письма	8
Распределение иероглифических лувийских надписей	11
Хронология надписей	13
Типы и структура надписей	14
<i>Глава II Малая Азия</i>	16
Мелид	17
Табал	29
а) Бит-Буруташ	31
б) Тувана-Тухана	36
в) (А) туна	38
г) Шивухту	39
д) Другие области	40
Гургум	46
Куэ	49
<i>Глава III Северная Сирия</i>	54
Каргамис	55
«Тиль-Барсипп»	74
Хамат	80
Куммух	81
<i>Глава IV Иероглифическо-лувийская топонимика и ономастика</i>	84
Топонимы	84
Личные имена	88
<i>Заключение</i>	98
<i>Суммару</i>	102
<i>Примечания</i>	106
<i>Хронологическая таблица</i>	144
<i>Список сокращений</i>	147

АРАМ ВАГАРШАКОВИЧ КОСЯН

ЛУВИЙСКИЕ ЦАРСТВА МАЛОЙ АЗИИ
И ПРИЛЕГАЮЩИХ ОБЛАСТЕЙ
в XII—VIII вв. до н. э.
(по иероглифическим лувийским источникам)

Редактор издательства Л. С. Азатян
Худ. редактор Г. Н. Горцакалян
Тех. редактор З. А. Саргсян
Корректор Л. С. Азатян

ИБ № 1667

Сдано в набор 5.05.92 1992 г. Подписано к печати 5.01. 1994 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага № 1. Шрифт литературный.

Высокая печать. Печ. л. 9,8. Учетно-изд. л. 6,58.

Тираж 500. Зак. № 55. Цена договорная.

Издательство НАН Армении, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24 г.
Типография Издательства НАН Армении, 375019, пр. Маршала Баграмяна, 24.

Π.
638927